

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ВЕСТНИК
Уфимского юридического
института МВД России

№ 2 (88)

BULLETIN
of Ufa Law Institute

Издание включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации

The journal is included into the list of the reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in which the main results of theses for the degrees of Doctors and Candidates of Sciences must be published

Уфа – 2020

12+

Главный редактор:

Ханахмедов Алексей Сефединович – кандидат юридических наук, начальник Уфимского юридического института МВД России.

Заместитель главного редактора:

Терехов Алексей Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России (по научной работе).

Члены редакционной коллегии:

Азнагулова Гузель Мухаметовна – доктор юридических наук, доцент, первый заместитель директора, заведующая кафедрой теории государства и права Института права Башкирского государственного университета.

Аминев Фарит Гизарович – доктор юридических наук, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета.

Асианова Светлана Рифовна – кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Баишева Зия Вагизовна – доктор филологических наук, доцент, заслуженный учитель Республики Башкортостан, профессор кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета.

Бакирова Лена Рифхатовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Барков Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Ульяновского государственного университета.

Беглова Елена Ивановна – доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России.

Буканова Роза Гафаровна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Варданян Акоп Вараздатович – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России.

Вилкова Алевтина Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России.

Грачев Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры противодействия незаконному обороту наркотиков Международного межведомственного центра подготовки сотрудников оперативных подразделений имени генерал-лейтенанта милиции А. Н. Сергеева ВИПК МВД России.

Гришко Александр Яковлевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России.

Даянов Ирек Сайфуранович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Емелин Сергей Михайлович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры зарубежной истории Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета.

Еникеев Зуфар Иргалиевич – доктор юридических наук, профессор, Председатель Конституционного Суда Республики Башкортостан.

Заурова Эльвира Викторовна – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России.

Ильин Дмитрий Юрьевич – доктор филологических наук, доцент, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заведующий кафедрой русской филологии Волгоградского государственного университета.

Ильяшенко Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета.

Имаева Юлия Борисовна – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Исаева Регина Минияровна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Искандарова Гульнара Рифовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Каац Марина Эвальдовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Каримов Рим Римович – кандидат юридических наук, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Костенников Михаил Валерьевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, профессор кафедры подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка и сотрудников для подразделений по вопросам миграции ВИПК МВД России.

Куракин Алексей Валентинович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка и сотрудников для подразделений по вопросам миграции ВИПК МВД России.

Латыпов Вадим Сагитьянович – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Линевич Владимир Леонтьевич – кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Литвишков Владимир Михайлович – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России.

Лысенко Евгений Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры управления в органах внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Макаренко Илона Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Башкортостан, председатель Центральной избирательной комиссии Республики Башкортостан.

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Мамлеева Дилара Радиковна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Миронов Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и муниципального права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Морозов Сергей Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Ульяновского государственного университета.

Мулукаев Роланд Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Российской Академии естественных наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России.

Небрятенко Геннадий Геннадиевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России.

Низаева Светлана Рамилевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Нуркаева Татьяна Николаевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Нухов Салават Жавдатович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка и межкультурной коммуникации факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета.

Петрова Елена Александровна – доктор филологических наук, доцент, Отличник образования Республики Башкортостан, заведующий кафедрой иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Победкин Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России.

Поезжалов Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Рахимов Эльдар Харисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Сердюк Леонид Васильевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета, профессор кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Тужилова-Орданская Елена Марковна – доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный юрист Республики Башкортостан, заведующая кафедрой гражданского права, профессор Института права Башкирского государственного университета.

Усманова Резида Минияровна – доктор юридических наук, доцент, Отличник образования Российской Федерации, декан юридического факультета Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета.

Хакимова Эльмира Робертовна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Халиков Аслям Наилевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминологии Института права Башкирского государственного университета, профессор кафедры криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Яхина Юлия Харисовна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Республике Башкортостан.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-75866 от 24 мая 2019 г.

Журнал входит в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

научной электронной библиотеки «eLI-BRARY»

Подписной индекс: распространяется по договору подписки с ООО «Агенство «Книга-Сервис», 39481.

Адрес редакции, издателя, типографии: 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, 2.

Литературный редактор, техническая верстка Д. И. Шабазова.

Телефон/факс: (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru.

Редакционно-издательский отдел Уфимского ЮИ МВД России. Подписано в печать: 30.06.2020.

Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 23,3. Гарнитура Times. Тираж 60 экз. Заказ № 57. Цена свободная.

BULLETIN

№ 2 (88) 2020

of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation

Scientific and practical journal

Published since June 1998 quarterly

Founder and publisher – Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Editor-in-chief:

Khanakhmedov Alexey Sefedinovich – Candidate of Law, the Chief of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Deputy editor-in-chief:

Terekhov Alexey Yurievich – Candidate of Law, Associate Professor, the Deputy Chief (in research work) of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Members of the editorial board

Aznagulova Guzel Mukhametovna – Doctor of Law, Associate Professor, the first Deputy Chief of the Institute of Law of the Bashkir State University, the Head of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Aminev Farit Gizarovich – Doctor of Law, the Honoured Employee of the Ministry of Internal Affairs, professor of the Chair of Criminalistics of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Asyanova Svetlana Rifovna – Candidate of Pedagogics, lecturer of the Chair of Pedagogy and Psychology in the Internal Affairs Officers' Activity of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Baisheva Zilya Vagizovna – Doctor of Philology, Associate Professor, the Honoured Teacher of the Republic of Bashkortostan, professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Bakirova Lena Rifkhatovna – Candidate of Philology, docent of the Chair of Foreign and the Russian languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Barkov Alexey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Civil Law and Procedure of Ulyanovsk State University.

Beglova Elena Ivanovna – Doctor of Philology, Professor, Honorary Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, professor of the Chair of the Foreign language and Culture of Speech of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bukanova Roza Gafarovna – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Republic of Bashkortostan, Honorary Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Chair of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vardanyan Akop Varazdatovich – Doctor of Law, Professor, the Head of the Chair of Criminalistics and Operative-Detective Activity of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vilkova Alevtina Vladimirovna – Doctor of Pedagogics, Associate Professor, the chief researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Grachev Nikolai Ivanovich – Doctor of Law, Associate Professor, professor of the Chair of Constitutional and Administrative Law of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grigoriev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Counteraction against Illegal Drug Trafficking of the International Interdepartmental Training Center for Operational Units named after lieutenant-general of militia A. N. Sergeev.

Grishko Alexander Yakovlevich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Criminal and Penal Executive Law of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Dayanov Irek Saifuranovich – Candidate of Law, Associate Professor, docent of the Chair of Operative-Detective Activity of Internal Affairs of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Emelin Sergei Mikhailovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Foreign History of the Institute of History and Public Administration of the Bashkir State University.

Enikeev Zufar Irgalievich – Doctor of Law, Professor, the Corresponding Member of the Academy of Sciences, the Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Bashkortostan.

Zautorova Elvira Viktorovna – Doctor of Pedagogics, Professor, the Corresponding Member of the International Academy of Pedagogical Education, professor of the Chair of Legal Psychology and Pedagogy of Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Ilyin Dmitriy Yurievich – Doctor of Philology, Associate Professor, Honorary Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, the Head of the Russian Philology Chair of Volgograd State University.

Ilyashenko Alexey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, the Honoured Lawyer of Kuban, professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Kuban State University.

Imaeva Yulia Borisovna – Candidate of Law, the Deputy Chief of the Chair of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Isaeva Regina Miniyarovna – Candidate of Law, Associate Professor, the Head of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Iskandarova Gulnara Rifovna – Doctor of Philology, Associate Professor, professor of the Chair of Foreign and the Russian languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kaats Marina Evaldovna – Candidate of Law, Associate Professor, docent of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimov Rim Rimovich – Candidate of Law, the Head of the Chair of Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kostennikov Mikhail Valerievich – Doctor of Law, Professor, the Honoured Employee of the Ministry of Internal Affairs, professor of the Preparation Center for Police Officers in Maintaining Public Order and Migration Service of the All-Russian Advanced Training Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kurakin Alexey Valentinovich – Doctor of Law, Professor, professor of the Preparation Center for Police Officers in Maintaining Public Order and Migration Service of the All-Russian Advanced Training Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Latypov Vadim Sagitianovich – Candidate of Law, Associate Professor, the Deputy Chief of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Linevich Vladimir Leontievich – Candidate of Psychology, Associate Professor, the Head of the Chair of Pedagogy and Psychology in the Internal Affairs Officers' Activity of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Litvishkov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Pedagogics, Professor, professor of the Chair of Legal Psychology and Pedagogy of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Lysenko Yevgeniy Sergeevich – Candidate of Law, Associate Professor, the Head of the Chair of Management in the Internal Affairs of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makarenko Iлона Anatolyevna – Doctor of Law, Professor, the Honoured Lawyer of the Republic of Bashkortostan, the Chairman of the Central Election Commission of the Republic of Bashkortostan.

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mamleeva Dilara Radikovna – Candidate of Law, Associate Professor of the Chair of Civil-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mironov Anatoliy Nikolaevich – Doctor of Law, Associate Professor, professor of the Chair of Constitutional and Municipal Law of Vladimir branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Morozov Sergei Yurievich – Doctor of Law, Professor, the Dean of the Department of Law of Ulyanovsk State University.

Mulukaev Roland Sergeevich – Doctor of Law, Professor, the Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, the chief scientific worker of the Scientific Research Center of Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the President of the Russian Society of History and Law.

Nebratenko Gennadiy Gennadievich – Doctor of Law, Associate Professor, professor of the Chair of Theory of State and Law of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nizaeva Svetlana Ramilevna – Candidate of Law, docent of the Chair of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nurkaeva Tatyana Nikolaevna – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nukhov Salavat Zhavdatovich – Doctor of Philology, Professor, professor of the Chair of the English language and Cross-Cultural Communication of the Bashkir State University.

Petrova Elena Alexandrovna – Doctor of Philology, Associate Professor, the Excellent Worker of Education of the Republic of Bashkortostan, the Head of the Chair of Foreign and the Russian languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Pobedkin Alexander Viktorovich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Management of the Criminal Detection Bodies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Poezzhalov Vladimir Borisovich – Candidate of Law, Associate Professor, the Head of the Chair of Administrative-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Rakhimov Eldar Kharisovich – Candidate of Law, Associate Professor, the Head of the Chair of Civil-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Serdjuk Leonid Vasilyevich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tarasov Alexander Alexeyevich – Doctor of Law, Professor, the Head of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law of the Bashkir State University, professor of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna – Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, the Honoured Lawyer of the Republic of Bashkortostan, the Head of the Chair of Civil Law and Procedure, professor of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Usmanova Rezida Miniyarovna – Doctor of Law, Associate Professor, the Excellent Worker of Education of Russia, the Dean of the Law Department of Sterlitamak branch of the Bashkir State University.

Khakimova Elmira Robertovna – Candidate of Law, Associate Professor, the Deputy Chief of the Chair of Administrative-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Khalikov Aslyam Nailevich – Doctor of Law, Associate Professor, professor of the Chair of Criminalistics of the Institute of Law of the Bashkir State University, professor of the Chair of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Yakhina Yuliya Kharisovna – Candidate of Law, Associate Professor, the Head of the Chair of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media in the Republic of Bashkortostan. The mass media registration certificate PM № FS77-758669 24.05.2019.

Included into «Russian Science Citation Index» data base of «eLIBRARY».

The subscription index circulates according to the subscription contract with «Agency «Kniga-Servis», Ltd. 39481.

The address of the editorial office, the editor and the printing house: 450103, the Republic of Bashkortostan, Ufa, 2, Muksinova street.

The copy editors, layout D. I. Shabazova.

Tel./fax (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru.

Editorial and publishing department of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Signed for publishing: 30.06.2020. Format 60x84 1/8. Conv. print sheets 23.3. Typeface Times.

Circulation: 60 copies. Order № 57. Free price.

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи и доклады 10

Теория и история государства и права. История учений о праве и государстве

Максимова Е. М. Правовые основы реорганизации системы органов государственного казначейства в период проведения бюджетной реформы 60-х гг. XIX века 10

Синиченко В. В. Деятельность корчемной стражи и акцизного надзора на востоке Российской империи 20

Конституционное право. Конституционный судебный процесс.

Муниципальное право

Муратшин Ф. Р. Конституционный контроль в субъектах Российской Федерации: состояние и перспективы 28

Усманова Р. М. Место органов местного самоуправления в системе публичной власти в свете конституционных поправок 35

Уголовное право. Криминология. Уголовно-исполнительное право

Базарова Ю. И. Гарантийные (страховые) фонды как средство дополнительной уголовно-правовой защиты прав кредиторов-работников 41

Григорян Н. Г. Имплементация международных стандартов по противодействию взяточничеству в уголовное законодательство Республики Армения 47

Ермакова О. В. Изменение судом категории преступления: сущность правомочия и обоснованность его закрепления в свете существования концепции общественной опасности 54

Административное право. Административный процесс

Беженцев А. А., Шевченко И. А. Правовая характеристика обеспечения служебной деятельности сотрудников органов охраны общественного порядка: ретроспективный опыт и его современное практическое применение 59

Мионов А. Н. О субъекте государственного управления 67

Уголовный процесс

Латыпов В. С. Применим ли УПК России в условиях пандемии? (в контексте вовлечения и участия лиц, оказывающих содействие) 72

Победкин А. В. Метод уголовно-процессуального регулирования и его взаимосвязь с функцией публичности уголовного судопроизводства 80

Проконова А. А. Отношение обвиняемого к предъявленному обвинению как критерий ускорения досудебного производства и его влияние на гарантии законности уголовного процесса (на примере Республики Казахстан и Российской Федерации) 89

Гражданское право. Предпринимательское право. Семейное право.

Международное частное право

Рахимов Э. Х., Морин А. В. НДС в контрактной системе: проблемы правоприменения ... 98

Фазлиева Л. К., Хисамутдинова Э. Н. Проблемы правового регулирования, обуславливающие наличие коррупциогенного фактора в сфере закупок для государственных нужд 103

Криминалистика. Судебно-экспертная деятельность. Оперативно-разыскная деятельность

- Абызов Р. М., Михалева Д. А.* К вопросу об элементах криминалистической характеристики и их взаимосвязи по фактам угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью 109
- Асаёнок Б. В.* Административно-юрисдикционное действие как объект и средство криминалистического познания 113
- Десятов М. С.* Акты правоприменения в оперативно-разыскной деятельности 120
- Евсеева С. А.* Обстановка как наиболее значимый элемент структуры криминалистической характеристики ювенальных преступлений 127

Судебная деятельность. Прокурорская деятельность. Правозащитная и правоохранительная деятельность

- Александров А. Н., Степкин Р. М.* Особенности деятельности территориальных органов МВД России на транспорте по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности на объектах водного транспорта 134
- Халилев Р. А.* Современные проблемы и тенденции в вопросах реализации принципа независимости судей 145

Общие вопросы языкознания. Язык и право. Юрислингвистика

- Алферова Ю. И.* Компоненты концепта «policewoman» («женщина-сотрудник полиции»), актуальные для английского и русского языкового сознания 150
- Дегтярева Л. М.* Об использовании интерактивных методик обучения по формированию языковой профессиональной личности 159
- Петрова Е. А.* Когнитивно-ориентированные отношения как элемент картины мира ... 164

Общая педагогика, история педагогики и образования. Теория и методика профессионального образования

- Большаков М. С.* Особенности профессионального воспитания будущих следователей органов внутренних дел на основе метода личного примера 171
- Литвинов В. А.* О повышении мотивации к обучению информатике 179

- Памятка** 185

CONTENTS

Scientific articles and reports 10

Theory and History of State and Law. History of Law and State Teachings

Maksimova E. M. Legal basis for the reorganization of the system of state treasury bodies during the budget reform of the 60s of the XIX century 10

Sinichenko V. V. The activities of corchem guards and excise supervision in the East of the Russian Empire 20

Constitutional Law. Constitutional Trial. Municipal Law

Muratshin F. R. The constitutional control in the constituent entities of the Russian Federation: status and prospects 28

Usmanova R. M. Place of local self-government bodies in the system of public power in the light of constitutional amendments 35

Criminal Law. Criminology. Penal Law

Bazarova J. I. Warranty (insurance) funds as a means of additional criminal protection of the rights of creditors-workers 41

Grigoryan N. G. Implementation of international anti-bribery standards in the criminal legislation of the Republic of Armenia 47

Ermakova O. V. Change in the category of crime by the court: the essence of competence and the validity of its consolidation in the light of the existence of the concept of public danger 54

Administrative Law. Administrative Procedure

Bezhentsev A. A., Shevchenko I. A. Legal characteristics of ensuring of the official activity of employees of public order protection bodies: retrospective experience and its modern practical application 59

Mironov A. N. About the subject of state administration 67

Criminal Procedure

Latypov V. S. Is the code of criminal procedure applicable in the context of a pandemic? (in the context of the involvement and participation of assistance providers) 72

Pobedkin A. V. The method of criminal procedure regulation and its relationship with the function of publicity of criminal proceedings 80

Prokopova A. A. Attitude of the accused to the accusation as a criterion for expediting pre-trial proceedings and its influence on the guarantee of the legality of the criminal process (on the example of the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation) 89

Civil Law. Business Law. Family Law. International Private Law

Rakhimov E. Kh., Morin A. V. The vat in contract system: questions of law enforcement 98

Fazlieva L. K., Hisamutdinova E. N. The problems of legal regulation causing the presence of a corruption factor in the field of procurement for state needs 103

Criminalistics. Forensic Activity. Operative Detective Activity

<i>Abyzov R. M., Mikhaleva D. A.</i> To the question of the elements of forensic characteristics and their relationship to the facts of death threats or causing serious harm to health	109
<i>Asayonok B. V.</i> Administrative and jurisdictional action as an object and means of criminalistic knowledge	113
<i>Desyatov M. S.</i> Acts of law enforcement in operative-detective activity	120
<i>Evseeva S. A.</i> The setting as the most significant element of the structure of the criminalistic characteristic of juvenile crimes	127

Judicial Activity. Prosecution Activity. Law Enforcement Activity

<i>Alexandrov A. N., Stepkin R. M.</i> The features of activity of territorial bodies of the Ministry of internal Affairs of Russia on transport for the protection of public order and public safety at water transport facilities	134
<i>Khalilev R. A.</i> Modern problems and trends in the implementation of the principle of independence of judges	145

General Problems of Linguistics. Language and Law. Legal Linguistics

<i>Alferova Yu. I.</i> Components of the concept «policewoman» («female police officer») in the russian and english linguistic consciousness	150
<i>Degtyareva L. M.</i> On the use of interactive methods of teaching in the formation of the linguistic professional personality	159
<i>Petrova E. A.</i> Cognitive-oriented relations as an element of a picture of the world	164

General Theory of Education. History of Pedagogy and Education.**Theory and Methods of Vocational Education**

<i>Bolshakov M. S.</i> Features of professional education of future investigators of internal affairs bodies based on the method of personal example	171
<i>Litvinov V. A.</i> About increasing motivation to learn computer science	179

Instruction	185
------------------------------	------------

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 351.72.07.047:336.14.02(470)«186»

Е. М. МАКСИМОВА, старший преподаватель кафедры государственного права юридического факультета Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

E. M. MAKSIMOVA, Senior instructor of the State Law Chair of the Law Faculty of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen (Saint Petersburg)

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО КАЗНАЧЕЙСТВА В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ БЮДЖЕТНОЙ РЕФОРМЫ 60-Х ГГ. XIX ВЕКА

LEGAL BASIS FOR THE REORGANIZATION OF THE SYSTEM OF STATE TREASURY BODIES DURING THE BUDGET REFORM OF THE 60S OF THE XIX CENTURY

Аннотация. В статье выявляются причины реформирования и рассматриваются правовые основы переустройства системы органов Государственного казначейства Российской империи в ходе бюджетной реформы 60-х гг. XIX в. Статья раскрывает причины и особенности внедрения в правовую основу бюджетной реформы новых коренных начал организации бюджетного процесса. На основе анализа содержания нормативных актов, регламентировавших реализацию намеченных преобразований, автор анализирует организационно-правовые последствия применения усовершенствованной схемы бюджетного процесса, которая базировалась на совершенно новых принципах и нуждалась в скорейшей оптимизации нового кассового устройства. В статье указывается на окончательную утрату казначейскими органами несвойственной им ревизионной функции.

Ключевые слова и словосочетания: сметные правила, кассовые правила, бюджетная реформа, Департамент государственного казначейства, Министерство финансов, губернские казначейства, уездные казначейства.

Annotation. The article identifies the reasons for the reform and examines the legal basis for the restructuring of the system of State Treasury bodies of the Russian Empire during the budget reform of the 60s of the XIX century. The article reveals the reasons and features of introducing new fundamental principles of the organization of the budget process into the legal framework of budget reform. Based on the analysis of the content of normative acts regulating the implementation of the planned changes, the author examines the organizational and legal consequences of the improved scheme of the budget process, which was based on completely new principles and needed to optimize the new cash register as soon as possible. The article points to the final loss of the Treasury bodies uncharacteristic audit function.

Keywords and phrases: budget rules, cash rules, budget reform, the Department of the State Treasury, the Ministry of Finance, Provincial treasuries, County treasuries.

Хронический дефицит бюджета при отсутствии новых источников доходов, гигантские военные расходы, двойное увеличение массы денег, не обеспеченных металлическим запасом, падение курса рубля и исчезновение с денежного рынка звонкой монеты – те серьезные проблемы, с которыми столкнулась финансовая администрация при восшествии на престол Александра II (1855–1881 гг.). Наряду с изменениями во всех сферах общественной жизни, эпоха «великих» реформ в России принесла с собой понимание необходимости финансовых преобразований.

При сформировавшемся порядке финансового администрирования каждое министерство (управление) «было у нас как бы государством в государстве» [1, с. 115]. Каждое ведомство имело в своем заведовании особые источники доходов, не входившие в общегосударственный бюджет. Средства казны, предназначение которых заключалось в удовлетворении ведомственных потребностей, часто назначались необоснованными никакими данными валовыми суммами в ведение самих распорядителей и хранились в многочисленных административных кассах.

В кассы Государственного казначейства из ведомственных касс должны были передаваться свободные остатки. Но на самом деле (при полной бесконтрольности, порожденной внедренной «системой генеральной отчетности», и отсутствием точной бухгалтерии) часть неизрасходованных сумм использовалась распорядителями средств бюджета для образования сверхсметных резервов. Кроме того, каждое министерство (управление) было наделено правом истребования дополнительных кредитов вне зависимости от утверждённой сметы. По причине отсутствия в законодательстве соответствующих ограничений руководитель отдельного министерства или управления своим решением мог увеличить сметное ассигнование расходов из собственных

источников и использовать выделенные кредиты не по назначению.

В сложившихся условиях государственные средства «расплывались» по многочисленным кассам распорядительных управлений и только потом попадали в распоряжение прямых кредиторов казны. При недостатке информации о движении средств через административные кассы невозможно было правильно распределить государственные доходы и контролировать их дальнейшее использование. Если Государственное казначейство нередко нуждалось в необходимых для финансирования государственных расходов средствах, то в многочисленных кассах распорядительных управлений накапливались огромные суммы [2, с. 47]. Для полной характеристики до реформенного состояния бюджетных отношений необходимо добавить «наглый грабёж казны всевозможными чиновниками, поставщиками и высшим военным начальством» [3, с. 74].

Таким образом, несмотря на то что бюджетная роспись составлялась и утверждалась ежегодно, отсутствовала сама возможность ее точного исполнения и реальной оценки. Чтобы устранить недостатки старых бюджетных правил, необходимо было решить задачу установления единства в управлении государственными финансами.

Проводником идеи о реформировании систем государственной отчетности и финансового контроля стал статс-секретарь (а затем и государственный контролер) В. А. Татаринов. Специалисты, изучающие предысторию бюджетной реформы 60-х гг. XIX в., прежде всего отмечают его неоспоримую заслугу в разработке систематической централизации управления государственными финансами путем объединения в единую систему трех подсистем: бюджета, бюджетного контроля и кассового (казначейского) исполнения бюджета [4, с. 402; 5, с. 30].

В совокупности с переустройством сметной системы и созданием новой си-

стемы финансового контроля организация нового кассового устройства должна была обеспечивать введение новой схемы бюджетного процесса. Разработанный Высшей комиссией под руководством председателя Департамента экономии Государственного совета А. Д. Гурьева проект «коренных начал» государственной финансовой отчетности в феврале 1859 г. был утвержден Александром II. Он лег в основу правовой реорганизации бюджетной сферы

На первом этапе реформы Специальной комиссии «для устройства сметного, кассового и ревизионного порядка» под руководством В. А. Татаринова в 1862 г. были выработаны новые «Правила о составлении, рассмотрении, утверждении и исполнении государственной росписи и финансовых смет Министерств и Главных Управлений» [6]. По мнению Д. А. Пашенцева, в результате их утверждения «Россия впервые получила полностью законодательно оформленную схему бюджетного процесса, включавшую составление, утверждение, исполнение, контроль бюджета и бюджетных назначений» [7, с. 24]. Новая организация бюджетного процесса была основана на принципах полноты и единства бюджетного фонда, специализации кредитов и гласности бюджета. Наряду с Министерством финансов, точнее с Департаментом государственного казначейства, право осуществления предварительного финансового контроля было предоставлено Государственному контролю и Государственному Совету.

Заметим, что полное и однообразное изложение ведомственных смет, установление порядка запроса сверхсметных кредитов облегчило Департаменту государственного казначейства решение задачи по оценке обоснованности и правильности сметных и сверхсметных ведомственных назначений с учетом сбалансированности государственного бюджета. Установленные правила пользования сметными кредитами уточнили

и дополнили процедуру возврата в казну неиспользованных денежных средств. Следствием ежегодных сокращений собственных доходов, ранее находившихся в распоряжении многочисленных ведомств, стало существенное увеличение общего объема доходов Государственного казначейства. «Сметные правила» позволили Департаменту государственного казначейства под руководством Я. А. Купреянова (директора Департамента 1862–1870 гг.) рационально планировать отчисления в ведомственные бюджеты. Бюджет 1863 г. впервые представил относительно полную картину доходов и расходов государства, в него дополнительно вошли около 43 млн руб. доходов и 38 млн руб. расходов, ранее в бюджет не включавшихся [8, с. 2].

Логическим продолжением первого этапа бюджетной реформы стала реализация идеи нового кассового устройства. «Установление единства государственного бюджета, – отмечал А. А. Ялбулганов, – делало необходимым сосредоточение в Министерстве финансов всех поступлений и производство всех платежей» [9, с. 27]. Иначе говоря, только последовательная реализация принципа единства кассы гарантировала установление четкого порядка работы казначейских органов по исполнению сметных назначений, определенных «Сметными правилами».

В начале 1863 г. Специальной комиссией во главе с В. А. Татариновым был разработан проект «Правил о порядке поступления государственных доходов и производстве государственных расходов», более известных как «Кассовые правила». В июле того же года после обсуждения в Совете министров и дополнения рядом правил, совместно разработанных Министерством финансов и Государственным контролем, указанный проект был внесен на обсуждение в Государственный совет. После этого «Кассовые правила» (с внесением некоторых изменений) были одобрены, но не

утверждены в законодательном порядке. Вместо этого они признавались временными, действующими на время опыта введения новой системы отчетности [10, с. 159–160].

За основу нового кассового устройства было принято следующее «Высочайше одобренное» коренное начало: «Сосредоточение всех денежных средств в руках одного Министерства финансов, которое, взимая все государственные доходы, удовлетворяло бы из них всех прямых кредиторов казны непосредственно, по предписаниям министерств распорядительных, визируемых Министерством финансов» [11, с. 3]. Впервые подобное кассовое устройство было введено во Франции в 20-х гг. XIX в. В соответствии с «Кассовыми правилами» все кассы в Российской империи подразделялись на доходные и расходные. К первым были отнесены уездные казначейства и кассы так называемых «специальных сборщиков» (некоторых министерств и ведомств, в которых были сохранены административные кассы). Ко вторым – губернские казначейства и их расходные отделения (в местностях, где по некоторым управлениям производились «значительные хозяйственные операции»), Главное казначейство в Петербурге и касса Комиссии погашения государственных долгов.

Из содержания принципа единства кассы следовало, что все доходы государства должны были поступать в кассы Министерства финансов. Однако во избежание радикальных административных преобразований «по многим управлениям» Специальной комиссией было принято решение о поступлении ряда отраслевых доходов в административные кассы так называемых «специальных сборщиков». Вместе с тем уездным казначействам было предоставлено право непосредственного приема сборов и поступлений, которые были свойственны многим ведомствам. Например, доходы от оброчных статей, крепостные и канцелярские пошлины и другие поступления.

Кассы уездных казначейств были нацелены на прием доходов, собранных в уездах, для их дальнейшей передачи в губернские кассы, которым предписывалось не только производить причитавшиеся расходы в губернских городах, но и назначать за свой счет платежи кредиторам казны из доходных касс их местопребывания. Отныне денежные средства государства путем прямого поступления или передачи из касс специальных сборщиков концентрировались в кассах одного органа – Министерства финансов. В этой связи на Департамент государственного казначейства всецело возлагались обязанности по беспрепятственному продвижению средств казны в строгом соответствии с установленными местами, объемами и сроками поступления доходов и производства расходов. Причем в состав этих средств входили не только казенные суммы, непосредственно поступающие в кассы Департамента Государственного казначейства или вносимые кассами специальных сборщиков, но и специальные средства, партикулярные суммы, которыми распоряжались министерства и управления. Всем министерствам и главным управлениям, включая распорядительные департаменты Министерства финансов, вменялось в обязанность кроме собственных смет предоставлять Департаменту Государственного казначейства на утверждение годовые кассовые «рописания» по губерниям. После утверждения государственной сметы туда следовало направлять дополнительные документы:

– росписи (сведения) для учета внесенных при обсуждении Государственным советом изменений в ведомственные сметы;

– отдельные уведомления для удовлетворения утвержденных временных и экстренных расходов.

«Кассовые правила» устанавливали новый порядок осуществления расходов. В частности, право распоряжения утвержденными кредитами распростра-

нялось не только на главных, но и на уполномоченных ими второстепенных распорядителей. Их следовало обязательно указывать в ведомственных кассовых «рописаниях», по которым главные распорядители не менялись, а также в особых кредитных предписаниях, в которых расходы поручались различным распорядителям. Во исполнение предоставляемых полномочий распорядителям в процессе производства расходов предписывалось составлять ассигновки на имя прямых кредиторов казны для их предоставления в соответствующие расходные кассы.

По новым правилам выдача денежных средств из касс Государственного казначейства должна была происходить непосредственно прямым кредиторам казны. В качестве исключения была предусмотрена возможность выдачи распорядительным учреждениям «одних незначительных авансов на мелочные, не терпящие отлагательства расходы» (в основном по хозяйственным операциям) при условии предоставления ими отчета по предыдущему авансу. Намеченный порядок производства расходов предполагал введение в ревизию элемента предварительного контроля. Ассигновки и другие документы, удостоверявшие права кредиторов, планировалось в короткие сроки подвергать предварительной проверке со стороны чиновников Государственного контроля. В данном случае в расходные кассы должны были поступать только ассигновки, а документы с уже использованными (отрезанными) ассигновками предлагалось направлять обратно распорядительным управлениям. При наличии установленного для платежа кредита единственное условие для выдачи денежных средств прямым кредиторам казны ограничивалось соответствием выданного распорядителем талона и проверенной Государственным контролем ассигновки.

Как утверждал И. С. Иловайский, с применением двух начал нового кассово-

го устройства Российской империи – начала единства фонда государственных доходов и начала единства кассы, а также с учреждением 31 мая 1860 г. Государственного банка, началось фактическое и систематическое применение и третьего его начала – начала соучастия банков в кассовой службе государства [12, с. 423]. В проекте «Кассовых правил» Государственный банк уже рассматривался в качестве «хранилища государственных фондов» (фондов кассы Главного казначейства и кассы Комиссии погашения долгов). В Государственном банке с его конторами и отделениями предполагалось хранить на текущем беспроцентном счете Государственного казначейства как оставшиеся после производства губернских расходов суммы, так и суммы, образование которых происходило путем внутренних и внешних займов, поступления долговых и прочих сумм. В свою очередь Главное казначейство должно было осуществлять платежи непосредственно из передаваемых Государственным банком сумм или путем выдачи банком чеков кредиторам казны с их последующим возвратом в казначейство «для ведения общей по расходам центральной отчетности».

Опираясь на содержание положений «Кассовых правил» 1863 г., наряду с закреплением принципа единства кассы в перечень заложенных в них нововведений, следует включить:

- изменение структуры государственных касс;
- отделение распоряжения казенными средствами от их хранения и выдачи при непосредственной явке кредиторов казны в кассы;
- введение в ревизию касс элемента предварительного контроля путем предварительной проверки документов, удостоверяющих права кредиторов, чиновниками Государственного контроля;
- участие Государственного банка в кассовой службе государства в качестве «хранилища государственных фондов».

Третье направление бюджетной реформы, нацеленное на единство ревизионного процесса на всей обширной государственной территории, предусматривало учреждение единой ревизионной инстанции – Государственного контроля, которая по подлинным документам должна была проводить проверки действий сразу двух субъектов бюджетного процесса: распорядителей и исполнителей (касс). Такая постановка задачи предполагала: проверку предписаний, выдаваемых распорядителями кредитов, с целью предупреждения незаконных действий по расходованию государственных средств (в ходе предварительной ревизии); ведение обязанности ревизуемых по периодическому предоставлению Государственному контролю документов и счетов (в ходе последующей ревизии), наделение данного ревизионного органа правом местной ревизии (пересчета наличности) самих касс, а также составление ежегодного отчета по оборотам государственных средств самим Государственным контролем с последующим «принятием в соображение» содержащихся в нем сведений при составлении смет на следующий год [13, л. 41]. В этой связи нельзя не согласиться с М. В. Сапуновым, который в первую очередь связывает создание эффективного механизма финансового контроля в Российской империи XIX в. (в условиях хронического дефицита бюджета и постоянного роста государственных расходов) с упорядочением процесса составления и исполнения государственных смет [14, с. 17].

Анализ используемых источников говорит о том, что внедрение принципа единства кассы в правовую основу бюджетной реформы происходило постепенно и в тесной связи с преобразованием правового регулирования системы финансового контроля, которая должна была обеспечить «действительное исполнение» изданных бюджетных правил. Однако вопреки тому, что предла-

гаемый в «Кассовых правилах» порядок производства расходов уже содержал в себе элемент предварительной ревизии касс, по повелению Александра II 11 июня 1864 г. из «коренных начал» по системе отчетности был изъят пункт о предварительном контроле на стадии исполнения бюджета. Следовательно, с реализацией идеи кассового единства было решено связать только «последующую со стороны Государственного контроля поверку – документальную и современную» [10, с. 161].

Следствием отмены представления для проверки генеральных отчетов по исполнению ведомственных бюджетов и сосредоточения всей ревизии в Государственном контроле стало упразднение контрольно-счетных частей министерств и управлений, в том числе было принято решение о ликвидации третьего бухгалтерского (отчетного) отделения Департамента Государственного казначейства [15, с. 897], что входило в явное противоречие с нормами «Сметных правил», в которых была подтверждена обязанность министра финансов ежегодно предоставлять в Государственный совет итоговый отчет об исполнении государственной росписи за предыдущий период, составлением которого до этого занималось ликвидированное отделение Департамента. К тому же в ходе бюджетной реформы проявилась проблема несоответствия данных итогового отчета Министерства финансов по исполнению росписи доходов и расходов с данными аналогичного отчета Государственного контроля за оконченный ревизионный период.

Выходом из сложившейся ситуации стало внесение на обсуждение в Государственный совет «предположение» М. Х. Рейтерна поручить составление итогового отчета по исполнению бюджетной росписи только одному государственному органу – Государственному контролю. Указанное предложение было высочайше одобрено 18 ноября 1868 г. За Департаментом Государственного

казначейства Министерства финансов сохранилась обязанность по оставлению кассовых отчетов об остатках, приходах, расходах и кассовой наличности Государственного казначейства за каждый финансовый год [16, с. 406–407]. В результате передачи счетно-ревизионных функций Государственному контролю Главное казначейство не только лишилось правления, которое ранее занималось составлением ежегодного генерального отчета о собственных оборотах для Департамента государственного контролера, но и двух отделений: приходного и расходного [17].

В процессе финансовых преобразований подверглись изменениям устройство и компетенция казенных палат. Вслед за передачей полномочий акцизным управлениям новым местным учреждениям Государственного контроля – контрольным палатам, были переданы функции контрольных отделений казенных палат [18, с. 2–3]. Напомним, что по «Положению об отчетности по Министерству Финансов» от 6 ноября 1830 г. главным направлением деятельности контрольных отделений (бывших счетных экспедиций) казенных палат являлась ревизия денежных шнуровых книг и годовых отчетов уездных казначеев, «разных мест и лиц», которая заканчивалась составлением и представлением годового ревизионного отчета палаты Департаменту Государственного казначейства [19, с. 269].

Согласно Высочайше утвержденному 23 мая 1866 г. мнению Государственного совета в составе казенных палат выделялись только три подразделения: казначейское отделение, ревизское отделение и канцелярия [20, с. 594]. Лишившись функций администрирования косвенного налогообложения и финансового контроля, казенные палаты в основном занимались заведованием счетоводством и отчетностью в отношении приходов и расходов сумм, обращавшихся в подведомственных палатах местных казначейств.

Таким образом, с введением нового порядка осуществления бюджетного

процесса, сопровождавшегося передачей контрольно-ревизионных функций из ведомства Департамента Государственного казначейства ведомству Государственного контроля, значительно изменились структурная и функциональная составляющие системы органов Государственного казначейства. Устройство «единства кассы с временною ревизиею оборотов ее» в качестве эксперимента получило свое распространение в Санкт-Петербурге с 1 января 1864 г. [21]. Через месяц в столице была образована Временная ревизионная комиссия [22], на которую возлагалась ревизия оборотов всех столичных учреждений, получавших содержание из Государственного казначейства (кроме учреждений Морского министерства) и «свидетельство» наличных сумм в Главном казначействе и Санкт-Петербургском губернском казначействе, созданном путем преобразования Санкт-Петербургского уездного казначейства.

С 1 января 1865 г. новая система касс и новая ревизионная система были введены в 12 губерниях Российской империи [23]. С распространением опыта единства кассы и новой системы отчетности [24] правительство приступило к следующему этапу создания новых казначейских органов на местах. На основании утвержденного Александром II 30 ноября 1865 г. мнения Государственного совета еще в 42 губернских городах уездные казначейства были переименованы в губернские [25, с. 291–292]. Намеченное продолжение реорганизации системы казначейских органов также предполагало соединение ряда уездных казначейств с расходными отделениями и появление в некоторых местностях новых расходных отделений губернских казначейств.

Необходимо добавить, что министру финансов предоставлялась право распределения между преобразуемыми учреждениями ежегодно выделяемой до окончательного введения единства кассы на их содержание суммы при условии запрета на составление новых штатов. Он

мог «делать в нынешних штатах оных» все необходимые изменения для установления (по определенным правилам) новых окладов содержания казначейских служащих [25, с. 292]. Во исполнение намеченных планов 8 декабря 1865 г. министр финансов утвердил расписание должностей по местным казначействам в зависимости от возросшего объема возложенных на них дел, в первую очередь обусловленного упразднением большинства административных касс. В соответствии с утвержденным расписанием губернские казначейства распределялись по трем разрядам, уездные – по четырем разрядам, соединенным с расходными отделениями, которые в свою очередь делились на 3 разряда [26].

Забегая вперед, отметим, что потребность в предотвращении значительных затруднений в деятельности государственных касс, казенных и контрольных палат «в отношении своевременного сведения счетов» привела к ликвидации деления касс на доходные и расходные. Уже в примечании к ст. 25 второго издания «Кассовых правил» 1866 г. взимание доходов в уездах губернских городов в качестве эксперимента было возложено на губернские казначейства [27, с. 321]. Позже по Инструкции 1878 г. всем кассам Департамента Государственного казначейства были предоставлены одинаковые права по приему доходов и производству расходов [28, с. 6–7].

В 1867 г. при учрежденном Варшавском отделе казначейств было создано Главное казначейство, в Царстве Польском появились губернские и окружные (на несколько уездов) казначейства. При этом в общую государ-

ственную роспись были внесены доходы в сумме 13,6 млн руб. и расходы в сумме 3 млн руб. [29, с. 51]. Варшавский отдел казначейств и состоявшее при нем Главное казначейство были упразднены в 1869 г. после подчинения казначейств Царства Польского созданным в нем казенным палатам [30, с. 267]. Несмотря на введение бюджетных правил в Закавказском крае и учреждения в начале 1868 г. в Тифлисе Закавказской контрольной палаты, Департаментом Государственного казначейства еще в течение почти 20 лет составлялась отдельная смета по гражданскому управлению края [31, с. 187].

Резюмируя все вышесказанное, автор считает, что реализация правительством Александра II в ходе бюджетной реформы 60-х гг. XIX в. опыта «единства кассы с современной ревизией оборотов ея» должно было выявить и закрепить в действующем законодательстве наиболее рациональную модель системы казначейских органов, окончательно утратившей несвойственную ей ревизионную функцию. Наряду с изменением и усложнением структуры казначейских органов, этот процесс сопровождался отменой обособленных бюджетов и упразднением устаревших казначейских учреждений отдельных территориально-административных образований. В основу нового устройства системы казначейских органов были положены следующие принципы: принцип полноты единства государственного бюджета, принцип единства кассы, принцип использования Государственного банка в качестве хранилища государственных фондов и иные, ныне действующие принципы бюджетного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Обзор царствования государя императора Александра II и его реформ. 1855–1871. СПб.: Русская книгопечатня, 1871. 522 с.
2. Преобразование государственной отчетности. Ч. III. Всеподданнейшие доклады. СПб., 1861. 204 с.

3. Погребинский А. П. Очерки финансов дореволюционной России (XIX–XX вв.). М.: Госфиниздат, 1954. 268 с.
4. Владимирова О. В. Финансово-контрольная реформа В. А. Татаринова // Вестник БУПК. 2006. № 4. С. 402–404.
5. Фадейкина Н. В., Воронов В. А. История Российского казначейства: дореволюционный период // Финансы. 2005. № 2. С. 30–31.
6. Высочайше утвержденные 22 мая 1862 г. «Правила о составлении, рассмотрении, утверждении и исполнении государственной росписи и финансовых смет Министерств и Главных Управлений» // ПСЗРИ-2. Т. 37. Ч. 1. № 38309. СПб.: типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1864.
7. Пашенцев Д. А. Правовое регулирование финансовой деятельности в Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: тип. МГСУ, 2005. 43 с.
8. Преобразование государственной отчетности. Ч. I. По устройству смет. Объяснительная записка. СПб., 1861. 131 с.
9. Ялбулганов А. А. Финансовый контроль в Российской армии XIX – начала XX в. Организационно-правовые реформы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 128 с.
10. Государственный контроль. 1811–1911. СПб.: Государственная типография, 1911. 358 с.
11. Преобразование государственной отчетности. Ч. II. По устройству касс. Объяснительная записка и проект правил. СПб., 1863. 139 с.
12. Иловайский И. С. Учебник финансового права. 5-ое (посмертное) изд. Одесса: тип.-лит. Л. С. Шутака, 1912. 604 с.
13. РГИА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 495.
14. Сапунов М. В. Правовые основы становления и развития системы государственного управления финансами в Российской империи XIX века: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: МПЦ, 2012. 183 с.
15. Высочайше утвержденное 22 сентября 1864 г. «Положение Комитета Министров о порядке перехода от старой системы отчетности к новой» // ПСЗРИ-2. Отд. 1. Т. 39. № 41289. СПб.: типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1867.
16. Министерство финансов. 1802–1902. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1902. Ч. 1. 640 с.
17. Высочайше утвержденное 15 декабря 1867 г. «Расписании классов должностей и разрядов по мундирам и пенсии Главного казначейства» // ПСЗРИ-2. Отд. 1. Т. 42. № 45292. СПб.: типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1871.
18. Высочайше утвержденное 5 января 1866 г. «Временное положение о местных контрольных учреждениях» // ПСЗРИ-2. Отд. 1. Т. 41. № 42861. СПб.: типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1868.
19. Высочайше утвержденное 6 ноября 1830 г. «Положение об отчетности по Министерству финансов» // ПСЗРИ-2. Отд. 1. Т. 5. № 4074. СПб.: типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1831.
20. Высочайше утвержденное 23 мая 1866 г. мнение Государственного совета «О преобразовании казенных палат и изменении штатов в оных» // ПСЗРИ-2. Отд. 1. Т. 41. № 43336. СПб.: типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1868.
21. Именной указ Сенату от 8 октября 1863 г. «Об устройстве в Санкт-Петербурге с 1 января 1864 года в виде опыта единства кассы с временною ревизиею оборотов ее» // ПСЗРИ-2. Отд. 2. Т. 38. № 40100. СПб.: типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1866.
22. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 10 декабря 1863 г. «Об учреждении Временной ревизионной комиссии при Государственном Контроле» // ПСЗРИ-2. Отд. 2. Т. 38. № 40363. СПб.: типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1866.

23. Высочайше утвержденное от 30 ноября 1864 г. мнение Государственного совета «Об открытии с 1-ого января 1865 года местных контрольных учреждений в 12-ти губерниях, в которых с того времени вводится единство кассы» // ПСЗРИ-2. Отд. 2. Т. 39. № 41513. СПб.: типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1867.

24. Именной указ Сенату от 22 марта 1865 г. «О распространении опыта единства кассы и современной со стороны Государственного контроля ревизии на все губернии и области империи, за исключением Закавказского края» // ПСЗРИ-2. Отд. 1. Т. 40. № 41940. СПб.: типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1867.

25. Высочайше утвержденное 30 ноября 1865 г. мнение Государственного совета «Об учреждении губернских казначейств и расходных отделений и преобразовании уездных казначейств» // ПСЗРИ-2. Отд. 2. Т. 40. № 42728. СПб.: типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1867.

26. Указатель правительственных распоряжений по Министерству финансов за 1865 г. № 51. С. 912–914.

27. Сакович В. А. Государственный контроль в России, его история и современное устройство в связи с изложением сметной системы, кассового порядка и устройства государственной отчетности. СПб.: тип.-лит. Берман и Рабинович, 1896. 358 с.

28. Инструкция казначействам: утв. министром финансов 21 июня 1878 г. СПб.: типография И. Ерофеева, 1878. 147 с.

29. Управление финансами России (XVII в. – 1917 г.) / под ред. А. Н. Козырина. М.: Институт публично-правовых исследований, 2016. 184 с.

30. Высочайше утвержденное 26 марта 1869 г. «Положение о казенных палатах в губерниях: Варшавской, Калишской, Келецкой» // ПСЗРИ-2. Отд. 1. Т. 44. № 46900. СПб.: типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1873.

31. Именной указ Сенату от 26 апреля 1883 г. «О преобразовании управления Кавказского и Закавказского края» // ПСЗРИ-3. Т. 3. № 1521. СПб.: типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1886.

© **Максимова Е. М.**

УДК 351.713.07(571.6-04)«1850/1917»

В. В. СИНИЧЕНКО, главный научный сотрудник отдела исследований стратегических проблем управления Академии управления МВД России, доктор исторических наук, профессор (г. Москва)

V. V. SINICHENKO, Head of the Chair of Civil-legal disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОРЧЕМНОЙ СТРАЖИ И АКЦИЗНОГО НАДЗОРА НА ВОСТОКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

THE ACTIVITIES OF CORCHEM GUARDS AND EXCISE SUPERVISION IN THE EAST OF THE RUSSIAN EMPIRE

***Аннотация.** Создание акцизного надзора, а затем и корчемной стражи на русско-китайской границе было вызвано тем, что жители приграничных регионов почти все подакцизные товары получали из Китая, однако пограничные и таможенные институты не могли перекрыть поставки этих товаров, в первую очередь водки. Оценивая место, роль и целесообразность создания и деятельности специальных полицейских подразделений Министерства финансов Российской империи, можно прийти к выводу о том, что деятельность акцизного надзора и корчемной стражи направлялась прежде всего на выполнение Высочайшего указа о монополии государства на производство и продажу спиртных напитков и других подакцизных товаров внутри страны на границе и в пограничных районах. Основная проблема в деятельности корчемной стражи и акцизного надзора накануне Первой мировой войны заключалась в неправильном оформлении бумаг, что негативно влияло на судебные решения. Незначительная численность правоохранителей и отсутствие поддержки китайской и монгольской полиции приводили к тому, что контрабандисты чувствовали себя совершенно свободно.*

***Ключевые слова и словосочетания:** акцизный надзор, корчемная стража, бутлегеры, русско-китайская граница, таможня.*

***Annotation.** The creation of excise supervision, and, then, corchem guard on the Russian-Chinese border, was caused by the fact that residents of the border regions received almost all sub-excise goods from China, but the border and customs institutions could not cut off the supply of these goods, first of all, of vodka. Evaluating the place, role and expediency of the creation and operation of the special police units of the Ministry of Finance of the Russian Empire, it can be concluded that the activities of excise supervision and corchem guards were aimed primarily at the implementation of the Highest Decree on the Monopoly of the State on the Production and Sale of Alcoholic Beverages and Other Sub-Excise Goods both within the Country, on the border and in the border areas. The main problem in the activities of the corchem guard and excise supervision on the eve of World War I was the incorrect registration of papers, which, in turn, negatively affected court decisions. The small number of law enforcement officers and lack of support from the Chinese and Mongolian police resulted in smugglers feeling completely free.*

***Keywords and phrases:** excise supervision, corchem guard, bootleggers, Russian-Chinese border, customs.*

В современной литературе нет отдельных монографических работ, по-

священных непосредственно истории корчемной стражи и акцизного надзора.

Вопросы, связанные с организацией и деятельностью этого специализированного полицейского подразделения Министерства финансов, рассматривались или в отдельных статьях, или в работах более широкого плана, в которых анализировались проблемы борьбы против всех форм контрабанды или посвященных организаций таможенного дела. Так, изучению истории борьбы с контрабандой посвящены крупные работы Ю. Г. Кисловского [1; 2], К. И. Бокова [3], Н. А. Троицкой [4]. Организационно-структурные особенности дальневосточной таможни нашли отражение в работе В. Ф. Печерицы [5]. Наиболее представительный труд о борьбе с контрабандой на востоке Российской империи – «Дальневосточная контрабанда как историческое явление: вторая половина XIX – первая треть XX вв.». Однако история корчемной стражи не нашла широкого отражения на страницах этой работы [6]. Труды, посвященные вопросам потребления алкоголя в Российской империи, также только частично освещают вопрос деятельности корчемной стражи [7–10].

Правовые аспекты борьбы с контрабандой, законодательная база таможенной политики царизма нашли отражение в исследовании А. И. Бойко, Л. Ю. Родиной [11]. В рамках конкретных исследований борьбы с контрабандой спирта – бутлегерства можно выделить статьи А. В. Алепо, В. Г. Дацышена, Е. Ю. Башкуевой [12–14]. Кроме того, отдельные сюжеты контрабанды спирта описаны Т. Н. Сорокиной в монографии «Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX – начало XX вв.)» [15]. Благодаря работам предшественников становится очевидным, что специфика работы таможенников на востоке страны, во-первых, определялась слабостью пограничных и таможенных караулов на расстоянии более 1,5 тыс. километров русско-китайской границы, а во-вто-

рых, в 1881 г. был заключен Санкт-Петербургский русско-китайский договор, который ввел 100-верстную зону беспошлинной торговли на восточном участке границы двух стран. Договор о свободной торговле вводился на десять лет и продлевался в 1891 и 1901 гг. В результате, несмотря на существование на Дальнем Востоке с 1899 г. таможни, местные таможенные учреждения не собирали таможенных сборов даже на собственное финансирование.

Безакцизный ввоз спирта из китайской Манчжурии в Забайкалье, Приморье и Приамурье стал головной болью для российской администрации в начале XX в. Поэтому в 1907–1911 гг. было решено охранять на Дальнем Востоке России границу тремя заградительными линиями. В первой линии стояла пограничная стража, во второй – таможня, в третьей – корчемная стража. Взаимодействовать в преследовании контрабанды корчемные стражники должны были с пограничниками и таможенными досмотрщиками. Однако, как мы покажем ниже, эффективность этого взаимодействия была очень низка в силу целого ряда причин.

Во-первых, эти службы при аресте безакцизной контрабанды долго не могли определиться кто кому подчинен – таможенники корчемникам или корчемники таможенникам. Кроме того, в задержании контрабанды участвовали не только таможенники и акцизные контролеры. Исследованные материалы позволяют говорить о деятельности полиции в этом направлении: «Из вышеперечисленных задержаний 637 случаев (первая половина 1913 г.) по оценке товаров на 33 668 руб. произведены чинами Министерства финансов: 32 случая по оценке товаров на 388 руб. чинами горной полиции и 64 случая по оценке на 4 005 руб. чинами общей полиции» [16, л. 312]. В результате полиция и корчемники при проведении операций против контрабандистов мешали друг другу.

Во-вторых, корчемная стража должна была носить специальную форму установленного образца и иметь при себе удостоверение личности, а это повсеместно не соблюдалось в силу конфиденциальности действий корчемников. Поэтому были случаи, когда корчемников чины полиции, казаки и просто пограничники принимали за празднующийся элемент.

В-третьих, при встрече с офицерами пограничной стражи и начальниками таможенных застав те указывали корчемникам, что они должны были размещаться позади таможенной линии, а не действовать на чужой территории.

Так, 16 июля 1914 г. акцизный контролер корчемной стражи 3-го участка 3-го округа акцизного управления подал рапорт надзирателю 3-го округа Приамурского акцизного управления за № 25, в котором говорил, что их лодка была задержана около брандвахты досмотрщиками Забеловского таможенного поста, которые попытались выяснить их личности. Последним было объяснено, что прибывшие – это корчемная стража из города Хабаровска. Через 15 минут явился управляющий вышеупомянутого поста с четырьмя досмотрщиками и потребовал, чтобы корчемная стража удалась от границы на ту дистанцию, которая была им положена по Положению [17, л. 134].

22 февраля 1917 г. крестьянами деревни Верхне-Спасской, подрядившимися доставить в Хабаровск рыбу промышленника Малахи-Маркова, арендовавшего у верхне-спасских крестьян протоку для рыбной ловли, был перевезен спирт в довольно значительном количестве (саней было девять или двенадцать). Спирт был запряган среди мешков с рыбой. Контрабанда была разгружена в попутных селениях перед Хабаровском: Нижне-Спасское, Самарка, Богдановка. Об этом сообщал контролер корчемного поста № 58, расположенного в деревне Владимировке. Однако таможенная отобрала дело из ведения корчемной

стражи, так как контрабанда была задержана в зоне ответственности таможенного поста.

Таможенное начальство весьма нежелательно отзывалось о чинах акцизного надзора. Инспектор Приамурского таможенного округа 19 января 1913 г., отвечая на запрос члена Государственной думы Гамова о ненормальных отношениях таможенной службы к населению, писал, что информация, изложенная в двух газетах «Благовещенское утро» и «Эхо», всецело относится к чинам корчемной стражи, интеллектуальный и нравственный состав которой весьма низок. В качестве основных агентов контрабанды инспектор указывал не только корчемную стражу, но и местных казаков, которые «по преимуществу являются контрабандистами, нарушителями всех законных требований таможенного ведомства и противодействуют законному порядку вплоть до вооруженной силы, о чем мной неоднократно доносилось и о чем мною были возбуждены судебные дела» [18, л. 32].

Проблема состояла и в том, что точных карт в то время не было ни у одной правоохранительной структуры. Поэтому таможенные досмотрщики, как и корчемные стражники, выезжая в разъезды на лошадях, часто арестовывали контрабандные грузы на территории Китая и за пределами 50-верстной пограничной зоны. Существовала целая проблема задержания контрабанды на реках. Реки Усури, Амур находились в приграничной зоне, и задержание контрабанды относилось к привилегии таможенников и пограничников, однако корчемная стража, располагая моторными лодками, вмешивалась в деятельность коллег по охране границы. В результате чего неоднократно возникали случаи столкновения таможенников и корчемников и даже рукоприкладства в отношении этой ведомственной полиции.

В-четвертых, Наказом корчемной стражи от 27 июля 1911 г. были предо-

ставлены слишком широкие полномочия корчемной стражи. Так, в Наказе не было определено, что понималось под словом транспорт, который должны были досматривать чины акцизного надзора и корчемной стражи. В результате некоторые из объездчиков и контролеров считали возможным проверять на железнодорожных станциях проездные документы и книги железной дороги как на станциях, так и на поездах. Здесь корчемники пытались задерживать все акцизные предметы, не имеющие признаков законного происхождения, однако это вызвало столь резкое неприятие со стороны чинов железнодорожной полиции – жандармско-полицейских управлений железных дорог, что мы, по сути, можем говорить о том, что в 1911–1917 гг. на Дальнем Востоке шла необъявленная война между корчемной стражей и чинами железнодорожной полиции. Последние препятствовали любой деятельности корчемников в полосе отчуждения железной дороги.

Так, 23 марта 1916 г. при досмотре паровоза № 881 на ст. Иннокентьевской Амурской железной дороги в заднем ящике паровоза в пакле обнаружено 6 банок маньчжурского спирта. Машинист сказал, что спирт ему подбросили. Из-за отказа машиниста идти на станцию и составлять протокол Пишун и Шишкин отправились на заставу доложить о происшедшем. По дороге встретили жандарма, который запретил им следственные действия в полосе отчуждения железной дороги. Начальник жандармско-полицейского управления Уссурийской железной дороги неоднократно высказывал сомнения в нравственности поступков чинов корчемной стражи, отметил, что те досматривают не контрабанду, а паспорта китайцев, чтобы обогатиться на взятках от большой массы беспаспортно проникавших в Россию китайских сезонных рабочих [18, л. 176].

Вместе с тем полиция, станичные и сельские власти были обязаны ока-

зывать содействие стражникам. Всякое сопротивление или оскорбление чинов корчемной стражи признавалось явным нарушением государственного порядка и влекло ответственность в соответствии с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных. О каждом таком факте стражники обязаны были докладывать вышестоящему начальству. К сожалению, они пользовались этим правом только для того, чтобы писать доносы на чинов полиции и поселковые власти, обвиняя их в попытках подкупа во время служебных действий чинов корчемной стражи или в потакании алкогольной контрабанды. В ответ чины полиции и казаки обвиняли корчемников в тайной торговле спиртом и иных правонарушениях, например, ограблении китайцев. Однако основная проблема в деятельности корчемной стражи и акцизного надзора накануне Первой мировой войны заключалась в неправильном оформлении бумаг, что в свою очередь влияло на судебные решения.

Правильное составление товарной описи, т. е. точное обозначение тарифного наименования арестованного товара и соответствующей статьи таможенного тарифа, вес товара в одних случаях как брутто, в других нетто, вне зависимости от того, как берется пошлина с известного рода товара и оценки, являлось делом весьма необходимым для начисления пошлины и соответствующей в зависимости от этого пени. Однако слабая подготовка чинов корчемной стражи порождала постоянные и однотипные ошибки при составлении протокола. Так, по задержанию 24 декабря 1912 г. у крестьянина Якова Вельмана одной четвертой банки спирта объездчиками корчемной стражи Вегером и Батинцевым не было указано, какой это спирт, русский или маньчжурского производства. В результате таможенное ведомство было лишено возможности предъявить судебный иск к лицам, обвиняемым в контрабанде [19, л. 62]. Хотя

в соответствии со ст. 24 Наказа чинам корчемной стражи, утвержденного приказом Министерства финансов 27 июля 1911 г., задержанные контрабандные питания и другие акцизные товары могли продаваться чинами корчемной стражи в местах конфискации, не дожидаясь решения дела, лишь при «невозможности доставить их на место нахождения корчемного или таможенного поста». 18 марта 1913 г. из-за систематического неправильного составления протоколов задержания был издан приказ по Приморскому акцизному управлению, которым было предписано предоставлять арестованный спирт наравне с остальными контрабандными товарами в ближайшее таможенное учреждение, где и составлялись надлежащим образом и согласно требованиям закона товарные описи с оформлением протокола изъятия [19, л. 62].

Представление водки и спирта в таможенное учреждение являлось необходимым для составления акта экспертизы о происхождении товара. Последнее требовалось судебными властями, так как при признании контрабандного алкоголя русского производства пеня исчислялась в размере пятикратной пошлины, тогда как китайского производства облагался штрафом по 2 руб. с фунта нетто (ст. 1065 Устава) [19, л. 62]. Так как практика не позволяла чинам корчемной стражи вовремя доставить задержанный алкоголь в таможенные учреждения, в августе 1913 г. чинам корчемной стражи вновь было предложено при составлении протоколов писать, что «доставка указанных товаров в таможенное учреждение невозможно в силу таких-то обстоятельств» [19, л. 63].

Трудности возникали у чинов корчемной стражи и при доказывании обстоятельств дела в местных судах, когда корчемники ссылались на показания своей агентуры. Так, 18 мая 1913 г. в Благовещенский окружной суд поступило следующее дело. В нем говорилось, что

чинами корчемной стражи были получены сведения о том, что во дворе оптового склада, находящегося в Благовещенске и принадлежавшего предпринимателю Дмитриеву, возят контрабандный спирт в ассенизационных ящиках, почему ими было установлено наблюдение за двором Дмитриева, в котором помещался оптовый склад. 27 октября 1912 г. корчемным объездчиком Зинчуком был замечен с ассенизационным ящиком китаец, который въехал во двор Дмитриева и запер тотчас ворота. Объездчик Зинчук перелез через забор во двор и увидел, что китаец подъехал к дверям оптового склада, а рабочим Дмитриева уже было выставлено из ассенизационного ящика на поле несколько банок. Завидя приближение Зинчука, китаец, привезший спирт, бежал. Тут же находился и сам Дмитриев. В ящике оказалось 35 банок по четверти каждая контрабандного спирта маньчжурского производства весом нетто 5 пудов. Означенный спирт и перевозочные средства были доставлены в Благовещенскую таможню. Кроме объездчика Зинчука, во двор Дмитриева прибыли контролер Васильев, объездчики Нагаев, Чуев [19, л. 322].

Экспертизой Благовещенской таможни спирт признан маньчжурского происхождения к ввозу в Россию воспрещенным. Постановлением Благовещенской таможни Никанор Иванович Дмитриев был признан виновным в контрабанде. Однако Мировой суд контрабандиста оправдал на том основании, что корчемная стража не могла сама проводить оперативную работу с негласными агентами и должна была обратиться за помощью в полицию. Только после вмешательства прокуратуры, вставшей на сторону корчемников, окружной суд на основании ст.ст. 1046 и 1061 т. 6 изд. 1910 г. приговорил к уплате пени за водворение спирта на сумму в 400 руб. [19, л. 322].

Отметим, что акцизный надзор задерживал не только безакцизный алкоголь, но и другие товары, по которым не

уплачивались соответствующие акцизные сборы. Как правило, на русско-китайской границе это были чай и табак. Так, акцизный инспектор 1-го участка донес управляющему 29 сентября 1912 г. № 1730 об обнаружении им случаев торговли спичками с поддельными бандеролями, каковые длиннее настоящих приблизительно на 1/10 дюйма. Обнаруженные спички имели марки «Роза» и «Сигара» [18, л. 128]. Мы можем отметить, что, в отличие от Дальнего Востока, в Забайкалье наиболее действенную силу по борьбе со спиртом играли не таможенники, а акцизный надзор. Так, в первой половине 1914 г. был 951 случай задержания контрабандных товаров по оценке на 33 418 руб., из которых в черте действия таможенных учреждений 327 случаев на сумму 2 242 руб. и вне черты действия сих учреждений 624 случая на сумму 31 176 руб. [16, л. 216].

Таким образом, акцизный надзор и корчемные стражники в Забайкалье задерживали контрабандный товар в несколько раз чаще, чем таможенники, но стоимость задержанных партий контрабанды была ниже, чем у таможенных досмотрщиков. Это позволяет сделать вывод о том, что не всегда чины акцизного ведомства были честны и сдавали контрабанду в полном объеме.

Начавшаяся в июле 1914 года война России с Германией и Австро-Венгрией еще более осложнила ситуацию в борьбе с контрабандой спирта. В ходе объявленной мобилизации на военную службу были призваны военнообязанные, обострилась нехватка кадров, а введенный «сухой закон» подстегнул контрабанду спиртных напитков, которые заняли лидирующее место среди конфискованных контрабандных товаров. Заниматься контрабандой дешевого китайского спирта становилось очень выгодно, ведь только одно удачное перемещение перекрывало предыдущие задержания. При этом контрабандисты шли на все возможные ухищрения – зафиксирован случай изго-

товления специальных жилетов из прорезиненной ткани, которые одевались на тело и могли быть обнаружены лишь при личном досмотре, в них заливалось до 6 литров спирта.

После начала Первой мировой войны главным потребителем контрабандного спирта стали рабочие и служащие города Владивостока, где находились воинские контингенты, портовые рабочие, работники складов и Амурской железной дороги. Местом ввоза контрабандного спирта была русско-китайская сухопутная граница между поселками Софье-Алексеевским и Фадеевским, которая на пространстве 27 верст не охранялась. Затем контрабандный спирт направлялся в село Липовцы, где жили контрабандисты. Отметим, что спиртонос приносил из-за границы в Россию спирт по 50 коп. за банку, объемом $\frac{1}{4}$ ведра. Спирт оставляли в укромных схрамах около сел вечером. Хозяин-контрабандист, получив сведения о подносе спирта, выезжал на телеге к указанному месту, принимал спирт, рассчитывался со спиртоносом. Для предупреждения бутлегерства управление Уссурийского казачьего войска просило акцизное начальство создать пост корчемной стражи в селе Голёнки и вновь учредить пост в селе Владимирском. Вместе с тем руководство Уссурийского казачьего войска отмечало, что корчемная стража не в состоянии одна бороться с контрабандой и поэтому ходатайствовало о получении права уссурийским казакам задерживать спирт на тех же условиях, что и корчемные стражники. В частности, это касалось получения казаками половины стоимости задержанной контрабанды [20, л. 11].

Такая инициатива казачьих властей повлекла за собой переписку ведомств, имевших отношение к перемещению товаров через границу. Губернское акцизное управление выступило против передачи корчемных функций казакам и отмечало, что контрабандный спирт распространялся во все стороны крупными

и мелкими партиями и по преимуществу уже контрабандистами россиянами. Как отмечалось в документе, «сельские и поселковые власти мало помощи оказывают корчемным стражникам и неохотно дают нужные сведения о лицах, занимающихся контрабандой, и не указывают места их нахождения» [20, л. 11].

Акцизный надзиратель 4 июля 1915 г. сообщал начальнику Никольск-Уссурийской железной дороги, что на территории вверенного ему стана, несмотря на запрещение продажи спиртных напитков (это случилась сразу после объявления войны 1 августа 1914 г.), корейцы активно занимались контрабандным ввозом спирта во Владивосток. Деятельность корейцев-спиртоносов протекала по лесным двум тропам вдалеке от таможенных постов, что и способствовало контрабанде. Контрабанда постепенно вводилась и по железной дороге, чему способствовал слабый надзор со стороны жандармской полиции. Только два жандарма действовали на линии от станции Угольной до села Раздольного. Контрабандистам помогали русские рабочие, большие любители алкоголя. Учитывая, что жандармы постоянно пресекали деятельность корчемников на железной дороге, неудивительно, что контрабандисты оставались неуловимы для корчемников [20, л. 35].

Надзиратель отмечал, что в село Раздольное прибыл контролер корчемной стражи с четырьмя нижними чинами. Он предлагал установить наблюдение по Эльдугинской тропе с резиденцией корчемной стражи в деревне Горной или Ананьевке и по Сандугинской – в деревне Харьковке, а имеющийся в селе Раздольном отряд корчемной стражи отправить в секрет по Клепке в сторону деревни Тереховки. В случае открытия трёх новых корчемных постов пристав планировал увеличить количество задержаний контрабанды [20, л. 35]. Отметим, что в годы Первой мировой войны корчемным чинам удалось собрать сведения,

в Санчагоу продавалось до 2 тыс. ведер спирта в месяц, не считая ханшина и других сладких китайских напитков. Жестяная пятилитровая банка спирта стоила от 1 до 1,5 руб. Отметим, что русские и наиболее состоятельные китайцы пили не ханшин, а разведенный маньчжурский спирт [20, л. 196].

Итак, в связи с тем, что до 1913 г. вдоль русско-китайской сухопутной границы была введена 100-верстная зона безтаможенной торговли, контрабандисты чувствовали себя весьма вольготно. Они ввозили товар мимо пограничников и таможенников, и единственной силой, препятствовавшей расползанию контрабанды иностранных товаров за пределами 100-верстной полосы, были акцизные контролеры и корчемная стража. Однако эффективность деятельности корчемной стражи и акцизного надзора накануне Первой мировой войны снижалась в силу низкого профессионального уровня сотрудников, не обученных к правильному составлению протоколов. Кроме того, мы можем отметить конфликты между таможенниками и чинами корчемной стражи. Таможенники неоднократно обвиняли своих коллег по Министерству финансов в коррупционности из-за действия этой статьи. Поддержали таможенников и жандармы. Неоднократно сотрудники акцизного ведомства и корчемной стражи становились объектами судебного преследования и осуждения.

Современники отмечали низкую эффективность службы на Дальнем Востоке и высокую эффективность в Забайкалье. На территории Восточной Сибири акцизный надзор задерживал контрабанду чаще за пределами таможенной линии, чем таможенники на границе. В годы Первой мировой войны из Китая в Россию массово ввозили спирт, который стал, по сути, «региональным бедствием» для правоохранительной системы. Основным направлением ввоза нелегального спирта в годы войны стал Владивосток и горные прииски региона,

а потребителями – солдаты и чернорабочие. Также наметился рост контрабандных поставок спирта на территорию российского Дальнего Востока и Забайкалья.

Корчемным стражникам удавались лишь отдельные задержания крупных партий контрабанды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кисловский Ю. Г. Контрабанда: история и современность / под ред. А. С. Круглова. М.: Автор, 1996. 429 с.
2. Кисловский Ю. Г. История таможенного дела и таможенной политики России. 3-е изд., доп. / под общ. ред. А. Е. Жерихова. М.: РУСИНА-ПРЕСС, 2004. 592 с.
3. Боков К. И. Становление и развитие таможенного дела и таможенного законодательства России в XIX – начале XX века: монография. М.: Проспект, 2015. 171 с.
4. Троицкая Н. А. Порто-франко на Дальнем Востоке. Таможенная политика России на Дальнем Востоке. М.: Гос. изд-во, 1998. 160 с.
5. Печерица В. Ф. Очерки истории дальневосточной таможни. Владивосток, 2002. 166 с.
6. Дальневосточная контрабанда как историческое явление: вторая половина XIX – первая треть XX в. / Н. А. Беляева [и др.]. Владивосток: РИО РТА, 2010. 296 с.
7. Корняков К. А. Контрабанда и борьба с ней: монография. М.: Изд-во Российской таможенной академии, 2010. 123 с.
8. Жолобова Г. А. Особенности правового режима торговли алкогольными напитками в винодельческих районах // Lex Russica. 2014. № 12. С. 101–111.
9. Попенко А. В. Опыт борьбы с контрабандой на Дальнем Востоке России (1884 – конец 20-х гг. XX в.): монография. Хабаровск: ХПИ ФСБ России, 2009. 150 с.
10. Сафронов С. А. «Пьяный вопрос» в России и «сухой закон» 1914–1925 годов. От казенной винной монополии С. Ю. Витте до «сухого закона»: монография. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2017. 547 с.
11. Бойко А. И., Родина Л. Ю. Контрабанда: история, социально-экономическое содержание и ответственность. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 320 с.
12. Алепко А. В. Незаконное предпринимательство китайцев на российско-маньчжурской границе в начале XX в. // Российское Приамурье: История и современность: материалы доклада научного семинара. Хабаровск, 1999. С. 269–272.
13. Башкуева Е. Ю. Контрабандная деятельность китайских мигрантов в Западном Забайкалье (1860–1917 гг.) // Молодежь и наука XXI в.: сборник статей. Красноярск, 2004. С. 86–88.
14. Дацышен В. Г. Из истории контрабанды спиртных напитков на Дальнем Востоке // Вопросы истории Дальнего Востока: сборник статей. Хабаровск, 2001. Вып. 3 (8). С. 15–20.
15. Сорокина Т. Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX – начало XX вв.): монография. Омск: Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, 1999. 264 с.
16. ГАЗК. Ф. 78. Оп. 2. Д. 25.
17. РГИА ДВ. Ф. 1304. Оп. 3. Д. 27.
18. РГИА ДВ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 37.
19. РГИА ДВ. Ф. 1304. Оп. 2. Д. 5.
20. РГИА ДВ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 150.

© Синиченко В. В.

**КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ
СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО**

УДК 342.565.2(470+571-43)

Ф. Р. МУРАТШИН, профессор кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, доктор юридических наук, судья Конституционного Суда Республики Башкортостан в отставке (г. Уфа)

F. R. MURATSHIN, Professor of Chair of Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, Doctor of Law, Retired Judge of the Constitutional Court of the Republic of Bashkortostan (Ufa)

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ В СУБЪЕКТАХ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**THE CONSTITUTIONAL CONTROL IN THE CONSTITUENT ENTITIES
OF THE RUSSIAN FEDERATION: STATUS AND PROSPECTS**

***Аннотация.** В статье проведен анализ состояния региональной конституционной юстиции в современной России, исследовано федеральное и региональное законодательство, посвященное организации в субъектах Российской Федерации органов конституционного контроля, на конкретных примерах (Республика Мордовия, Республика Бурятия и Челябинская область) показаны предпосылки и причины упразднения ранее созданных в этих субъектах Федерации конституционных и уставных судов, выявлены причины неразвитости данного института судебной власти в настоящее время, исследованы наиболее типичные проблемы, с которыми сталкиваются региональные элиты в деле учреждения у себя органов конституционной юстиции, показаны перспективы развития института конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации на ближайшие десятилетия, предложены концептуальные основы для повсеместного образования во всех субъектах Российской Федерации собственных конституционных (уставных) судов, которые могли бы стать неотъемлемым звеном единой судебной системы страны.*

***Ключевые слова и словосочетания:** конституционная юстиция, конституционные суды, уставные суды, конституция, субъекты Российской Федерации, конституционный контроль, судебная власть, законодательство.*

***Annotation.** The article analyzes the state of regional justice in contemporary Russia, researches federal and regional legislation regarding the organization of the bodies of constitutional control in the entities of the Russian Federation on the specific examples (the Republic of Mordovia, the Republic of Buryatia, Chelyabinskaya Oblast), shows the preconditions and the reasons for abolishment of constitutional (statutory) courts previously established in these entities of the Russian Federation, identifies the causes of underdevelopment of the judicial institution at present, researches the main typical problems with which regional elite faces while establishing the bodies of constitutional control in their places, shows the development of perspectives of the institution of constitutional (statutory) courts of the entities of the Russian Federation for the coming decades, offers the conceptual framework for*

the universal establishment of constitutional (statutory) courts in all entities of the Russian Federation which could become an integral part of the unified judicial system of the country.

Keywords and phrases: constitutional justice, constitutional courts, statutory courts, constitution, entities of the Russian Federation, constitutional control, judicial authority, legislation.

Начнем с некоторых цифр. В настоящее время в России только в пятнадцати субъектах Федерации созданы и осуществляют свою деятельность собственные конституционные и уставные суды. И это в то время, когда двадцать пять субъектов Федерации на основе своих конституционных (уставных) норм разработали и приняли специальные законы о региональных органах конституционной юстиции, еще двадцать два субъекта Федерации в учредительных документах зафиксировали образование собственных конституционных и уставных судов. В остальных же российских субъектах, несмотря на то что федеральное законодательство предусматривает право регионов на образование собственных органов, осуществляющих конституционный контроль, ни в конституционном, ни в текущем их законодательстве нет даже упоминания о специальных структурах по осуществлению собственного контроля за тем, насколько правомерно их конституционные или уставные нормы реализуются в принимаемых в регионе нормативных правовых актах.

В то же время есть другая статистика. Целый ряд субъектов Российской Федерации, единожды образовав у себя подобные органы правосудия, вскоре под разными предлогами от них отказались, прервав их деятельность или даже полностью упразднив данные структуры. Так, созданный в Республике Мордовия в 1992 году на основе Закона Мордовской ССР «О Конституционном Суде Мордовской ССР» Конституционный Суд данной республики уже менее чем через два года был упразднен, а соответствующий закон признан утратившим силу. Как отмечают С. В. Бочкарева и Н. А. Зеленова, существует несколько предположений, объясняющих, для чего данный орган

правосудия был ликвидирован, несмотря на его активную и плодотворную работу. По признанию авторов, такое решение не имело четкого мотива. По мнению одних, упразднение суда было вызвано отходом от линии последовательного реформирования на демократической основе государственного обустройства республики. По мнению других, данному суду уже изначально была уготовлена судьба на недолгое существование, что вызвано оказанием влияния на процедуру отрешения от должности избранного в тот период на демократической основе Президента республики В. Д. Гуслянникова. Но как бы там ни было, на взгляд С. В. Бочкаревой и Н. А. Зеленовой, Конституционный Суд Мордовии был реорганизован, так как представлял реальную угрозу для консервативного парламента республики [1].

Подобной печальной участи удостоился и Уставный суд Челябинской области. В 2014 году произошла ликвидация созданного в 2011 году органа региональной уставной юстиции Челябинской области. Причем эта история прогремела на всю страну. Потребовалось вмешательство Конституционного Суда РФ, что стало настоящим прецедентом в практике конституционного судопроизводства, поскольку решения органов конституционной юстиции, в том числе и регионального уровня, окончательны и обжалованию не подлежат. Поводом для такого вмешательства стало решение Уставного суда области, касающееся налоговой льготы для пенсионеров, владеющих автомобилями с мощностью двигателя более 150 лошадиных сил. Конституционный Суд РФ в своем решении недвусмысленно указал на ошибку Уставного суда области, отметив, что в своем решении орган региональной юстиции превысил свои полномочия [2, с. 3].

Еще один случай. В 2018 году парламент Республики Бурятия принял решение об исключении из Конституции республики положения о собственном Конституционном Суде, признал утратившим силу Закон «О Конституционном Суде Республики Бурятия» и упразднил действующий Конституционный Суд республики. Заметим, до этого деятельность названного суда временно была приостановлена еще с 2013 года. Официальной причиной такого решения, по словам Председателя комитета по государственному строительству Народного Хурала Бурятии Б. Ботоева, стали низкая эффективность указанного судебного органа (3–4 дела в год) и большие, на его взгляд, финансовые затраты на содержание суда (более 3 млн руб. в год). Предложение, высказанное отдельными депутатами о необходимости референдума по вопросу ликвидации Конституционного Суда Бурятии, их коллегами не было поддержано [3].

Таким образом, хотя по Федеральному конституционному закону «О судебной системе Российской Федерации» субъекты Российской Федерации уже более двадцати лет обладают правом на учреждение органов региональной конституционной юстиции, данный институт государственной власти в стране по сей день не получил ожидаемого развития. Приведенные цифры скорее говорят об обратном процессе – вялотекущем и труднообъяснимом процессе самоликвидации названных органов.

Определенные тревожные нотки в речах сторонников регионального уровня конституционной юстиции сегодня звучат и в связи изменениями, вносимыми в настоящее время в Конституцию РФ. Теперь уже понятно, что в обновленной Конституции РФ, как и раньше, не будет ни слова об органах конституционной юстиции регионального уровня. По признанию сторонников конституционных и уставных судов субъектов Федерации в начале конститу-

ционной реформы еще была надежда на то, что в новой редакции Конституции страны появится хотя бы упоминание о конституционных (уставных) судах субъектов Российской Федерации. А еще лучше было бы, по их мнению, зафиксировать положение, согласно которому региональные органы конституционной юстиции войдут составной частью в единую судебную систему страны. Это могло бы быть расценено региональными элитами как официальное «одобрение» со стороны федерального центра процесса создания и деятельности региональных органов конституционной юстиции и послужило бы соответствующей конституционной основой для повсеместного их создания, включая тех субъектов Федерации, в которых они ранее не создавались или были созданы, но в последствии ликвидированы.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что институт конституционного контроля в российских регионах, как отмечается исследователями, по сей день продолжает оставаться в «эмбриональном» состоянии. Процесс его формирования идет трудно и непредсказуемо. И все это происходит в то время, когда в решении указанной проблемы сохраняются большие общественные ожидания, которые подкреплены обширными научными изысканиями, подтверждающими необходимость конституционных и уставных судов в субъектах Российской Федерации [4, с. 159].

Одновременно с этим нельзя не констатировать, что в тех субъектах Российской Федерации, в которых региональные органы конституционного контроля образованы и на протяжении длительного времени действуют, накоплен солидный опыт осуществления на региональном уровне конституционного правосудия, а эффективность данных органов достаточно высока. Такой вывод можно сделать, в частности, из анализа выступлений многих участников Всероссийской научно-практической конфе-

рениции, состоявшейся осенью 2018 года в городе Уфе и организованной по инициативе Конституционного Суда Республики Башкортостан.

Одним из лидеров, как по количеству рассматриваемых вопросов, так и по качеству принимаемых решений, является Конституционный Суд Республики Татарстан. Так, за 2019 год Конституционным Судом Татарстана было принято 7 постановлений и 27 содержащих правовые позиции определений [5]. Для государственного органа, состоящего из 6 судей, с учетом сложности рассматриваемых дел совсем неплохо. К числу неплохо работающих также можно отнести конституционные (уставные) суды республик Башкортостан, Марий Эл, Карелия, Северная Осетия – Алания, города Санкт-Петербург. Следует также заметить, что конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации, помимо осуществления конституционного контроля, занимаются еще многими другими, не менее важными делами.

Так, региональные органы конституционного контроля стали инициаторами и организаторами издания комментариев к своим конституциям и уставам. Подобным образом вышли в свет комментарии к конституциям, например, республик Бурятия, Марий Эл, Карелия, к уставу Челябинской области. Приблизительно год назад Конституционным Судом Республики Башкортостан был издан объемный по содержанию историко-правовой комментарий к Конституции Республики Башкортостан – совместный труд юристов теоретиков и практиков, а также ученых-историков республики. Это позволило при осуществлении толкования действующих конституционных положений проследить, как эти положения зарождались, развивались, изменялись в те или иные исторические периоды, почему так важны в настоящее время [6, с. 178].

Конституционные и уставные суды субъектов Российской Федерации тра-

диционно проводят большую просветительскую и воспитательную работу с населением, особенно со школьниками и студентами колледжей и вузов. К примеру, Конституционным Судом Республики Башкортостан не так давно было подготовлено и выпущено в свет уже второе издание объемной красочной книги «Конституция Республики Башкортостан глазами детей», которая включила в себя посвященные важнейшим конституционным положениям сотни лучших детских рисунков, отобранных специально созданной для этого конкурсной комиссией. Также традиционной для Конституционного Суда Республики Башкортостан стало проведение ежегодных конкурсов студенческих, магистрантских работ по конституционному праву.

Почему же тогда данный институт судебной власти в стране за два прошедших десятилетия так и не стал обычным привычным атрибутом государственного обустройства каждого субъекта Федерации? Почему руководители большей части субъектов Федерации не заинтересованы в наличии у себя органов конституционного контроля? Как объяснить их выжидательную позицию в вопросе учреждения органов конституционной юстиции? Что в действительности является сдерживающим фактором, настораживающим и даже пугающим региональную элиту в положительном решении вопроса об учреждении у себя конституционных (уставных) судов? Наконец, каковы истинные причины ликвидации самими же созданных и вроде бы справляющихся со своими задачами конституционных и уставных судов? Возникает и более общий и серьезный вопрос: имеются ли вообще какие-либо перспективы у региональной конституционной юстиции в России на ближайшие десятилетия?

Конечно, однозначно ответить на все поставленные вопросы не просто. Существует целый комплекс причин и условий объективного и субъективного характера, в большей или меньшей

степени объясняющих негативное положение вещей в рассматриваемой сфере. Тем не менее попытаемся остановиться на такого рода ключевых, с нашей точки зрения, факторах.

Во-первых, неразвитость и определенная противоречивость содержания федерального законодательства о судебной системе в части правовой регламентации учреждения и деятельности конституционных и уставных судов субъектов Российской Федерации. Известно, что в Конституции РФ закреплен единственный орган правосудия, наделенный правом осуществлять конституционный контроль, – Конституционный Суд РФ. Не предвидится конституционного закрепления наличия в субъектах Федерации конституционных и уставных судов и в обновленном варианте Конституции страны. Отсутствие на самом высшем, конституционном уровне положения о региональных органах конституционной юстиции многими политиками, в том числе и юристами, порой трактуется как «неконституционность» или «нелегитимность» конституционных (уставных) судов регионального уровня. Тем более если учесть, что все остальные институты судебной власти, включая суды общей юрисдикции, мировую юстицию, арбитражные суды, нашли свое конституционное закрепление в Конституции страны.

В то же время, как это может показаться странным на первый взгляд, имеется целый ряд федеральных законов, в числе которых и федеральный конституционный закон, которые содержат не только упоминания о конституционных и уставных судах субъектов Федерации, но и правовую регламентацию учреждения этих судебных структур в регионах, и правовой статус судей данных судов. Например, Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» (от 31 декабря 1996 г.), федеральные законы «Об органах судебного сообщества в Российской Федерации» (от 14 марта 2002 г.), «О статусе су-

дей Российской Федерации» (от 26 июня 1992 г.), «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (от 6 октября 1999 г.).

Во-вторых, диспозитивный (т. е. необязательный для субъектов Российской Федерации) характер предусмотренных на федеральном уровне законоположений об учреждении конституционных и уставных судов субъектов Российской Федерации. Иначе говоря, федеральное законодательство, регламентируя вопросы образования и деятельности конституционных (уставных) судов в субъектах Российской Федерации, не обязывает субъекты Федерации повсеместно создавать эти судебные структуры у себя, а всего лишь наделяет их правом по своему желанию и усмотрению учреждать такие органы, что, конечно же, предполагает их право отказаться от создания подобных органов судебной власти.

Данный, можно сказать «излишне лояльный» подход федерального законодателя к субъектам Российской Федерации в вопросе учреждения региональных органов конституционного контроля многими сторонниками конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации воспринимается крайне критично. Так, по мнению бывшего Председателя Конституционного Суда Республики Северная Осетия – Алания, профессора А. М. Цалиева, «данная специфика входит в противоречие с важнейшим принципом судопроизводства в Российской Федерации – единством судебной системы, что фактически дезорганизует судебную власть, развивает механизмы ее зависимости от региональных властей» [7, с. 11]. Выход из сложившейся ситуации профессор видит в разработке и принятии специального Федерального закона «О конституционных и уставных судах субъектов Российской Федерации», направленного на регламентацию принципиальных и общих вопро-

сов, связанных с образованием и организацией деятельности конституционных и уставных судов в российских регионах [8, с. 6; 9, с. 7]. При этом важно отметить, что подобный законопроект еще несколько лет назад был разработан его инициатором и в установленном порядке внесен в Государственную Думу РФ. Однако, к сожалению, данная инициатива так и не была поддержана депутатами нижней палаты российского парламента.

Представителем противоположного подхода к рассматриваемой проблеме является профессор С. Г. Павликов. Он пишет: «Трудно согласиться с позицией ученых, предлагающих «обязать» все субъекты Российской Федерации создавать такие суды путем внесения соответствующих изменений в статью 27 Федерального конституционного закона “О судебной системе Российской Федерации”» [10, с. 32]. Такая мера, как считает автор, может исказить саму суть института региональной конституционной юстиции.

Еще одним противником «обязывания» субъектов Российской Федерации посредством внесения изменений в федеральное законодательство в вопросе учреждения у себя органов конституционного контроля является судья Конституционного Суда РФ в отставке, профессор Г. А. Жилин. Так, предложение о принятии специального федерального закона, обязывающего всех субъектов Федерации создать названные суды повсеместно, автор расценивает как «недопустимое вторжение в компетенцию субъектов Российской Федерации». Интересна его точка зрения, объясняющая неторопливость многих субъектов Российской Федерации по учреждению собственных органов конституционной юстиции. По его мнению, это вызвано отсутствием политической воли у руководства субъекта Российской Федерации [11, с. 51].

В-третьих, отсутствие четко выраженной подведомственности конститу-

ционных и уставных судов регионально-го уровня.

В настоящее время налицо ситуация, при которой субъекты Российской Федерации вполне могут обойтись и без собственных органов конституционной юстиции. На первый взгляд, потребность в таких органах очевидна. Кто-то же должен осуществлять контроль за правильной реализацией конституционных норм при принятии нормативных правовых актов органами власти регионального уровня и муниципальными органами. Однако вместо скорейшего создания подобных органов на субъектном уровне, правовая практика пошла по-другому пути – по пути «приспособления» к положению отсутствия на региональном уровне органов конституционного правосудия. Еще в 2007 году Пленумом Верховного Суда РФ в одном из своих постановлений (№ 48, утратило силу 24 декабря 2018 г.) указывалось, что в случае отсутствия в том или ином субъекте Российской Федерации конституционного (уставного) суда вопрос о соответствии его конституции (уставу) тех или иных региональных нормативных правовых актов может быть разрешен судом общей юрисдикции.

Такая позиция высшей судебной инстанции страны не может не вызывать серьезных опасений. На практике это приводит к появлению «нездоровой конкуренции» между конституционными (уставными) судами субъектов Российской Федерации и судами общей юрисдикции по рассмотрению определенной категории дел, а в конечном счете – к фактической утрате предмета конституционного контроля региональных органов конституционной юстиции. Не секрет, что даже в тех субъектах Федерации, где учреждены конституционные и уставные суды, суды общей юрисдикции нередко решают такие вопросы самостоятельно, не задумываясь над тем, был ли рассмотрен данный вопрос в процедуре конституционного производства. Тем

самым происходит вытеснение органов конституционного контроля из единого правового поля.

В свою очередь размывание предмета конституционного контроля ведет к уменьшению количества обращений в конституционные и уставные суды регионов. Неудивительно, что в юридической литературе нередко высказывается мнение о том, что существующие региональные конституционные и уставные суды недогружены работой, имеют низкую эффективность, не имеют достаточного объема работы [12, с. 46].

Конечно, есть и другие причины, объясняющие неразвитость региональ-

ной конституционной юстиции в России. Это и нехватка квалифицированных юридических кадров, прежде всего из научного круга, которые смогли бы качественно исполнять обязанности судьи конституционного или уставного суда, и попытка сэкономить средства регионального бюджета. Но главное заключается в том, что в настоящее время все еще нет понимания того, что органы региональной конституционной юстиции – такой же необходимый атрибут организации современной государственной власти, как, к примеру, парламент, счетная палата, избирательная комиссия и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочкарева С. В., Зеленова Н. А. Конституционный Суд Мордовской ССР. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnyy-sud-mordovskoy-ssr/viewer> (дата обращения: 21.03.2020).
2. Пинкус М. Роскошь правосудия. В Челябинской области из экономии ликвидировали уставный суд // Российская газета. 2014. 26 февраля.
3. Намсараева С. В Бурятии упразднили Конституционный Суд. URL: <https://www.infpol.ru/91615-v-buyatii-uprazdnil-konstitutsionnyy-sud/> (дата обращения: 14.04.2020).
4. Кряжков В. Региональная конституционная юстиция в Российской Федерации: состояние и пути развития // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 3. С. 156–162.
5. Сайт Конституционного Суда Республики Татарстан. URL: <https://ks.tatarstan.ru/> (дата обращения: 10.06.2020).
6. Муратшин Ф. Р., Аббазова Г. Р. Историко-правовой комментарий к Конституции Республики Башкортостан // Государство и право. № 9. 2019. С. 178–180.
7. Александрова Р. Единство судебной системы – важный принцип судопроизводства в Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 11. С. 10–14.
8. Цалиев А. М. Судебная власть в системе разделения властей субъекта Российской Федерации // Российская юстиция. 2009. № 2. С. 6–9.
9. Цалиев А. М., Качмозов О. Х. Дальнейшее развитие конституционных (уставных) судов – основная задача судебной реформы // Российский судья. 2009. № 4. С. 5–8.
10. Павликов С. Г. О совершенствовании правового регулирования статуса конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 3. С. 31–35.
11. Жилин Г. А. Конституционное судопроизводство в субъектах РФ: основные проблемы // Российский юридический журнал. 2013. № 4. С. 48–53.
12. Саломатин А. Ю., Гуляков А. Д., Дунаев А. В. Региональная конституционная юстиция – завоевание судебного федерализма или системная ошибка? // Российская юстиция. 2016. № 7. С. 45–48.

© Муратшин Ф. Р.

УДК 342.553:342.4(470)«2020»

Р. М. УСМАНОВА, декан юридического факультета Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, доктор юридических наук, доцент (г. Стерлитамак)

R. M. USMANOVA, Dean of the Law Faculty Sterlitamak Branch of Bashkir State University, doctor of Law, associate professor (Sterlitamak)

МЕСТО ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В СВЕТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОПРАВOK

PLACE OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES IN THE SYSTEM OF PUBLIC POWER IN THE LIGHT OF CONSTITUTIONAL AMENDMENTS

Аннотация. В статье уделено внимание месту органов местного самоуправления в системе публичной власти в свете Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ. Подчеркивается, что предлагаемые поправки в главу 8 Конституции РФ направлены на тесное взаимодействие органов государственной власти и органов местного самоуправления как единой системы публичной власти. Однако необходимо отметить, что в любом случае в результате вступления в силу Закона о поправках не должно ограничиться право на местное самоуправление, так как согласно ч. 2 ст. 3, ст. 12, чч. 1, 2 ст. 32 Конституции РФ местное самоуправление выступает обязательной на всей территории Российской Федерации формой публично-территориальной самоорганизации населения.

Ключевые слова и словосочетания: Конституция Российской Федерации, местное самоуправление, публичная власть, государственная власть.

Annotation. The article focuses on the place of local self-government bodies in the system of public power in the light of the Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 No. 1-FKZ. It is emphasized that the proposed amendments to Chapter 8 of the Constitution of the Russian Federation are aimed at close interaction between state authorities and local self-government bodies as a unified system of public power. However, it should be noted that in any case, as a result of the entry into force of the Law on amendments, the right to local self-government should not be limited, since according to articles 3 (part 2), 12, 32 (parts 1 and 2) of the Constitution of the Russian Federation, local self-government is a mandatory form of public-territorial self-organization of the population throughout the Russian Federation.

Keywords and phrases: the Constitution of the Russian Federation, local self-government, public power, state power.

Взаимодействие органов местного самоуправления с органами государственной власти прописано нормами Федерального закона от 6 октября 2006 г. № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 131). Взаимодействие государственных органов с органами местного самоуправления проходит по многим на-

правлениям. Как отражено в правовой позиции Конституционного Суда РФ, сформулированной им в Постановлении от 24 декабря 2012 г. № 32-П [1], такое взаимодействие исходя из конституционных основ единства публичной власти в Российской Федерации является объективной необходимостью. Конституционные основы взаимодействия в первую очередь основаны на ст. 12 Конститу-

ции РФ. Однако как сложится перспектива дальнейшего взаимодействия с вступлением в силу Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (далее – Закон о поправках) [2]?

Так, согласно предлагаемой Законом о поправке редакции ч. 3 ст. 132 Конституции РФ органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории. На наш взгляд, данная норма является ключевой, на основании которой и будет дальше развиваться местное самоуправление в системе публичной власти.

Во-первых, согласно предлагаемой Законом о поправке редакции ч. 1.1 ст. 131 органы государственной власти могут участвовать в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления в порядке и случаях, установленных федеральным законом. Получается, что Конституция РФ просто закрепит участие органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления. На сегодняшний день такое участие скорее носит исключительный характер и допускается в соответствии с ч. 4 ст. 34 ФЗ № 131 лишь в случаях и порядке, установленных ч. 2.1 ст. 36, чч. 5, 11 ст. 37, ст.ст. 74 и 74.1 Закона.

Относительно нормы ч. 4 ст. 34 среди ученых одна единственная точка зрения – все эти формы расширяют пределы государственного вмешательства в дела местного самоуправления. Так, например, о расширении пределов и форм государственного вмешательства в деятельность органов местного само-

управления, непосредственного влияния государственных органов субъектов Федерации, а именно высшего должностного лица субъекта на «кадровую политику» в муниципальном образовании отмечает Н. Ю. Давыдова [3]. Критикует факт присутствия государственной власти в формировании органов местного самоуправления через участие в конкурсной комиссии и Л. Т. Чихладзе [4]. По мнению О. В. Изутовой, региональная власть имеет высокую степень влияния на формирование высшего кадрового состава муниципальных образований [5].

Конституционный Суд РФ по-иному высказывается относительно тех или иных случаев, предусмотренных ч. 4 ст. 34 ФЗ № 131. Например, только относительно формирования конкурсной комиссии по отбору кандидатур на должность главы муниципального образования или должности главы местной администрации имеется несколько правовых позиций. Неоднократно Конституционный Суд РФ отмечал, что положения ч. 2.1 ст. 36 ФЗ № 131 не могут быть истолкованы как ограничивающие самостоятельность представительного органа муниципального образования и позволяющие конкурсной комиссии предопределить его решение [6; 7]. Интересна позиция Конституционного Суда РФ, согласно которой в качестве единственно возможного способа замещения главы муниципального образования считается его избрание представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса. Конституционный Суд РФ признал соответствующими Конституции РФ положения, согласно которым субъекты Российской Федерации в своих законах могут устанавливать единственный способ замещения должности главы муниципального образования – избрание, а точнее назначение представительным органом муниципального образования из числа

кандидатов, предложенных конкурсной комиссией [8]. Конституционный Суд РФ обосновывает такой способ формирования и не считает его противоречащим Конституции РФ.

В этом плане хотелось бы напомнить и иную позицию Конституционного Суда РФ, согласно которой у федерального законодателя, как и законодателя субъекта Российской Федерации, есть обязанность обеспечивать безусловное право населения или избранных им представительных органов местного самоуправления самостоятельно, без вмешательства органов государственной власти и государственных должностных лиц, формировать органы местного самоуправления, в том числе избирать главу администрации муниципального образования [9].

Данная позиция Конституционного Суда РФ, по мнению О. Г. Селиховой, полностью встраивается в конституционно-правовую схему, где местное самоуправление выступает одной из самостоятельных форм осуществления власти народом (ст. 3 Конституции РФ), которая не относится к структуре органов государственной власти (ст. 12 Конституции РФ) [10]. Получается, что в своих, так сказать «ранних» правовых позициях Конституционный Суд РФ отрицает такую форму взаимодействия, как участие органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления. В других же «поздних», напротив, подчеркивается, что местное самоуправление в лице своих органов интегрировано в общую институциональную систему осуществления на соответствующей территории функций демократического правового социального государства на началах взаимодействия как с федеральными органами государственной власти, так и с органами государственной власти субъектов Российской Федерации [11].

Тем не менее Конституционный Суд РФ поставил точку в этом вопросе. В своем Заключении от 16 марта 2020 г. № 1-3 [12] Конституционный Суд РФ

отметил, что неоднократно указывал на конституционные основы единства публичной власти в Российской Федерации и объективную необходимость взаимодействия с органами местного самоуправления органов государственной власти субъектов Российской Федерации, призванных создавать условия для обеспечения устойчивого и комплексного социально-экономического развития в пределах всей территории данного субъекта Российской Федерации, как на достаточное основание для участия органов государственной власти в законодательном регулировании порядка формирования органов местного самоуправления, а также для участия выборных лиц местного сообщества, учета их мнения в рамках процедуры замещения должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) (постановления от 24 декабря 2012 г. № 32-П и от 1 декабря 2015 г. № 30-П).

Во-вторых, согласно предлагаемой Законом о поправке редакции ч. 3 ст. 131 Конституции РФ особенности осуществления публичной власти на территориях городов федерального значения, административных центров (столиц) субъектов Российской Федерации и на других территориях могут устанавливаться федеральным законом. При этом ст. 132 Конституции РФ дополняется следующей нормой: «Органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории». На наш взгляд, имеется тесная связь между этими двумя нормами.

Муниципальная власть выступает одним из уровней публичной власти. Это бесспорно вытекает из ст. 12 Конститу-

ции РФ. При этом понимание органов местного самоуправления как относительно самостоятельной, особой организационной формы осуществления публичной власти на местном уровне находит подтверждение в правовых позициях Конституционного Суда РФ, прежде всего в постановлениях от 15 января 1998 г. № 3-П, от 30 ноября 2000 г. № 15-П и от 2 апреля 2002 г. № 7-П. Вместе с тем следует учитывать, что органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему органов публичной власти в государстве, с помощью которой народ осуществляет свою власть (ч. 2 ст. 3). Будучи организационно обособленными публично-властными структурами, они находятся в сложной системе взаимосвязей, характеризующихся конституционно ориентированным социально-целевым единством их предназначения.

Следовательно, если органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти, то на отдельных территориях организация местной жизни может осуществляться и таким уровнем публичной власти, как государственная власть. Это в принципе не будет противоречить ст. 12 Конституции РФ, если редакции ст.ст. 130–132 Закона о поправках Конституции РФ вступят в силу.

Однако отметим, что согласно ФЗ № 131 на территориях городов федерального значения, административных центров (столиц) субъектов Российской Федерации и других территориях местное самоуправление осуществляется органами местного самоуправления с определенными особенностями. Данные особенности предусмотрены главой 11 ФЗ № 131. Анализ ст.ст. 79–82.5 ФЗ № 131 позволяет нам утверждать, что все особенности организации местного самоуправления устанавливаются либо федеральными законами, либо законами субъектов РФ, в которых, к сожалению, полномочия органов мест-

ного самоуправления ограничены государственными органами или полномочиями управляющих компаний. Согласно предлагаемой Законом о поправке редакции ст. 131 Конституции РФ организация публичной власти на территориях городов федерального значения, административных центров (столиц) субъектов Российской Федерации и других территориях будет осуществляться в соответствии с федеральным законом. Из этого следует, что глава 11 ФЗ № 131 претерпит изменения вследствие того, что ФЗ № 131 устанавливает не особенности организации публичной власти на особых территориях и территориях городов федерального значения, а особенности организации местного самоуправления.

Конституционный Суд РФ неоднократно указывал на особенность организации и осуществления публичной власти на территории города федерального значения, что обусловлено спецификой и единством городского хозяйства на данной территории. Конституционный Суд РФ также указывал и на специфику муниципальных образований, имеющих статус административных центров (столиц) субъектов Российской Федерации, обусловленных высокой степенью концентрации в осуществляемых ими публичных функциях и задачах государственных интересов. Согласно редакции ч. 3 ст. 131 Закона о поправках особенности осуществления публичной власти на территориях административных центров (столиц) субъектов Российской Федерации потребуют преобразования городских округов как административных центров (столиц) субъектов Российской Федерации в городские округа с внутригородским делением, т. е. созданием именно территорий в виде внутригородских районов в столицах субъектов Российской Федерации. На сегодняшний день только ряд субъектов Российской Федерации, например Самарская область, Республика Дагестан, своими законами закрепили статус городских

округов с внутригородским делением. Безусловно, все административные центры (столицы) субъектов как городские округа в случае вступления в силу Закона о поправках должны будут преобразованы в городские округа с внутригородским делением на внутригородские районы. Полномочия между городским округом и внутригородскими районами городского округа будут разграничены законами субъектов с учетом норм главы 8 Конституции РФ.

Редакция ст. 131 Закона о поправках закрепляет особенности организации публичной власти на территории административных центров. Отсюда возникает закономерный вопрос относительно статуса административного центра (столицы) субъекта Российской Федерации как субъекта, выполняющего «столичные» функции. На сегодняшний день их статус как муниципальных образований определен ФЗ № 131.

Согласно ЗаклЮчению Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3 положения, предполагающие включить в ч. 3 ст. 131 Конституции РФ, не могут рассматриваться как несовместимые с требованиями ст. 12 Конституции РФ, поскольку не предполагают искажения конституционной природы местного самоуправления как уровня публичной власти, наиболее приближенного к населению, умаления его самостоятельности по отношению к другим уровням публичной власти в пределах его полномочий, при том, что главы 1 и 2 Конституции РФ не определяют конкретных форм и порядка осуществления местного самоуправления, в том числе не исключают особенностей осуществления публичной власти на отдельных территориях.

Это все верно применительно к публичной власти. Но как быть с местным самоуправлением на данных территориях? Поэтому анализ норм редакций ст.ст. 131, 132 Закона о поправках позволяет нам прийти к выводу относительно того, что перечень территорий,

где будет осуществляться местное самоуправление на основе всех принципов его организации, может значительно сократиться. В результате вступления в силу Закона о поправках в Российской Федерации могут возникнуть следующие территории:

1. Муниципальные образования, в которых местное самоуправление будет осуществляться в соответствии с требованиями ст. 12 Конституции РФ и ФЗ № 131. В соответствии со ст. 10 ФЗ № 131 местное самоуправление осуществляется на всей территории Российской Федерации в городских, сельских поселениях, муниципальных районах, муниципальных и городских округах и на внутригородских территориях городов федерального значения. В городских округах в соответствии с законами субъекта Российской Федерации местное самоуправление может осуществляться также на территориях внутригородских районов. Однако внутригородские территории городов федерального значения и территории внутригородских районов административных центров (столиц) субъектов Российской Федерации в этот перечень не попадут.

2. Территории городов федерального значения, административных центров (столиц) субъектов Российской Федерации. Особенности организации местного самоуправления во внутригородских территориях городов федерального значения определены ст. 79 ФЗ № 131. Что касается внутригородских районов, то особенности организации решения вопросов местного значения и организации муниципальной власти определены соответствующими нормами ФЗ № 131. С вступлением в силу Закона о поправках на этих территориях будет организована публичная власть с учетом единства органов государственной власти и органов местного самоуправления. Однако возникают закономерные вопросы. Как будут распределены полномочия между этими уровнями публичной вла-

сти? Как в целом будет осуществляться местное самоуправление?

3. Иные территории, где также будет организована публичная власть с определенными особенностями. В соответствии со ст.ст. 80–82.5 ФЗ № 131 предусмотрены такие особые территории, где местное самоуправление осуществляется с определенными особенностями. Однако ФЗ № 131 закрепляет именно особенности организации местного самоуправления на вышеуказанных территориях. И эти особенности регламентированы ФЗ № 131, но в большей степени специальными законами о статусе таких территорий. Останутся ли в перечне территорий с особенностями организации

публичной власти все перечисленные в ФЗ № 131 территории, неизвестно. Вполне может возникнуть ситуация, что под иными могут оказаться территории, перечисленные в ст.ст. 80–82.5 ФЗ № 131, а также другие территории.

Таким образом, в результате вступления в силу Закона о поправках не должно ограничиться право на местное самоуправление, так как согласно ч. 2 ст. 3, ст. 12, чч. 1, 2 ст. 32 Конституции РФ местное самоуправление выступает обязательной на всей территории Российской Федерации формой публично-территориальной самоорганизации населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2012 г. № 32-П // Российская газета. 2012. № 303. 31 декабря.

2. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Российская газета. 2020. № 55. 16 марта.

3. Давыдова Н. Ю. Усложнение структуры и системы института конституционно-правового принуждения в сфере местного самоуправления // Адвокат. 2009. № 11. С. 85–91.

4. Чихладзе Л. Т. Административная децентрализация в свете новых тенденций развития взаимоотношений между органами государственной и муниципальной власти // Образование и право. 2016. № 3. С. 73–76.

5. Изутова О. В. Портрет российского мэра // Бюджет. 2019. № 8. С. 28–31

6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Татарина Александра Валериевича на нарушение его конституционных прав подпунктом «б» пункта 3 части 9 статьи 226 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, а также пунктом 1 части 2 и частью 2.1 статьи 36 и пунктом 4 части 1 статьи 44 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 1568-О // СПС «КонсультантПлюс».

7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Юрковского Сергея Михайловича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 1 части 2 и абзаца первого части 2.1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 28 марта 2017 г. № 663-О // СПС «КонсультантПлюс».

8. По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 51 статьи 35, частей 2 и 31 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 11 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах фор-

мирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области»: постановление Конституционного Суда РФ от 1 декабря 2015 г. № 30-П // Российская газета. 2015. № 282. 14 декабря.

9. По жалобе гражданина Ревазова Бориса Анатольевича на нарушение его конституционных прав Законом Республики Северная Осетия – Алания «О внесении изменения в Закон Республики Северная Осетия – Алания «О местном самоуправлении в Республике Северная Осетия – Алания»: определение Конституционного Суда РФ от 14 января 2003 г. № 21-О « // СПС «КонсультантПлюс».

10. Селихова О. Г. Проблемы императивного перераспределения полномочий местного самоуправления в России // Российский юридический журнал. 2017. № 5. С. 95–106.

11. По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 242 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой муниципального образования – городского округа «Город Чита»: постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2018 г. № 33-П // Российская газета. 2018. № 164. 30 июля.

12. О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации: заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-З // Российская газета. 2020. № 56. 17 марта.

© Усманова Р. М.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО. КРИМИНОЛОГИЯ.
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК [343.535+347.736]:368.183.4(470)

Ю. И. БАЗАРОВА, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России (г. Хабаровск)

J. I. BAZAROVA, Postgraduate of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Khabarovsk)

**ГАРАНТИЙНЫЕ (СТРАХОВЫЕ) ФОНДЫ КАК СРЕДСТВО
ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ
ПРАВ КРЕДИТОРОВ-РАБОТНИКОВ**

**WARRANTY (INSURANCE) FUNDS AS A MEANS OF ADDITIONAL CRIMINAL
PROTECTION OF THE RIGHTS OF CREDITORS-WORKERS**

Аннотация. Данная статья представляет собой междисциплинарный анализ существующих уголовно-правовых, криминологических и гражданско-правовых аспектов защиты прав работников при банкротстве юридических лиц. Проанализирован зарубежный опыт гражданско-правовой защиты прав кредиторов-работников в отношении способов обеспечения их социально-правовой защиты. Рассмотрены недостатки действующего отечественного законода-

тельства в указанной сфере и предложены некоторые пути устранения имеющихся проблем. В качестве меры криминологической профилактики сформулировано предложение о создании гарантийных (страховых) фондов для возмещения имущественного ущерба, причиненного работникам обанкротившегося предприятия. В целях совершенствования уголовно-правовых средств защиты прав кредиторов обоснованы предложения об изменениях в уголовном законодательстве относительно указанных фондов. Сформулирована идея учета своевременного удовлетворения должником требований работников-кредиторов за счет гарантийного (страхового) фонда в качестве обстоятельства, смягчающего уголовное наказание за совершение преступлений, предусмотренных ст.ст. 195–197 УК РФ.

Ключевые слова и словосочетания: уголовно-правовая защита, гражданско-правовая защита, права кредиторов, должник, кредитор, работник, банкротство, юридическое лицо, гарантийный (страховой) фонд, социальная справедливость.

Annotation. This article is an interdisciplinary analysis of the existing criminal law, criminological and civil law aspects of protecting the rights of workers in bankruptcy of legal entities. The foreign experience of civil-law protection of the rights of creditors-workers with respect to ways to ensure their social and legal protection is analyzed. The shortcomings of the current domestic legislation in this area are considered and some ways of eliminating the existing problems are proposed. As a measure of criminological prevention, a proposal has been formulated to create guarantee (insurance) funds to compensate for property damage caused to employees of a bankrupt enterprise. In order to improve the criminal legal remedies for the protection of creditors' rights, proposals on amendments to the criminal law regarding these funds are justified. The idea of taking into account the timely satisfaction by the debtor of the requirements of the creditor workers at the expense of the guarantee (insurance) fund as a circumstance mitigating the criminal punishment for committing crimes under Art. Art. 195–197 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords and phrases: criminal law protection, civil law protection, rights of creditors, debtor, creditor, employee, bankruptcy, legal entity, guarantee (insurance) fund, social justice.

По данным Федеральной службы государственной статистики [1], суммарная задолженность по заработной плате в Российской Федерации на 1 февраля 2020 года составляет 2 251,3 млн рублей. При этом в сравнении с 1 января 2020 года сумма задолженности увеличилась на 137,1 млн рублей. Эти данные позволяют говорить о том, что неспособность работодателя оплатить труд своих работников является актуальной и усугубляющейся проблемой для современной России. При этом крайняя точка неспособности выплатить задолженность, а именно банкротство работодателя, является наиболее критической ситуацией для работников, не получающих заработную плату. Кроме того, в очередности кредиторов, претендующих на компенсационные выплаты, одной из самых многочисленных, но в то же время уязвимых являются именно работники. Более крупные кредиторы, например,

банки, заранее учитывают возможность будущего банкротства и закладывают эти риски в процентную ставку, тем самым снижая степень ущерба, приносящегося последующим банкротством кредитуемой организации. Работники же не обладают возможностью заблаговременно подстраховаться и полностью зависят от состоятельности работодателя. Кроме того, крупные кредиторы активно контролируют деятельность предприятия, участвуют в процедурах, проводимых при банкротстве, и могут эффективно отстаивать свои интересы. В то время, как работники не обладают такой слаженностью действий и не могут на равных вести переговоры с руководством организации. Зачастую работники последними узнают об ухудшении финансового положения организации и поэтому не успевают заблаговременно подстраховаться – найти другую работу.

Актуальность изложенной проблемы обуславливает целесообразность комплексного анализа уголовно-правовых, криминологических и некоторых взаимосвязанных с ними гражданско-правовых средств обеспечения прав кредиторов-работников. Рассматриваемые правовые отношения регулируются одновременно гражданским и уголовным правом, поэтому необходим именно междисциплинарный анализ, который бы затрагивал обе правовые системы и выявлял недостатки как в гражданском, так и в уголовно-правовом обеспечении прав кредиторов.

Учитывая данные особенности этой группы кредиторов, государство не может оценивать работников как лишь одну из групп кредиторов и поэтому обязано обеспечить их права дополнительной защитой. В классическом понимании «социальная защита» – это деятельность государственных и негосударственных органов и организаций по осуществлению мер экономического, правового, организационного характера, которые направлены на предупреждение или смягчение негативных последствий для человека и его семьи при наступлении определенных социально значимых обстоятельств, в том числе социальных рисков, а также на сохранение приемлемого уровня их материального и социального благополучия [2]. Зарубежный опыт защиты прав кредиторов при банкротстве свидетельствует о распространенности двух наиболее популярных способов дополнительной защиты прав кредиторов-работников:

1) установление приоритета требований работников по оплате труда перед иными кредиторами;

2) создание гарантийных (страховых) фондов.

Следует отметить, что, исходя из предметности нашего исследования, сосредоточенного на уголовно-правовых и криминологических средствах обеспечения прав кредиторов, указанные спо-

собы рассматриваются нами в качестве средств криминологической профилактики преступлений, связанных со злоупотреблениями при банкротстве юридических и физических лиц [3]. Наиболее распространенным способом является первый из перечисленных. Этот способ применяется и в России. Однако вопреки его широкой распространенности он характеризуется и как менее эффективный.

Во-первых, предоставление приоритета защите требований одной группы кредиторов перед другими все-таки создает нежелательную диспропорцию и неравенство, ущемляя права остальных кредиторов. В случаях, когда этого можно избежать или сократить, на наш взгляд, лучше воспользоваться этой возможностью.

Во-вторых, то, что для требований работников установлен приоритет, не означает гарантированное удовлетворение их законных интересов. Зачастую организации оказываются в настолько бедственном положении, что не могут удовлетворить даже первоочередные требования.

В-третьих, процедура признания лица банкротом занимает достаточно долгое время. Если для крупных кредиторов зачастую не влечет серьезных последствий, так как они заранее учитывают риски и имеют иных кредиторов, то работники в течение процесса банкротства оказываются полностью лишены каких-либо средств к существованию. А учитывая, что нередко банкротству предшествуют длительные задержки оплаты труда, работники оказываются в ситуации, когда они по несколько месяцев подряд не имеют денежного содержания.

В-четвертых, система привилегий не означает наличие действительно высшей (абсолютной) приоритета. На этот счет китайским ученым, доктором экономических наук У. Хуайю были исследованы законодательства 42 стран, с целью выяснить, каким образом в этих

государствах обеспечивается приоритет соблюдения прав работников при банкротстве. В результате исследования им были выделены пять групп:

1) работникам предоставляется защита в виде наивысшего приоритета их требований – требования работников подлежат удовлетворению ранее, чем требования кредиторов, имеющих обеспечение долга (Чили, Колумбия, Индонезия и Мексика);

2) работникам предоставляется наивысший приоритет, но с определенными ограничениями (Чехия, Испания);

3) требования кредиторов, имеющих обеспечение долга, удовлетворяются в приоритетном порядке по отношению к требованиям работников, в свою очередь требования работников удовлетворяются в приоритетном порядке по отношению к требованиям кредиторов, имеющих «плавающее обеспечение долга» (Австралия, Бермудские острова, Англия, Гонконг, Китай, Израиль, Румыния, Шотландия, Сингапур, Словакия, Уэльс) [4];

4) требования всех кредиторов, имеющих обеспечение долга, удовлетворяются в приоритетном порядке по отношению к требованиям работников, в свою очередь требования работников удовлетворяются в приоритетном порядке по отношению к требованиям обычных кредиторов, не имеющих обеспечение долга (Австрия, Канада, Венгрия, Япония, Малайзия, Норвегия, Южная Африка, Швеция, Швейцария, Таиланд, Венесуэла, Вьетнам, США);

5) требования работников не имеют какого-либо приоритета, они удовлетворяются в одной очереди с требованиями обычных кредиторов, не имеющих обеспечение долга (Германия, Эстония) [5].

Следует отметить, что даже если работники имеют абсолютный приоритет перед иными кредиторами, они все равно имеют ограничение в первоочередности. Такие ограничения в приоритетности имеет и российское законодательство. Так, удовлетворение требований по опла-

те расходов, связанных с проведением процедуры банкротства (судебные расходы, работа арбитражного управляющего и лиц, привлекаемых им), является первоочередным. Данный порядок понятен и обоснован, ведь ситуация, в которой после удовлетворения требований работников не останется средств на оплату текущих платежей, вполне вероятна.

Ввиду описанных недостатков системы приоритетов защита прав работников посредством создания гарантийных (страховых) фондов представляется гораздо более эффективным. Данный способ позволяет устранить все описанные недостатки, не нарушая при этом ничьих интересов. Серьезным преимуществом гарантийных фондов является возможность немедленного удовлетворения интересов работников. Они больше не зависят от текущего финансового состояния организации и длительности банкротного процесса. Моментально удовлетворяя свои финансовые интересы, работники могут спокойно уходить на другую работу не создавая излишних проблем как в банкротом процессе, так и в экономике в целом. Конечно, гарантийные фонды должны финансироваться государством, что, на первый взгляд, создает излишние трудности. Однако на деле финансирование таких фондов вполне доступно даже развивающемуся государству, не говоря уже о развитой России. Законодательство множества развитых стран, таких как Бельгия, Швеция, Норвегия, Австрия, Испания и др., предусматривает существование гарантийных фондов [6]. Анализируя законодательство стран, имеющих страховые фонды для работников, можно выделить три основные пути финансирования данных фондов:

- 1) взносы работодателя;
- 2) государственный бюджет;
- 3) доходы от размещения свободных средств фонда.

Каждое государство самостоятельно определяет комбинацию путей финансирования, и сочетание всех трех пред-

ставляется наиболее оптимальным и экономически выгодным. Однако в случае, если государство все же не готово брать на себя обязанность по софинансированию гарантийных фондов, считаем целесообразным предоставить юридическую возможность предприятиям создавать такие фонды в частном порядке.

Значительным преимуществом гарантийных (страховых) фондов в борьбе с последствиями несостоятельности организаций, на наш взгляд, является и то, что планомерное и постепенное финансирование фонда в период экономической стабильности предприятия является для него более выгодным, чем вероятные последствия ликвидации в связи с несостоятельностью. Ведь в процессе конкурсного управления будет распродано все или почти все имущество компании, чтобы удовлетворить требования работников. Тогда как наличие заблаговременно подготовленного фонда позволит значительно сократить требуемую конкурсную массу ценой умеренных регулярных вложений в фонд.

Немаловажным механизмом обеспечения социальных гарантий является предоставление уголовно-правовой защиты прав работников обанкротившихся предприятий. УК РФ предусматривает уголовную ответственность за неправомерные действия при банкротстве (ст. 195), преднамеренное банкротство (ст. 196) и фиктивное банкротство (ст. 197). Если на момент подачи заявления о признании компании-должника банкротом у компании имеется задолженность перед своими работниками по выплате им заработной платы, то их правовые отношения изменяются. Отныне работники становятся кредиторами организации, и их отношения с ней регулируются не трудовым законодательством, а законодательством о банкротстве [7]. Если в ходе проведения гражданского процесса о несостоятельности выявляются признаки преступлений, предусмотренных ст.ст. 195–197

УК РФ, арбитражный управляющий составляет соответствующее заключение [8]. В таком случае после возбуждения уголовного дела о криминальном банкротстве кредиторы-работники признаются потерпевшими и получают дополнительные гарантии реализации их законных имущественных прав в виде уголовно-правовой защиты. Являясь самой многочисленной группой среди кредиторов-потерпевших, они сильно затрудняют работу органов предварительного следствия и судов. Таким образом, создание гарантийных (страховых) фондов поможет решить и эту проблему. Кроме того, представляется справедливым учитывать в качестве смягчающего обстоятельства (п. «к» ст. 61 УК РФ) тот факт, что требования работников-кредиторов были полностью и вовремя удовлетворены за счет гарантийного (страхового) фонда, финансируемого должником [1]. Это объясняется тем, что заблаговременное создание фонда и добросовестное его финансирование и управление его активами позволяет в случае дальнейшего криминального банкротства снизить общественную опасность данного преступления ввиду того, что сократятся количество потерпевших и общая сумма материального ущерба для всех его кредиторов.

Если должник не создал гарантийный (страховой) фонд для своих работников, разумно было бы удовлетворять имущественные интересы кредиторов-работников за счет соответствующего федерального фонда, а в дальнейшем взыскивать с должника затраченные средства в регрессном порядке. Такой механизм гарантирует и ускорит реализацию восстановления социальной справедливости, которая была нарушена злоумышленником, что является одной из целей уголовного наказания. Механизм возмещения ущерба, причиненного работникам обанкротившегося предприятия, за счет федерального фонда можно рассматривать как справедливое последствие недоста-

точно качественной правовой политики государства. Если преступление все же было совершено, то правоохранительные органы не могли должным образом осуществить профилактику, предупреждение и выявление данного рода преступлений. Соответственно, будет справедливо, если государство возьмет на себя обязанность оперативно удовлетворить требования кредиторов-работников, если этого не может сделать должник.

Подводя итоги всему вышесказанному, следует отметить, что современная отечественная правовая система, регулирующая общественные отношения, возникающие между работником и работодателем в случае наступления банкротства последнего, имеет ряд несовершенств. Основным недостатком рассматриваемого механизма защиты прав кредиторов при банкротстве юридических лиц является слабый уровень защищенности работников предприятий и организаций со стороны гражданского права.

Анализ отечественного и зарубежного законодательства показал, что система приоритетов в очередности удовлетворения требований кредиторов является недостаточной для всесторонней защиты прав работников. В качестве решения имеющейся проблемы представляется разумным введение гарантийных (страховых) фондов.

Наличие таких проектов законов, как «Об обязательном социальном страховании на случай утраты заработка вследствие несостоятельности (банкротства) работодателя» [9] и «О потерпевших от преступлений» [10], свидетельствует о намерении государства обеспечить потерпевших дополнительными социальными гарантиями. Однако то, что данные законопроекты до сих пор не нашли поддержки в Правительстве Российской Федерации говорит о том, что они нуждаются в дальнейшей проработке и совершенствовании.

В свою очередь создание гарантийных (страховых) фондов поможет устранить некоторые недостатки уголовно-правовой защиты прав кредиторов от преступных действий юридического лица в сфере банкротства. Существование федеральных фондов обеспечит улучшение качества восстановления социальной справедливости, а возможность создания независимых гарантийных (страховых) фондов каждой отдельной организации обеспечит их возможностью иметь шанс на смягчение уголовного наказания в случае совершения противоправных деяний. Представляется, что создание гарантийных фондов, будь то частные или государственные, послужит дополнительной криминологической превентивной мерой для защиты прав работников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/27.htm (дата обращения: 04.03.2020).
2. Миронова Т. К. К вопросу об определении понятия «социальная защита» (правовой аспект) // Трудовое право. 2008. № 3. С. 7–11.
3. Никитенко И. В. Криминологическое обеспечение миграционной безопасности Азиатской части России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ВНИИ МВД России, 2014. 46 с.
4. Теплов Н. В. Залог товаров в обороте: анализ института на примере floating charge // Вестник ВАС РФ. 2013. № 10. С. 4–15.
5. Wang H. Y. An International Comparison of Insolvency Law. URL: <https://www.oecd.org/china/38182541.pdf> (дата обращения: 29.10.2019).

6. Королев Ю. Ю. Организация и функционирование специализированных гарантийных учреждений // Стратегии и инструменты управления экономикой: материалы VII Международной научно-практической конференции. СПб., 2017. С. 29–34.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 19.02.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

8. Абашева Ф. А., Шаутаева Г. Х., Власова С. В. О некоторых проблемах возбуждения уголовных дел и доказывания преступлений, связанных с совершением неправомерных действий при банкротстве // Вестник Удмуртского университета. 2016. № 2. С. 72–75.

9. Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности. URL: <https://fedresurs.ru/news/45466f1e-9e37-4a7e-8d0f-21d2c8b5d621?attempt=1> (дата обращения: 04.03.2020).

10. Официальный сайт Российской газеты. URL: <https://rg.ru/2012/02/24/poterpevshie-site-dok.html> (дата обращения: 04.03.2020).

© Базарова Ю. И.

УДК 343.352.4(479.25):341.48

Н. Г. ГРИГОРЯН, адъюнкт Санкт-Петербургского университета МВД России (г. Санкт-Петербург)

N. G. GRIGORYAN, adjunct of Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint-Petersburg)

**ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ
ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВУ
В УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ**

**IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL ANTI-BRIBERY STANDARDS
IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF ARMENIA**

Аннотация. В статье рассматривается имплементация стандартов международных конвенций об активном и пассивном подкупе в армянском уголовном законодательстве. Автор отмечает, что на международной арене сформировался мощный антикоррупционный конвенционный механизм, который включает широкий круг проявлений коррупционного поведения. Констатируется, что Армения в основном внедрила передовой опыт международного сообщества по противодействию взяточничеству, а международные антикоррупционные стандарты активного и пассивного подкупа, которые призваны обеспечить единую уголовно-правовую политику на глобальном уровне, в основном нашли свое отражение в армянском уголовном законодательстве, и принципиальных различий между положениями по противодействию взяточничества в международных конвенциях и национальном уголовном законодательстве отсутствует. В этой связи отмечается, что противодействие коррупции в Республике Армения было взаимосвязано и обусловлено приоритетами стабильного развития страны, став одним из главных направлений деятельности правительства. В статье констатируется, что в контексте приведения национального уголовного законодательства в соответствие с международными антикоррупционными конвенциями решающим стал 2008 год, когда в УК РА были добавлены новые положения о взяточничестве.

Ключевые слова и словосочетания: взяточничество, активный подкуп, конвенция, анти-коррупционный механизм, международные стандарты.

Annotation. *The article deals with the implementation of the standards of international conventions on active and passive bribery in the Armenian criminal legislation. The author notes that a powerful anti-corruption convention mechanism has been formed in the international arena, which includes a wide range of manifestations of corrupt behavior. It is stated that Armenia has mainly implemented the best practices of the international community in combating bribery, while international anti-corruption standards of active and passive bribery, which are designed to ensure a unified criminal policy at the global level, are mainly reflected in the Armenian criminal legislation and there are no fundamental differences between the provisions on combating bribery in international conventions and national criminal legislation. It is noted that the fight against corruption in the Republic of Armenia was interconnected and linked to the priorities of the country's stable development, becoming one of the main directions of the government's activities. The article States that in the context of bringing the national criminal legislation into line with international anti-corruption conventions, 2008 was the decisive year when new provisions on bribery were added to the RA criminal code.*

Keywords and phrases: bribery, active bribery, convention, anti-corruption mechanism, international standards.

Распространение коррупционных проявлений (особенно взяточничества) во всем мире, с одной стороны, и малочисленность практических результатов эффективного противодействия – с другой, обусловили всеобщие масштабы этого явления. Однако, как справедливо отмечает Ш. С. Цагикян, «в отличие от стран с устойчивым социально-экономическим и политическим строем, в Армении, переживающей сложности переходного периода, а вдобавок длительное время оказавшейся в состоянии войны, а затем почти во всесторонней блокаде, со всеми вытекающими отсюда экономическими и морально-этическими проблемами, коррупция распространяется гораздо быстрее, и последствия её опаснее [1, с. 153]. Вместе с тем социально-экономические и политические процессы обусловили интеграцию Армении в мировое сообщество, в том числе в мировую, правовую систему.

На глобальном уровне противодействию коррупции посвящены многочисленные международно-правовые доку-

менты. Это дает основание утверждать, что в настоящее время на международной арене сформировался мощный антикоррупционный конвенционный механизм. Сказанное приобретает особое значение, если учесть, что характерной чертой современности является нарастающее влияние международных правовых актов на национальное законодательство.

Основополагающие международные уголовно-правовые документы, которые оказали влияние на формирование и развитие армянского антикоррупционного законодательства и были внедрены в национальную правовую систему – это Конвенция ООН против коррупции (UNCAC) [2], Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (UN Convention against Organized Crime) [3], Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (Criminal Law Convention on Corruption) [4] и Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (Civil Law Convention on Corruption) [5].

Начиная с декабря 2006 года, в положениях армянского уголовного законодательства, предусматривающих ответственность за взяточничество, произошли существенные изменения. Основой этих изменений послужила ст. 15 Конвенции ООН против коррупции, которая предлагает государствам-членам признать преступлением не только фактическое предоставление должностному лицу неправомерного преимущества, но и обещание или предложение такого. В то же время в случае пассивного подкупа (получение взятки) предлагается признать преступным только получение взятки, сопряженное с вымогательством, и принятие публичным должностным лицом лично или через посредника какого-либо неправомерного преимущества для самого себя или иного физического и юридического лица. Отметим, что такой подход закреплен и в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности.

Примечательно, что Конвенция ООН против коррупции, в отличие от Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию, как оконченное преступление не рассматривает требование или обещание получить или принять предложения неправомерного преимущества. Можно предположить, что эксперты, разработавшие Конвенцию ООН против коррупции, общественную опасность активного подкупа оценивают выше пассивного. Как бы то ни было, факт, что международные антикоррупционные стандарты должны быть едины, неоспорим. Следовательно, такой подход не способствует единой уголовно-правовой политике и эффективному противодействию коррупции.

Одновременно следует учитывать, что иерархия антикоррупционных стандартов при всей их множественности на международно-правовом уровне не установлена, принципиальных различий между ними нет и быть не может, однако положения международных ак-

тов имеют разную степень директивности. Если антикоррупционные стандарты Конвенции ООН при их реализации более широко учитывают специфику правовой системы государства, то такие же конвенционные стандарты Организации экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) и Европейского союза (далее – ЕС) обязывают их внедрение без всяких оговорок [6, с. 46]. Неслучайно в российской уголовно-правовой литературе отмечается, что особенностью Конвенции ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок является «мягкое» закрепление жёстких требований к её участникам [7, с. 108]. От себя добавим, что такой же подход существует и со стороны Группы государств по борьбе с коррупцией (далее – ГРЕКО) в отношении стран, ратифицировавших Конвенцию Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию и Конвенцию о гражданско-правовой ответственности за коррупцию.

Основные положения Конвенции ООН против коррупции относительно взяточничества нашли свое отражение в ст.ст. 311 «Получение взятки», 3111 «Получение незаконного вознаграждения», 3112 «Использование реального или предполагаемого влияния», 312 «Дача взятки», 3121 «Дача незаконного вознаграждения», 3122 «Использование реального или предполагаемого влияния для получения незаконного вознаграждения» и 313 «Посредничество во взяточничестве» Уголовного кодекса Республики Армения (далее – УК РА). Однако одним из самых очевидных недостатков действующего тогда ещё уголовного законодательства о взяточничестве было то, что, несмотря на положения об активном подкупе (ст.ст. 312, 3121, ч. 1 ст. 200), которые, как уже отмечали, начиная с 2006 года криминализировали не только дачу, но и обещание, и предложение неправомерного преимущества, зер-

кальные положения ст.ст. 311, 3111, 3112 и ч. 3 ст. 200 не предусматривали элементы «требования или обещания получить или принять предложения» неправомерного преимущества.

О нелогичности такого подхода говорилось и в докладе третьего этапа ГРЕКО по Армении [8]. По мнению экспертов, получение взятки, в отличие от убийства, например, считается преступлением не по последствиям, а по поведению. Следовательно, факт, что должностное лицо (общественный служащий) фактически не получил неправомерное преимущество, не должен приводить к существенной разнице. Примечательно, что, продолжая эту идею, Пояснительный доклад к Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию (абзац 41) дает следующее объяснение относительно «требования»: «Не имеет значение – следовали ли соответствующие требованиям действия или нет, поскольку само требование – сущность преступления».

Совокупность указанных обстоятельств, пожалуй, оправдывает принятие Закона ЗР-18-Н от 12 февраля 2012 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Армения» (вступил в силу 24 марта 2012 г.) в части ст.ст. 200, 311 и 3111, чем в соответствии со ст.ст. 3 и 8 Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию вместе с «получением» было криминализовано «требование или обещание получить или принять обещание денег, имущества, прав на имущество, ценных бумаг или какого-либо иного преимущества». Примечательно, что упомянутый в диспозициях ст.ст. 311–313 УК РА новый предмет взятки – «какое-либо иное преимущество» законодателем было введено в УК ещё в 2006 г. (Закон РА «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Армения» от 27 декабря 2006 г. ЗР-256) для соответствия уголовного законодательства ст. 2 Конвенции об уголовной ответственности за кор-

рупцию. Однако если в ст. 2 употребляется словосочетание «какое-либо неправомерное преимущество», то армянский законодатель по непонятным причинам использовал словосочетание «какое-либо иное преимущество».

В контексте приведения армянского уголовного законодательства в соответствие с международными антикоррупционными конвенциями решающим стал 2008 год, когда в УК РА были добавлены новые положения о взяточничестве: ст.ст. 3111 «Получение общественным служащим, не являющимся должностным лицом, незаконного вознаграждения», 3121 «Дача общественному служащему, не являющимся должностным лицом, незаконного вознаграждения» и 3112 «Использование реального или предполагаемого влияния в корыстных целях». В результате этих изменений в настоящее время УК РА содержит 9 различных положений о взяточничестве и использовании влияния в корыстных целях: 1) ст. 200 – о коммерческой взятке; 2) ст. 201 – о взяточничестве в области спорта; 3) ст. 311 – о получении взятки должностным лицом; 4) ст. 3111 – о получении незаконного вознаграждения общественным служащим; 5) ст. 3112 – об использовании реального и предполагаемого влияния в корыстных целях; 6) ст. 312 – о даче взятки должностному лицу; 7) ст. 3121 – о даче взятки общественному служащему; 8) ст. 3122 – о получении незаконного вознаграждения для использования реального и предполагаемого влияния; 9) ст. 313 – о посредничестве во взяточничестве.

«Подкуп общественных служащих» в национальном уголовном законодательстве был установлен Законом ЗР-49-Н «О внесении изменений и дополнений в УК РА» от 24 мая 2008 г. УК РА был дополнен ст.ст. 3111 и 3121, которые распространяются в отношении работников общественной сферы, не обладающих «статусом» должностного лица. Принятый 26 мая 2011 г. и вступив-

ший в силу с 1 января 2012 г. Закон РА «Об общественной службе» даёт понятие общественного служащего, четко указывая рамки применения указанных статей. Вместе с тем для соответствия субъекта взяточничества международным стандартам значительно было расширено и само понятие должностного лица. Так, в ч. 4 ст. 308 УК РА закреплено, что в ст.ст. 311, 3111, 312, 3121 и 313 должностными лицами являются также публичные должностные лица иностранного государства, международной или наднациональной организации, которые в соответствии с п. «b» ст. 2 Конвенции ООН против коррупции приравниваются к национальным должностным лицам. Примечательно, но термин «лицо» в том виде, в каком он используется в упомянутых статьях УК РА, охватывает только физические лица. Следовательно, если бенефициаром является организация, к примеру, политическая партия или общественная организация, то ответственность за её подкуп армянское уголовное законодательство не предусматривает. Однако в ст. 60 ГК РА закреплена гражданско-правовая ответственность юридических лиц за неисполнение своих обязательств. Кроме этого, юридические лица, участвующие в отмывании денег, подлежат административным мерам наказания в соответствии со ст. 28 Закона РА «О борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма».

Для реализации положения ст. 20 Конвенции ООН против коррупции Законом РА ЗР-230-Н от 23 декабря 2016 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Армения» УК РА был дополнен новой ст. 310.1 «Незаконное обогащение». Что касается взяточничества в частном секторе, в частности, ст. 200 УК РА «Коммерческая взятка», то она не ограничивается только коммерческой деятельностью субъектов, предусматривает также лиц, работающих в этой сфере, но занимающихся некоммерческой деятельностью.

Так, кроме служащих коммерческих или иных организаций, в статье должностными лицами считаются иностранные арбитры, аудиторы и адвокаты, на которых напрямую распространяются положения о взяточничестве в общественной сфере. Следовательно, действие ст. 200 УК РА в какой-то степени шире, чем требования Конвенции ООН против коррупции. На практике законодательным пробелом считался факт, что ст. 200 ограничивалась только взяточничеством служащих коммерческих или иных организаций, которые «постоянно, временно или по особым полномочиям осуществляют распорядительные или иные управленческие функции». Поскольку словосочетание «по особым полномочиям» может включить в себя лиц, которые, как правило, с компанией (или с некоммерческой организацией) не находятся в отношениях работодатель-работник, то ссылка на «осуществление распорядительных или иных управленческих функций» необоснованно ограничивала рамки применения ст. 200 УК РА, тем самым не удовлетворяла требованиям ст.ст. 7 «Активный подкуп в частном секторе» и 8 «Пассивный подкуп в частном секторе» Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию. Важность уголовно-правового регулирования этого вопроса заключалась в том, что в правоприменительной практике неоднократно встречались случаи, когда работник коммерческой организации брал взятку и совершал определенные действия, причиняя ущерб государству, но данное лицо, в связи с законодательным пробелом, невозможно было привлечь к уголовной ответственности по ст. 200 УК РА (т. е. в качестве работника коммерческой организации), так как оно не осуществляло распорядительных или иных управленческих функций. Законом РА от 2 сентября 2012 г. ЗР-18-Н «О внесении изменений и дополнений в УК РА» в ч. 5 ст. 200 УК РА определено, что субъектом взяточничества в частном секторе может быть лицо, которое не

только «постоянно, временно или по особому полномочию осуществляет распорядительные или иные управленческие функции», но и лицо, «занимающее любую другую должность в коммерческих организациях, независимо от формы собственности».

Что касается освобождения от уголовной ответственности лиц, добровольно сообщивших о преступлении, то Законом от 14 мая 2014 г. ЗР-14-Н «О внесении изменений и дополнений в УК РА» установлен трехдневный предельный срок с момента дачи взятки (ч. 5 ст. 200, ч. 4 ст. 312, ч. 4 ст. 312.1 УК РА) для предоставления властям информации с целью получения права на освобождение от уголовной ответственности, даже если имело место вымогательство взятки. При решении вопроса об уголовной ответственности лиц, совершивших взяточничество за пределами Республики Армения, возникали определенные трудности в связи с прежними положениями ст. 15 УК РА. В частности, были проблемы с соответствием ч. 1 ст. 15 УК РА пп. «а» и «б» ч. 1 ст. 17 Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию.

Так, согласно прежним редакциям граждане Республики Армения, а также постоянно проживающие в Республике Армения лица без гражданства, совершившие преступление вне пределов Республики Армения, подлежали уголовной ответственности по УК РА, если совершенное ими деяние было признано преступлением законодательством государства по месту его совершения, и если они не были осуждены в другом государстве. То есть в случае совершения взяточничества за рубежом со стороны одного из своих граждан (в том числе со стороны публичного должностного лица или члена одного из национальных представительских органов (п. «б» ч. 1 ст. 17 Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию), юрисдикция Армении неоправданно

ограничивалась, распространяясь только на случаи «двойной криминальности» (если нельзя исключать, что в каком-нибудь государстве могут не криминализировать взяточничество в частной сфере или взяточничество одной из категорий лиц, указанных в ст.ст. 9–11 Конвенции ООН против коррупции). Проблема усугублялась в случае использования влияния в корыстных целях, когда кто-то из граждан Республики Армения получал или давал неправомерное преимущество (ст.ст. 3112 и 3122 УК РА) на территории иностранной юрисдикции. Это означало, что если использование влияния в корыстных целях на территории данного государства не криминализировалось, то этот поступок оставался безнаказанным, даже если влияние проявилось ненадлежащим образом на территории Республики Армения.

Следует также отметить, что юрисдикция Армении в отношении преступлений, совершенных иностранными гражданами за рубежом, в которое было вовлечено должностное лицо Республики Армения, ограничивалась тяжкими и особо тяжкими преступлениями, которые были направлены против интересов Республики Армения или прав и свобод её граждан (п. 2 ч. 3 ст. 15 УК РА). Вместе с тем большая часть преступлений, связанных с взяточничеством и использованием влияния в корыстных целях, предусмотренных в армянском уголовном законодательстве, в силу санкции не могла считаться тяжкими или особо тяжкими преступлениями. Исходя из вышесказанного, Законом РА от 12 сентября 2012 г. ЗР-18-Н из ст. 15 УК РА было отменено требование «двойной криминальности», а санкции статей, предусматривающих ответственность за активный и пассивный подкуп, были ужесточены. При нынешних нормах лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за совершение в какой-либо другой стране преступления, предусмотренного ст.ст. 200–201, 311–313 УК РА, независимо от

того, считаются ли эти деяния уголовно наказуемыми в других странах или нет.

Исходя из вышесказанного, констатируем, что для соответствия с положениями международных антикоррупционных конвенций, предусматривающих ответственность за активный и пассивный подкуп, в армянском уголовном законодательстве были сделаны следующие изменения:

1) в УК РА добавлены новые положения о взяточничестве (подкуп общественных служащих и торговля влиянием);

2) момент окончания дачи (получения) взятки перенесён на более раннюю стадию. Теперь составы этих преступлений считаются оконченными не только фактическим предоставлением или получением неправомерного преимущества, но и с момента обещания или предложения – в положениях активного подкупа, и с момента требования или обещания получить или принять предложение – в положениях пассивного подкупа;

3) расширилось понятие предмета взяточничества, который теперь включает не только деньги, имущество, права на имущество, но и какое-либо иное преимущество, в том числе нематериальное;

4) из ст. 15 УК РА исключено требование «двойной криминализации», а санкции за активный и пассивный подкуп ужесточены;

5) расширен круг субъектов, подлежащих уголовной ответственности за взяточничество в общественной и частной сферах;

6) трёхдневным сроком ограничена возможность добровольного сообщения о даче взятки (незаконного вознаграждения), даже если имело место вымогательство взятки.

Подводя итог сказанному, отметим, что Республика Армения в основном внедрила передовой опыт международного сообщества по противодействию взяточничества. Международные стандарты активного и пассивного подкупа, которые призваны обеспечить единую уголовно-правовую политику на глобальном уровне, нашли свое полное отражение в армянском уголовном законодательстве, и между положениями международных конвенций и национальным уголовным законодательством, за исключением положений об уголовной ответственности юридических лиц, нет принципиальных различий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цагикян Ш. С. Противодействие коррупции в Армении. СПб.: Антарес, 2006. 296 с.
2. Конвенция против коррупции от 31 октября 2003 г. // СПС «КонсультантПлюс».
3. Конвенция против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. // СПС «КонсультантПлюс».
4. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. // СПС «КонсультантПлюс».
5. Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию от 4 ноября 1999 г. // СПС «КонсультантПлюс».
6. Семин Ю. Ю., Плохов С. В. Имплементация международных норм – процесс сложный // Прокурор. 2015. № 1. С. 45–50.
7. Федоров А. В. Антикоррупционная конвенция ОЭСР как часть правовой системы Российской Федерации: уголовно-правовой и уголовно-политический аспекты // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2013. № 4. С. 99–126.

8. Официальный сайт ГРЕКО. Доклад третьего этапа ГРЕКО по Армении за 2018 г. URL: <https://www.coe.int/en/web/greco/evaluations/armenia> (дата обращения: 15.12.2019).

© Григорян Н. Г.

УДК 343.23:343.150.1(470)

О. В. ЕРМАКОВА, доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Барнаул)

O. V. ERMAKOVA, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor (Barnaul)

**ИЗМЕНЕНИЕ СУДОМ КАТЕГОРИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ:
СУЩНОСТЬ ПРАВОМОЧИЯ И ОБОСНОВАННОСТЬ ЕГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ
В СВЕТЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ**

**CHANGE IN THE CATEGORY OF CRIME BY THE COURT: THE ESSENCE
OF COMPETENCE AND THE VALIDITY OF ITS CONSOLIDATION
IN THE LIGHT OF THE EXISTENCE OF THE CONCEPT OF PUBLIC DANGER**

Аннотация. В представленной статье автор анализирует правомочие суда изменять категорию преступления на менее тяжкую. Принимая во внимание, что в научной литературе актуальным выступает вопрос обоснованности наделения суда таким полномочием, автор высказывает собственную позицию, основанную на понятии общественной опасности преступления. Именно поэтому в статье основное внимание уделяется обоснованности существования данного законодательного предписания в свете существования концепции общественной опасности преступления. Рассматривая условия реализации положений ч. 6 ст. 15 УК РФ, автором указывается на их абстрактную формулировку. В частности, критике подвергаются такие условия, как учет фактических обстоятельств совершенного преступления, степени общественной опасности. Автором предлагается конкретизировать условия применения полномочия по изменению категории преступления в рамках уголовного закона.

Ключевые слова и словосочетания: преступление, категории преступления, общественная опасность, изменение категории преступления, сущность правомочия.

Annotation. In the presented article, the author analyzes the power of the court to change the category of crime to a less serious one. Taking into account that in the scientific literature the issue of the validity of empowering the court with such authority is urgent, the author expresses his own position based on the concept of the social danger of crime. That is why the article focuses on the validity of the existence of this legislative requirement in the light of the concept of the social danger of crime. Considering the conditions for the implementation of

the provisions of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code, the author indicates their abstract wording. In particular, conditions such as consideration of the actual circumstances of the crime committed and the degree of public danger are criticized. The author proposes to specify the conditions for the application of the power to change the category of a crime under the criminal law.

Keywords and phrases: *crime, crime categories, social danger, crime category change, the essence of eligibility.*

Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ УК РФ был дополнен новым правомочием суда на изменение категории преступления (ч. 6 ст. 15). Подобная трансформация закона получила неоднозначную оценку в научном сообществе. В частности, учеными указываются следующие негативные моменты введения ч. 6 ст. 15 УК РФ:

1. Наделение суда такими полномочиями противоречит Конституции РФ, поскольку суд – это орган правосудия [1, с. 36].

2. Большинство уголовных законов зарубежных государств не содержат такого правомочия.

3. Наличие ч. 6 ст. 15 УК РФ предоставляет суду простор для произвола и внедряет в судебную практику широкое судебское усмотрение [2, с. 39].

В более выгодном положении оказались лица, совершившие тяжкие и особо тяжкие преступления [3, с. 65], к которым в результате изменения категории могут быть применены многие виды освобождения от уголовной ответственности и наказания. При этом отдельными авторами были высказаны позитивные суждения. Например, А. Епихин полагает, что возможности ч. 6 ст. 15 УК РФ способствуют снижению количества отбывающих наказание в виде лишения свободы заключенных и иных осужденных по приговору суда [4, с. 106]. По нашему мнению, в уголовном законе предусмотрено достаточно большое количество видов освобождения от уголовной ответственности и наказания, позволяющих экономить меры уголовной репрессии, в связи с чем подобный довод видится достаточно спор-

ным. Вместе с тем обоснованность существования в рамках уголовного закона ч. 6 ст. 15 УК РФ должна, в первую очередь, соотноситься с центральным институтом преступления – понятием общественной опасности, поскольку согласно ч. 1 ст. 15 УК РФ все категории выделены именно по основанию характера и степени общественной опасности преступления.

Общественная опасность – есть показатель вредоносности деяния, способность причинить определенный вред (отдельными учеными добавляется указание на значительный вред) либо создать его угрозу [5, с. 27]. При этом следует различать общественную опасность каждого деяния как акта поведения человека и типовую общественную опасность группы деяний. Оценка общественной опасности преступления определенного вида устанавливается законодателем исходя совокупного анализа определенной группы преступных деяний, подлежащей криминализации. Такая общественная опасность может изменяться только путем внесения корректив в уголовный закон исключительно законодателем. Данный процесс отличается сложностью и требует проведения криминологических исследований, направленных на измерение вредоносности преступлений одного вида и его изменение в тот или иной период времени. В ряде случаев решение об изменении общественной опасности преступления приводит к переводу таких деяний в разряд административных правонарушений (к примеру, такая ситуация имела место с оскорблением).

Общественная опасность конкретно совершенного деяния индивидуаль-

на, поскольку в общественной жизни не встречается полностью одинаковых преступлений. Именно индивидуальную общественную опасность надлежит оценивать суду при назначении наказания (ч. 3 ст. 60 УК РФ), применении более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (ст. 64 УК РФ), и т. д. Особенности такой общественной опасности отдельно взятого деяния и положены в основу правомочия суда на изменение категории преступления. Иначе говоря, суд при применении ч. 6 ст. 15 УК РФ меняет не общественную опасность преступления в целом, а понижает ее в конкретном случае.

Несмотря на показанную разницу между общественной опасностью преступления как вида и конкретно совершаемого деяния, полагаем, что существование подобного правомочия существенно изменяет сложившийся в теории уголовного права подход к определению данного института, расширяя границы судебского усмотрения и допуская вмешательство в установленные законодателем показатели общественной опасности, установленные в санкциях Особенной части УК РФ. Учитывая наличие в современном уголовном законе широкого арсенала средств индивидуализации наказания, возможностей освобождения от него и замены, полагаем существование ч. 6 ст. 15 УК РФ излишне. Однако Верховный Суд РФ планирует широкое распространение возможностей изменения категории преступления, что прямо обозначено в постановлении Пленума от 15.05.2018 № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 УК РФ» (далее – постановление № 10). В частности, высший судебный орган разъяснил судам необходимость рассматривать вопрос об изменении категории преступления по каждому уголовному делу (п. 1).

На сегодняшний день указанное требование получило лишь формальное закрепление. Как показывает анализ су-

дебной практики, большого распространения данное положение не получило. К тому же в судебных решениях игнорируются обозначенные требования постановления Пленума Верховного Суда РФ проверять возможность изменения категории в конкретном случае. А в тех единичных решениях, которые имеют место, не приведены надлежащие мотивы о наличии оснований для изменения категории преступления. В результате чего такие приговоры обжалуются стороной защиты. К примеру, определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 05.10.2016 № 18-УД16-59 изменен приговор Выселковского суда Краснодарского края, поскольку суд не обсудил в приговоре вопрос о возможности применения положений ч. 6 ст. 15 УК РФ и не мотивировал свое решение [6].

Полагаем, существующие в судебной практике проблемы реализации ч. 6 ст. 15 УК РФ связаны со сложностями толкования уголовного закона, поскольку условия изменения категории преступления изложены законодателем достаточно поверхностно. Исходя из предписания закона, суд вправе изменить категорию при наличии совокупности следующих обстоятельств. Во-первых, следует учитывать фактические обстоятельства преступления. Понятие данных обстоятельств отсутствует как в УК РФ, так и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ. Хотя в постановлении в п. 2 приводится примерный перечень таких обстоятельств (например, способ совершения преступления, вид умысла или неосторожности, наступившие последствия, мотив, цель, роль лица и т. д.).

В научной литературе к таким фактическим обстоятельствам предлагается относить объективные и субъективные признаки деяния (например, второстепенная роль лица как соучастника преступления, виктимное (провоцирующее) поведение потерпевшего и т. д.) [7, с. 99–101]. При этом анализ судебной

практики показывает, что суды в большинстве приговоров вообще приводят общую формулировку о том, что учтены фактические обстоятельства, и не конкретизируют, какие именно. Очевидна схожесть таких обстоятельств со смягчающими. Однако неверно отождествлять фактические и смягчающие обстоятельства, поскольку последние могут относиться к характеристике личности виновного, а не самого деяния. Поэтому полагаем, что помимо фактических обстоятельств суду необходимо учитывать смягчающие обстоятельства, представленные как в единичном варианте, так и в совокупности. Следует иметь в виду, что если смягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве признака преступления, оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания. Полагаем, что фактические обстоятельства совершенного преступления, предоставляющие суду право на изменение категории преступления, невозможно анализировать изолированно от такой категории, как общественная опасность. Иначе говоря, это должны быть такие факты, которые уменьшают общественную опасность деяния либо лица, его совершившего.

Во-вторых, необходимо принять к сведению учет степени общественной опасности преступления. На совокупный учет фактических обстоятельств и степени общественной опасности обращает внимание и постановление Пленума Верховного Суда РФ (п. 2). В этой части возникает вопрос: «Почему не следует оценивать характер общественной опасности преступления, а лишь ее степень?». Полагаем, что характер общественной опасности, проявляющийся в ценности охраняемых общественных отношений, на которые посягает преступление, влияет и учитывается законодателем при установлении типовой общественной опасности. Индивидуальная же общественная опасность по характеру не

варьируется (например, любое убийство посягает на общественные отношения, охраняющие жизнь человека). Степень общественной опасности – критерий, изменяемый в зависимости от конкретно совершаемого преступления. Он проявляется в целой массе особенностей совершения деяния: наличие средств либо орудия, способ, наступившие последствия, разновидности вины, наличие соучастия в преступлении и т. д. Еще одним требованием, принимаемым во внимание при изменении категории преступления, выступает отсутствие отягчающих обстоятельств. Как показывает анализ судебной практики, чаще всего препятствует изменению категории преступления наличие рецидива.

Наконец, назначенное судом наказание должно не превышать тех пределов, которые закреплены в законе. Из всех обозначенных требований именно это наиболее четко сформулировано и понятно правоприменителю. Его наличие свидетельствует о том, что вопрос об изменении категории преступления решается судом *только после назначения наказания* (выделено автором – О.Е.). В этой части выглядят удивительными разъяснения, предложенные Верховным Судом РФ в п. 1 постановления № 10, касающиеся возможных правовых последствий изменения категории преступления. Так, судом указано на возможность после применения ч. 6 ст. 15 УК РФ освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим, истечением сроков давности (ст.ст. 75–78 УК РФ).

Полагаем, что данные разъяснения противоречат институту освобождения от уголовной ответственности, возможность применения которого ограничена моментом удаления суда в совещательную комнату и производится только до назначения наказания. В связи с изложенным считаем недопустимым применение положений ст.ст. 75–78 УК РФ после изменения категории преступления

на менее тяжкую. Нельзя согласиться с предложенным в постановлении № 10 Верховного Суда РФ правом одновременного применения ст. 64 и ч. 6 ст. 15 УК РФ (п. 8). Это объясняется тем обстоятельством, что, применяя ст. 64 УК РФ, суд уже учел исключительные обстоятельства и назначил наказание более мягкое, чем предусмотрено за данное преступление. Повторный же учет этих обстоятельств для применения ч. 6 ст. 15 УК РФ приведет к двойному смягчению, что противоречит принципам уголовного закона.

Суды зачастую смешивают изменение категории и квалификации деяния. Так, приговором суда Ш. признан виновным в совершении присвоения и растраты, а его действия квалифицированы по ч. 3 ст. 160 УК РФ. При этом суд изменил категорию преступления, переквалифицировав действия виновного на ч. 2 ст. 160 УК РФ [8]. Разнопорядковый характер указанных понятий проявляется в том, что изменение квалификации преступления имеет место в том случае, когда совершенное деяние соответствует признакам иного состава преступления. Принятое решение относительно квалификации не связано с необходимостью рассмотрения вопроса об изменении категории преступления. Существующие проблемы толкования законодательного предписания приводят к

неэффективности данной нормы в правоприменительной деятельности. По нашему мнению, решение суда об изменении категории преступления должно основываться на совокупности всех перечисленных требований.

В заключение отметим, что, применяя положения ч. 6 ст. 15 УК РФ, следует учитывать, что изменение категории преступления влечет весьма значимые юридические последствия, следовательно, предоставленное судам правомочие необходимо конкретизировать в законе путем указания на соответствующие основания и условия. Также по некоторым видам преступлений (убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, преступления террористической направленности, тяжкие и особо тяжкие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств) положение, закрепленное в ч. 6 ст. 15 УК РФ, применению не должно подлежать. Данное правило также следует отразить в ч. 6 ст. 15 УК РФ. В остальных случаях решение суда по вопросу изменения категории преступления должно приниматься в виде исключения в результате анализа всех фактических обстоятельств совершения деяния и их влияния на общественную опасность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малков В. Право суда на изменение категории преступления // *Законность*. 2013. № 11. С. 36–39.
2. Хайдаров А. А. Право суда изменять категорию преступления на менее тяжкую // *Законность*. 2015. № 2. С. 38–42.
3. Устинова Т. Д. Общественная опасность и ее влияние (учет) при конструировании норм общей части УК РФ // *Lexrussica*. 2015. № 3. С. 63–72.
4. Епихин А. Ю. Расширение полномочий суда на понижение категории преступления: уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспекты // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2012. № 2. С. 105–108.
5. Марцев А. И. Вопросы совершенствования норм о преступлении // *Советское государство и право*. 1988. № 11. С. 85–88.
6. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 05.10.2016 № 18-УД16-59. URL: <https://legalacts.ru> (дата обращения: 04.03.2020).

7. Никулин С. И. Вопросы применения ч. 6 ст. 15 УК РФ // Уголовное право. 2012. № 5. С. 99–101.

8. Приговор № 22-5294/2018 от 23.07.2018. Свердловский областной суд. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 23.04.2020).

© Ермакова О. В.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 351.74.073(470)«1917/2020»

А. А. БЕЖЕНЦЕВ, начальник кафедры административной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург)

A. A. BEZHENTSEV, Head of the Chair of the Administrative Activity of the Internal Affairs Bodies of Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor (Saint-Petersburg)

И. А. ШЕВЧЕНКО, преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России (г. Санкт-Петербург)

I. A. SHEVCHENKO, Instructor of the Chair of the Administrative Activity of the Internal Affairs Bodies of the Internal Affairs of Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (St. Petersburg)

**ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ СЛУЖЕБНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО
ПОРЯДКА: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ОПЫТ И ЕГО СОВРЕМЕННОЕ
ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ**

**LEGAL CHARACTERISTICS OF ENSURING OF THE OFFICIAL ACTIVITY OF
EMPLOYEES OF PUBLIC ORDER PROTECTION BODIES: RETROSPECTIVE
EXPERIENCE AND ITS MODERN PRACTICAL APPLICATION**

Аннотация. Авторами в хронологической последовательности исследуется исторический опыт обеспечения профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел на территории нашего отечества с 1917 года по настоящее время. Сделаны выводы о том, что

служебная деятельность органов внутренних дел объективно определена нуждами социума и государства в обеспечении охраны общественного порядка и противодействия преступности. Как подтверждает ретроспективный анализ, данные задачи органы охраны правопорядка довольно эффективно реализовывали при довольно небольшом количестве личного состава и весьма небольших материальных ресурсах. Эксперименты по финансированию подразделений и служб органов охраны общественного порядка в годы советской власти доказывают о невозможности обеспечить необходимое качество служебной деятельности сотрудников единственно за счет финансовых и материальных ресурсов местных органов власти. Только финансирование из государственного бюджета способствует укреплению материальной базы органов внутренних дел и позволяет улучшать качественный состав кадров.

Ключевые слова и словосочетания: служебная деятельность, охрана общественного порядка, ресурсное обеспечение, материальное снабжение, финансовое обеспечение, льготы, социально-правовая защита.

Annotation. The authors in chronological order examine the historical experience of ensuring the professional activity of the officers of the internal affairs bodies on the territory of our fatherland since 1917 to the present time. It is concluded that official activities of the internal affairs bodies were objectively determined by the needs of society and the state in ensuring protection of public order and combating crime. As the retrospective analysis confirms, these tasks were effectively implemented by the law enforcement agencies with rather small number of personnel and very small material resources. Experiments on the financing of subdivisions and services of public order bodies during the years of the Soviet government prove that it is impossible to ensure the necessary quality of service activity of employees solely at the expense of the financial and material resources of local authorities. Only financing from the state budget contributes to strengthening the material base of the internal affairs bodies and improvement of the qualitative composition of the staff.

Keywords and phrases: service activities, public order bodies, resource provision, material supplies, financial support, benefits for employees of internal affairs agencies, social and legal protection of employees of internal affairs agencies.

Процесс управления обеспечением служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел невозможно рассматривать без изучения отечественного исторического опыта обеспечения профессиональной деятельности правоохранительных учреждений и их сотрудников. Деятельность по охране личности и общества, собственности определилась еще в далекой древности. Со временем была создана система специализированных государственных органов, которые и занимались практической реализацией этой функции. В последнее время проблематика обеспечения служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел широко исследуется современными учеными [1–7], однако ретроспективный опыт нашей державы и возможности его современного использования в Российской Федерации изучены недостаточно.

После Февральской революции 1917 года опыт всех буржуазных революций выдвинул идею о необходимости всеобщего вооружения народа – замены постоянной армии, полиции и жандармерии всенародной милицией – для захвата и удержания в своих руках политической власти. Эта идея стала реализовываться вначале стихийно, а затем осознанно в первые дни февральского восстания в Петрограде. Отряды рабочих и студентов брали оружие у солдат воинских частей столичного гарнизона, которые переходили на сторону восставших, а затем с их же помощью разгромили несколько оружейных складов и полицейских участков. Они и стали основой зарождающейся народной милиции. В первые дни революции все в милиции было основано на благотворительности и добровольчестве, оружие получалось от населения. Во временном штабе, а затем в Управле-

нии городской милиции более месяца на добровольной основе работали гимназисты, выполняя различные канцелярские поручения, а иногда несли и постовую службу.

Декларация Временного правительства от 3 марта, где фиксировалась «замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненной органам местного самоуправления», во многом предначертала дальнейшее устройство и деятельность как Петроградской милиции, так и всей народной милиции России. 11 марта Временное правительство своим постановлением упразднило царский Департамент полиции и учредило Временное Управление по делам общественной полиции, переименованное затем (15 июня 1917 г.) в Главное Управление по делам милиции (Главмил). 14 марта вышло Постановление «Об учреждении милиции», в котором был учтен опыт как старой полиции, так и Петроградской городской милиции. Кроме того, в нем заключалось детальное «Временное положение о милиции», в соответствии с которым на всей территории России царская полиция постепенно заменялась народной милицией. Она формировалась на базисе вольного найма и выборности руководящего состава. Функции общего управления городской милицией сконцентрировались у городского головы, а напрямую осуществлял руководство ее повседневной работой подчиненный городскому голове начальник милиции, который избирался на 3 года. В губерниях и уездах службы подразделений по охране общественного порядка и противодействия преступности подчинялись губернским и уездным комиссарам, ее начальники избирались в том же порядке, что и в городе.

В первую очередь милиции вменялись обязанности по охране общественного порядка, гражданских свобод, содействия органам власти. Помимо этого, она должна была оказывать содействие военным и судебным органам. Там, где

возникала рабочая милиция, ею иногда руководили Советы рабочих депутатов. Финансировалась милиция из городских бюджетов, а рабочая милиция – за счет фабрик и заводов, где она создавалась.

В Петрограде в июле 1917 году было учреждено Управление уголовного розыска, которое было в подчинении прокурора окружного суда и подконтрольное прокурору судебной палаты. Становление подразделений уголовного розыска и дознания осуществлялось в рамках систем общего суда и местного самоуправления для увеличения за ними контроля ответственности и представительных органов.

В целом организация народной милиции в России носила прогрессивный характер. Она закрепила демократические завоевания революции, заложила основы организации Советской милиции. Но милиция не стала надежной опорой Временному правительству. Это произошло в силу ряда причин: состав ее был весьма разнообразный (рабочие, мелкие чиновники, студенты), личный состав был не обучен, командиры выбирались, дисциплина была весьма слабой. В крупных рабочих центрах, где Советы находились под влиянием большевиков, милиционеры вообще не выполняли распоряжений Временного правительства. Кроме того, в сложных условиях резкого обострения ситуации в стране в конце лета – начале осени 1917 года массовый террор и невысокая заработная плата, которую получали милиционеры, привели к чрезвычайному обострению кадровой ситуации, из рядов милиции происходило дезертирство.

Таким образом, в чрезвычайных условиях 1917 – начале 1918 года народная милиция оказалась неспособной выполнять возложенные на нее задачи. Кроме народной милиции, функции охраны общественного порядка вменялись и военной милиции, которая в ряде случаев пыталась прекратить массовые нарушения общественного порядка, защищать личные и имущественные права

граждан, но она тоже представляла собой формирование, которое не в полном объеме решало поставленные задачи. В южных регионах России еще одним формированием, призванным выполнять функции охраны общественного порядка, было Вольное Казачество, созданное на помощь народной милиции, которое можно было охарактеризовать как милиционно-военную или народно-военную организацию. В 1917 – начале 1918 года органы общественного порядка не были постоянными, находились на этапе своего формирования, не выполняли и не могли эффективно выполнять свои функции по ряду причин, среди которых основными можно определить, что органы охраны общественного порядка требовали прежде всего:

- централизованного управления;
- стабильного финансирования;
- взвешенной кадровой политики,

которая включала бы подготовку сотрудников милиции, способных профессионально выполнять свои обязанности и исключала бы возможность проникновения на службу в органы внутренних дел уголовного элемента;

- координации действий между органами муниципальной милиции и милиции, подчиненной центральным органам власти;

- четкой программы, направленной на обеспечение поддержки мероприятий милиции широким слоями населения.

Несмотря на большое количество органов охраны правопорядка в РСФСР в период становления советской власти (милицейские формирования, подчиненные исключительно местной администрации; особые армейские подразделения; добровольные дружины), численность их была незначительной, а организация несовершенной. Поставленные правительством большевиков задачи по обеспечению закона и общественного покоя, нормальной жизнедеятельности трудящихся так до конца и не были выполнены. Беспорядки продолжа-

лись, сотрудники органов охраны порядка нередко сами становились объектами народного гнева и самосуда.

В конце 1918 года идеи большевиков о всеобщем вооружении народа понемногу переходят к идее образования кадровой Советской Рабоче-крестьянской милиции. Для этого НКВД РСФСР и НКЮ РСФСР в октябре 1918 года по приказу Совнаркома издали Инструкцию по организации Советской Рабоче-крестьянской милиции, зафиксировавшую важнейшие принципы ее организации и деятельности. Комплектование милиции, как и в армии, осуществлялось по классовому принципу. Не могли проходить службу в милиции лица, ранее служившие в царской полиции, жандармерии или совершившие преступление. Главными задачами милиции были охрана революционного порядка и обеспечение соблюдения закона всеми гражданами. Милиция осуществляла дознание по уголовным делам, могла реализовывать для этого некоторые процессуальные действия, исполняла задания судебных и следственных органов, приводила в исполнение приговоры.

Уголовный розыск молодого советского государства, созданный в начале 1918 года, был передан из НКЮ РСФСР в ведение милиции. Сама милиция строилась по принципу двойного подчинения. С одной стороны, она подчинялась Главному управлению милиции в составе НКВД РСФСР, с другой – губернским и уездным управлениям при местных исполкомах Советов.

В условиях общей рутины милиция постоянно испытывала трудности с материальным и материально-техническим снабжением. Заработную плату сотрудникам милиции местами не выплачивали по 5–6, а бывало и по 9 месяцев, паек давали небольшой, исключительно по тыловой норме, а иногда и не полностью. Так как у милицейских подразделений не было поставляющих (тыловых) подразделений, милиция одной из последних

военизированных формирований получала денежные средства, фураж, обмундирование, огнестрельное оружие и боеприпасы. Конечно, при таких условиях не все трудящиеся хотели проходить службу в службах и подразделениях милиции, поэтому пришлось открыть доступ в милицию всем желающим и прибегать к принудительным призывам, но и подобные мероприятия в полной мере не решили проблему нехватки высококвалифицированных кадров.

Итак, революционные события 1917 года, а затем гражданская война 1918–1921 гг. практически уничтожили социальную политику государства,

сформированную в Российской империи относительно полиции и жандармерии. Как констатировал журнал «Власть Советов»: «Исследование показало, что полураздетый, недовооруженный и необученный милиционер оказался беспорядочным и, в конечном счете, деморализованным, аппараты уголовного розыска обследованных частей оказались малопродуктивными в работе, а иногда близкими к состоянию полного развала» [8, с. 49]. Материальное обеспечение работников милиции было крайне неблагополучным. Об этом могут свидетельствовать приведенные табличные данные из газеты «Известия Моссовета» [9, с. 3].

Заработная плата милиционера за 1922 год
по сравнению с другими категориями населения

Группы занятого населения	Средняя зарплата в год, руб.	Средняя зарплата в год в % относительно зарплаты милиционера
Младший милиционер	103,2	100
Рабочий-текстильщик	137,04	132,8
Печатник	161,16	156,2
Химик	180,2	174,6
Металлист	205,2	198,8
Пищевик	278,4	270

В 20-е годы происходит частичный перевод милиции на местный бюджет и, как следствие, сокращение ее штатов из-за нехватки средств, что, разумеется, негативно влияло на эффективность деятельности органов внутренних дел. В некоторых регионах страны численность милиционеров в 1922–1927 гг. в результате ограниченности местных бюджетов в финансовых и материально-технических ресурсах сократилась почти вдвое. Штаты милиции РСФСР были весьма немногочисленными по сравнению со штатами царской полиции и жандармерии, полиции некоторых западноевропейских стран. По мини-

мальным штатам полиции в соответствии с законопроектом «О преобразовании полиции в Империи», внесенным в 1914 году МВД Российской империи в Государственную Думу, полагалось иметь в городах на 400–500 жителей одного городского, а в сельской местности на 2 500 человек населения – одного полицейского стражника. В милиции РСФСР, по данным на 1 июля 1925 г., в городах один милиционер приходился на 735 человек населения, в селе один милиционер – на 5 625 человек населения [10, с. 53].

В первой половине 1926 года был проведен «просмотр» всего личного состава

милиции и розыска сотрудников органов внутренних дел, что было вызвано участвовавшимися случаями проявлений преступности среди сотрудников. Аттестационные мероприятия осуществлялись достаточно тщательно и строго, но они не привели к серьезным положительным результатам. Благодаря проведенному отбору качественный состав сотрудников милиции незначительно улучшился, однако текучесть кадров вследствие низкой оплаты труда была еще достаточно велика. Ввиду этого Правительство принимает меры по улучшению материального положения милиционеров. Например, на работников милиции и их семьи начали распространяться льготы в области землепользования, сельского хозяйства, народного образования, а также жилищные, в области. Обеспечение милиционеров обмундированием в 1926 году возрастает до 90 % в противовес 40 % в 1922 году, заработная плата за 1925 год вырастает на 13 % [11, с. 5–6].

Следующим шагом в направлении улучшения обеспечения служебной деятельности сотрудников органов охраны общественного порядка были определенные гарантии оплаты сверхурочных работ и работ в дни праздников и отдыха, по компенсационным выплатам сотрудникам милиции при переводе, по оплате во время пребывания в командировках, устанавливаются дополнительные меры материального поощрения.

Событием большого значения в жизни милиции было принятие 25 мая 1931 г. СНК СССР общесоюзного Положения о рабоче-крестьянской милиции, в связи с чем были отменены республиканские положения о милиции. Новое Положение регламентировало все направления служебной деятельности милиции: организационное построение, обязанности и права, прохождение службы (в этом разделе особое внимание уделялось заработной плате, размеру процентных надбавок к зарплате за выслугу лет, запрету заниматься совместительством, кроме

указанных в Положении случаев). Отдельный раздел был посвящен обеспечению и льготам для сотрудников милиции и членам их семей [12].

По новому Положению, что особенно важно отметить, впервые сотрудники органов охраны общественного порядка высшего, старшего, среднего и младшего начальствующего состава и члены их семей приравнивались по обеспечению и льготам к лицам высшего, старшего, среднего и младшего начальствующего состава сверхсрочной службы Красной Армии и членам их семей. Отдельно говорилось о назначении пенсий и обязательном страховании милиционеров.

Как отмечает А. Я. Малыгин, попытки руководства СССР переложить бремя материального обеспечения милиции на плечи местных органов власти не дали ожидаемых результатов. В августе 1931 года руководитель НКВД СССР Г. Г. Ягода в одном из своих выступлений отмечал, что «хотя в 1931 году заработная плата рядового состава милиции поднята с 39–40 рублей в месяц до 70–80 рублей в месяц, все же она очень отстает от средней зарплаты рабочего, пайками обеспечивается только 45,5 % от общего состава, а более 50 % его не получают». Низкая ресурсная обеспеченность милиции, неурегулированность вопросов финансового состояния сотрудников охраны общественного порядка негативно сказывались также в отношении тех, кто оканчивал созданные советской властью учебные заведения в системе НКВД СССР. Так, в 1939 году с 1 015 человек, окончивших по пяти краям и областям Советского Союза милицейские школы и курсы, в органах остались служить только 126, то есть 12,4 %. Остальные покинули ряды органов охраны общественного порядка.

В послевоенный период в работе с личным составом милиции, как и раньше, наиболее актуальными оставались вопросы комплектования кадров, профессиональной подготовки, материаль-

но-финансового положения. В конце 40-х годов с целью стабилизации положения в милиции увеличивается срок обязательного прохождения службы при поступлении на службу в милицию до трех лет, становится более жесткой дисциплинарная практика. Заработная плата сотрудников милиции на неруководящих должностях оставалась на невысоком уровне, поэтому с целью небольшого увеличения заработной платы властям приходилось искусственно завышать должностные категории (вместо административных участков участковых инспекторов создаются «карликовые» отделы милиции по 2–3, 4–5 штатных единиц). Низким остается и качественный уровень общеобразовательной и специальной подготовки сотрудников органов внутренних дел: к началу 50-х годов только 9,8 % руководящих сотрудников органов охраны общественного порядка имели высшее образование, 6,2 % – незаконченное высшее, каждый третий – начальное среднее образование [10, с. 11–12].

В конце 50-х годов государство начало уделять соответствующее внимание профессиональной подготовке сотрудников милиции, что, конечно, положительно повлияло на обеспечение их служебной деятельности и эффективность противодействия преступности. В 1959 году в системе МВД СССР действовали 38 учебных заведений, где ежегодно готовилось для органов внутренних дел 2 500 специалистов. Еще 1 500 специалистов поступало в органы внутренних дел по межведомственным распределениям. Была утверждена Присяга советской милиции и учреждены Красные знамена. Одновременно был установлен ежегодный праздник – День советской милиции – 10 ноября.

В первой половине 60-х годов решения кадровых вопросов органов внутренних дел особенно обострились из-за известных утверждений о грядущем в скором будущем полном «торжестве коммунизма», где неизбежно произойдет

коренное уничтожение преступности. Это предвещало в перспективе полное упразднение органов внутренних дел.

В 70-е годы социальная политика в отношении милиции стала носить более предметный характер: сделаны шаги по повышению заработной платы сотрудникам органов внутренних дел, развивается сеть ведомственных учебных заведений. Все это сразу сказалось на качественных характеристиках личного состава. Количество лиц с высшим образованием, проходящих службу в органах внутренних дел, выросло в 70-е годы по сравнению с 1959 годом в 9 раз. В этот период наиболее острыми для сотрудников органов внутренних дел были проблемы жилья, правовой и социальной защиты самих сотрудников органов охраны общественного порядка и членов их семей.

В начале 80-х годов отсутствие эффективной социальной политики, направленной на удовлетворение жизненно важных потребностей и интересов личного состава органов охраны общественного порядка, стала одной из причин, которые обусловили трудности с содержанием в органах внутренних дел квалифицированных кадров, сохранением их профессионального ядра.

В начале 90-х гг. милиция, как и вся советская политическая система, переживала глубокий кризис.

Позволим сделать некоторые выводы из вышеизложенного. Правоохранительная деятельность объективно обусловлена потребностями общества, государства в поддержании правопорядка и безопасности. Свою главную функцию – охрану общественного порядка и противодействие преступности – МВД, как свидетельствует история, достаточно успешно осуществляло при достаточно небольшой численности аппарата и сравнительно ограниченных материальных ресурсах. Административно-командная система управления в советское время, политизированный характер управления

как на общегосударственном уровне, так и на уровне органов внутренних дел, отношение к интересам государства выше интересов и прав отдельного человека породили целый комплекс проблем в кадровом обеспечении органов внутренних дел, что не могло не повлиять и на эффективность деятельности органов охраны общественного порядка.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что организационно-правовое обеспечение деятельности органов охраны правопорядка и их сотрудников (их финансирование, материально-техническое обеспечение, социально-правовая защита) почти постоянно были объединены с конкретными политическими и истори-

ческими процессами и оказывали прямое воздействие на устойчивость и результативность служебной деятельности органов внутренних дел по главным своим предназначениям. Если в обществе был четко сформулирован социальный заказ на обеспечение охраны общественного порядка, обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности, то и соответствующее обеспечение служебной деятельности органов внутренних дел входило в число важнейших государственных приоритетов. В свою очередь, во все времена эффективность деятельности сотрудников органов внутренних дел напрямую зависела от уровня обеспечения их служебной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малахова Н. В. Вопросы стимулирования служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел // Актуальные проблемы административного права и процесса. 2018. № 1. С. 13–15.
2. Тульская Е. А. К вопросу о понятии законности в служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел // Вестник ВИПК МВД России. 2017. № 4 (44). С. 110–114.
3. Новичкова Е. Е. Организация деятельности сотрудников органов внутренних дел // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. № 1 (12). С. 16–20.
4. Порядок прохождения службы в органах внутренних дел: учебное пособие / под ред. С. Н. Бочарова. М.: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2017. 119 с.
5. Сулейманов М. Р. Пути решения проблемы повышения эффективности профессиональной служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2016. № 4 (74). С. 72–76.
6. Заяев Е. Д. Система оценки профессиональной служебной деятельности сотрудников // Закон и право. 2016. № 9. С. 124–126.
7. Купцова О. В. Этическая регламентация профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел // Российская юстиция. 2016. № 8. С. 63–66.
8. Журнал «Власть Советов». 1922. № 1-2.
9. Газета «Известия Моссовета». 1923. 27 мая.
10. Малыгин А. Я. Развитие системы подбора, расстановки и обучения кадров органов внутренних дел Советского государства. М., 1995. 26 с.
11. Семь лет борьбы и работы // Административный вестник. 1926. № 2.
12. Положение о рабоче-крестьянской милиции, утверждено Постановлением СНК СССР от 25 мая 1931 г. // Собрание законодательства СССР. 1931. № 33. Ст. 247.

© **Беженцев А. А.**
© **Шевченко И. А.**

УДК 342.922:351/354(470)

А. Н. МИРОНОВ, профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка Центра командно-штабных учений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, доцент (г. Москва)

A. N. MIRONOV, professor of the Chair of Management of Public Order Units of the Command and Staff Training Centre of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate professor (Moscow)

О СУБЪЕКТЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

ABOUT THE SUBJECT OF STATE ADMINISTRATION

Аннотация. Реализация государственного управления будет невозможна без соответствующего субъекта управления. В связи с этим представляется необходимым ясное понимание признаков, на основании которых возможно определить субъект государственного управления. Во многом определение субъекта государственного управления зависит от понимания самого государственного управления. Самым простым способом, позволяющим определиться с субъектом государственного управления, и это имело место в истории нашего государства, было отнесение к таковым только органов исполнительной власти. Существующий сегодня круг субъектов государственного управления в Российской Федерации многообразен, что не позволяет должным образом реализоваться принципу разделения властей, а это, в свою очередь, негативно сказывается на высшей ценности нашего государства – человеке. В статье автор на основе анализа теоретических воззрений и нормативных положений попытался ответить на вопрос понимания субъекта государственного управления и отнесения тех или иных органов, учреждений, организаций, корпораций, должностных лиц к таковым.

Ключевые слова и словосочетания: субъект государственного управления, государственный орган, орган государственной власти, государственное учреждение, государственное управление, государственная корпорация, саморегулируемая организация, публичное управление, органы местного самоуправления.

Annotation. The implementation of public administration will not be possible without the appropriate management entity. In this regard, it is necessary to clearly understand the features on the basis of which it is possible to determine the subject of public administration. In many ways, the definition of the subject of public administration depends on the understanding of public administration itself. The easiest way to determine the subject of state administration, and this has been the case in the history of our state, was to classify only the Executive authorities as such. The current range of subjects of state administration in the Russian Federation is diverse, which does not allow the principle of separation of powers to be properly implemented, and this in turn negatively affects the highest value of our state – the person. In the article, the author, based on the analysis of theoretical views and regulations, tried to answer the question of understanding the subject of public administration and the classification of certain bodies, institutions, organizations, corporations, and officials as such.

Keywords and phrases: subject of state administration, state body, state authority, state institution, state administration, state corporation, self-regulating organization, public administration, local self-government bodies.

Непременным условием стабильности государства является четкое выполнение его функций, что будет способствовать достижению различных целей и реализации прав и свобод человека и гражданина. Это является самой главной обязанностью нашего государства, что находит закрепление в ст. 2 Конституции РФ [1]. Исполнение данной обязанности государства возлагается на существующую систему органов или субъектов, которые могут называться и субъектами государственного управления.

Российское законодательство, практика его применения, теоретические воззрения специалистов в различных отраслях юридической науки свидетельствуют об отсутствии единства в понимании субъекта государственного управления. В данное понимание вкладываются различные терминологические конструкции, из которых достаточно сложно понять, что же такое «субъект государственного управления». Во многом это связано с различными представлениями о термине «государственное управление» [2; 3]. Осуществляют ли государственное управление только органы государственной власти, как это нормативно закреплено в Федеральном законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [4], или оно реализуется всей системой созданных в государстве органов [5, с. 40]? Можно ли говорить о том, что государственное управление реализуется и органами местного самоуправления? Каково соотношение субъекта государственного и публичного управления? Могут ли государственное управление осуществлять негосударственные структуры, созданные в различных организационно-правовых формах? Эти и многие иные вопросы потребовали обращения к пониманию субъекта государственного управления, его отличительным чертам.

Как известно, государство выступает как главный субъект государственного управления [6], основное предназначе-

ние которого состоит в реализации власти в интересах либо всего общества, либо отдельных групп, и для этого оно создает соответствующий государственный аппарат. В большинстве случаев государственный аппарат обозначается как совокупность государственных органов, предназначенных для выполнения целей, задач и функций государства, для этого наделенных властными полномочиями [7, с. 194; 8, с. 158]. По сути, исходя из обозначенного, весь государственный аппарат создается для государственного управления. В него отдельные авторы включают не только государственные органы, но и учреждения [9, с. 284; 10, с. 101] и должностных лиц [11, с. 261]. Определенную «сумятицу» в части определения субъектов государственного управления вносит нормативное определение государственного управления, закрепленное в ст. 3 Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации», сужающее субъекты государственного управления до органов государственной власти.

Согласно ст. 10 Конституции РФ государственная власть подразделяется на законодательную, исполнительную и судебную. Кроме того, государственная власть согласно ст. 11 осуществляется Президентом РФ, который не относится к государственным органам. Анализ положений Конституции РФ не позволяет осуществить привязку государственных органов в лице Федерального Собрания и судов к органам, реализующим в Российской Федерации законодательную и судебную власть, что, по нашему мнению, было сделать целесообразно именно в основном законе государства, а не прописывать в отдельных законодательных актах. Только по отношению к Правительству РФ в ст. 110 Конституции РФ закреплено, что оно – орган, реализующий исполнительную власть. То есть к органам государственной власти относятся только те, которые создаются для реализации соответствующего вида

государственной власти: законодательной, исполнительной и судебной.

А как же быть с иными органами: Администрацией Президента РФ, прокуратурой, Следственным комитетом РФ, Центральной избирательной комиссией РФ, Центральным Банком России и другими? Следуя логике действующего российского законодательства, данные органы не относятся к органам государственной власти, и, исходя из Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации», не могут осуществлять государственное управление. Определенную ясность в соотношении государственного органа и органа государственной власти вносит ст. 1 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», закрепляя положение о том, что «государственные органы – органы государственной власти РФ, органы государственной власти субъектов РФ и иные государственные органы, образуемые в соответствии с российским законодательством, законодательством субъектов РФ» [12]. Следовательно, органы государственной власти являются разновидностью государственного органа, что представляется логичным.

В части понимания государственного управления, которое было сформулировано в проекте Федерального закона «Об основах государственного управления в Российской Федерации», интерес вызывает позиция В. Н. Южакова. В указанном проекте «государственное управление – это процесс достижения общезначимых национальных целей и задач через органы государственной власти и уполномоченные ими организации, осуществляющие публичные полномочия в порядке, предусмотренном федеральным законом» [13, с. 136]. Как мы видим, осуществление государственного управления – это прерогатива не только органов государственной власти, но и

иных, ими уполномоченных организаций и органов, что в принципе соответствует действующему законодательству, когда властные полномочия передаются вплоть до органов местного самоуправления [14; 15]. Вместе с тем данное определение не учитывает существование должностных лиц, которые выступают либо как органы государственной власти (Президент РФ), либо как должностные лица, наделенные властными полномочиями (уполномоченный по правам человека в РФ, уполномоченный по правам ребенка в РФ, уполномоченный по правам потребителей финансовых услуг и др.) и действующие от имени Российской Федерации.

Кроме того, изменение структуры и содержания общественных отношений потребовали создания в рамках государственного аппарата в качестве органа государственного управления такой организационной формы, как государственная корпорация [16–18] (Росатом, Роскосмос, Ростех, ВЭБ.РФ и др.), которая от имени Российской Федерации реализует предоставленные ей полномочия. По некоторым направлениям деятельности, в частности по принятию нормативных правовых актов, данные корпорации должны руководствоваться теми же положениями, что и федеральные органы исполнительной власти.

Не стоит забывать и об иных организациях, признаваемых государством публичными и наделенных их полномочиями по осуществлению государственного управления. Наделение происходит не только путем соответствующей регламентации в действующем законодательстве, но и посредством придания законности совершаемой регламентации путем толкования данных положений в решениях Конституционного Суда РФ.

Как отмечается в постановлении Конституционного Суда РФ от 19 мая 1998 г. № 15-П: «Конституционные нормы не запрещают государству передавать отдельные полномочия исполнительных

органов власти негосударственным организациям, участвующим в выполнении функций публичной власти. Наделение государством нотариальных палат в соответствии с законом отдельными управленческими и контрольными полномочиями в целях обеспечения в нотариальной деятельности гарантий прав и свобод граждан не противоречит Конституции РФ» [19]. Также субъектом государственного управления могут быть признаны саморегулируемые организации арбитражных управляющих и не только. Как правильно отмечает в главе 8 коллективной монографии А. Г. Шустров [20, с. 369], ссылаясь на постановление Конституционного Суда РФ [21], саморегулируемые организации арбитражных управляющих как публично-правовые субъекты наделяются законодателем в положениях Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ [22] публичными нормотворческими, исполнительно-распорядительными, контрольными полномочиями.

Исходя из сказанного и учитывая положения федеральных законов: «О саморегулируемых организациях» [23], «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» [24], Градостроительного кодекса Российской Федерации [25], «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [26] и ряда других, субъектами государственного управления могут выступать саморегулируемые организации, создаваемые в разнообразных сферах деятельности. Полномочиями данных организаций будет охватываться принятие стандартов и правил деятельности, а также контроль за соблюдением требований принятых стандартов и правил, что полностью укладывается в содержание государственного управления.

В результате вышеизложенного можно отметить, что в качестве признаков, характеризующих субъект государственного управления, выступает наделен-

ность его властными полномочиями в целях выполнения задач и функций государства, которые не являются исчерпывающими. Для выяснения иных признаков субъекта государственного управления представляется удачным определение органа государственного управления, которое дал в своей работе А. А. Гришковец [27, с. 63]. Из предлагаемого автором определения вытекает, что реализация предоставленных полномочий субъектом государственного управления происходит посредством использования соответствующих форм и методов управления. Это одна из характеристик рассматриваемого субъекта.

Кроме того, что субъект государственного управления наделен властными полномочиями, законодательством определяется его компетентность по их реализации – еще один признак субъекта государственного управления. Помимо прочего, признаком субъекта государственного управления выступает отмечаемый практически всеми специалистами определенный территориальный масштаб его деятельности и его внутренняя организация. И еще одним признаком субъекта государственного управления стоит отметить то, что его образование происходит не стихийно, а целенаправленно в рамках действующей нормативно-правовой базы, что подтверждается принятием соответствующего нормативного правового акта.

Исходя из вышесказанного, субъект государственного управления – это орган или должностное лицо, имеющие закрепленный территориальный масштаб деятельности, компетенцию и внутреннюю организацию (применительно к органу), осуществляющие деятельность по реализации предоставленных властных полномочий путем применения соответствующих форм и методов в целях выполнения задач и функций государства.

К числу субъектов государственного управления при их соответствии выделенным признакам следует относить

государственные органы, включающие в себя и органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностных лиц, государственные учрежде-

ния, государственные корпорации, иные организации, наделяемые государством публично-властными полномочиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Миронов А. Н. Государственное администрирование и государственное управление // Актуальные проблемы науки административного права: сборник Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Лазаревские чтения-2020», посвященной 90-летию заслуженного деятеля науки РФ, доктора юридических наук, профессора Б. М. Лазарева (11 февраля 2020 г). М.: Изд-во «ОнтоПринт», 2020. С. 94–100.
3. Николаев К. А., Николаев В. К. Термины «государственный орган», «орган государственной власти», «орган государственного управления»: что вкладывать в их содержание? // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2017. № 1. С. 6–14.
4. О стратегическом планировании в Российской Федерации: федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
5. Правовое обеспечение государственного управления и исполнительная власть: учебник для магистров / Э. П. Андрюхина, И. В. Ахрем, Н. Н. Бакурова [и др.]; под ред. С. А. Старостина. М.: Проспект, 2017. 336 с.
6. Атаманчук Г. В. Государственное управление (организационно-функциональные вопросы): учебное пособие. М., 2000. 302 с.
7. Теория государства и права / под ред. М. Н. Марченко. М., 1996. 475 с.
8. Венгеров А. Б. Теория государства и права. Теория государства. Ч. 1. М.: Юристъ, 1996. 256 с.
9. Общая теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева. М., 1997. 592 с.
10. Теория государства и права: учебник для юридических вузов / А. И. Абрамова, С. А. Боголюбов, А. В. Мицкевич [и др.]; под ред. А. С. Пиголкина. М.: Городец, 2003. 539 с.
11. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства: учебник для юридических вузов и факультетов. М., 1999. 552 с.
12. Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
13. Южаков В. Н. Государственное управление по результатам: о подготовке проекта федерального закона «Об основах государственного управления в Российской Федерации» // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 1. С. 129–148.
14. О наделении органов местного самоуправления муниципальных образований Московской области отдельными государственными полномочиями Московской области: закон Московской области от 24.07.2014 № 107/2014-ОЗ // СПС «КонсультантПлюс».
15. О наделении органов местного самоуправления в Республике Коми отдельными государственными полномочиями Республики Коми: закон Республики Коми от 01.12.2015 № 115-РЗ // СПС «КонсультантПлюс».
16. О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»: федеральный закон от 01.12.2007 № 317-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
17. О Государственной корпорации по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех»: федеральный закон от 23.11.2007 № 270-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
18. О Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос»: федеральный закон от 13.07.2015 № 215-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

19. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате: постановление Конституционного Суда РФ от 19.05.1998 № 15-П // СПС «КонсультантПлюс».

20. Современные проблемы организации публичной власти: монография / С. А. Авакьян, А. М. Арбузкин, И. П. Кененова [и др.]; отв. ред. С. А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2014. 595 с.

21. По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А. Г. Меженцева: постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 № 12-П // СПС «КонсультантПлюс».

22. О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

23. О саморегулируемых организациях: федеральный закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

24. О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка: федеральный закон от 13.07.2015 № 223-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

25. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

26. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

27. Гришковец А. А. Органы государственного управления: сущность и компетенция // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2015. № 4. С. 56–79.

© Миронов А. Н.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.12:614.44*COVID-19(470)

В. С. ЛАТЫПОВ, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа)

V. S. LATYPOV, Head of the Criminal Procedure Chair of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor (Ufa)

**ПРИМЕНИМ ЛИ УПК РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ?
(В КОНТЕКСТЕ ВОВЛЕЧЕНИЯ И УЧАСТИЯ ЛИЦ, ОКАЗЫВАЮЩИХ СОДЕЙСТВИЕ)**

**IS THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE APPLICABLE IN THE CONTEXT
OF A PANDEMIC? (IN THE CONTEXT OF THE INVOLVEMENT AND
PARTICIPATION OF ASSISTANCE PROVIDERS)**

Аннотация. В рамках настоящей работы автором предпринята попытка проведения анализа действующего УПК РФ о возможности осуществления функции содействия в отправлении правосудия отдельными участниками уголовного судопроизводства в условиях пандемии.

В работе использован УПК РФ, официально опубликованные приказы и распоряжения о комплексе дополнительных мер по предупреждению и распространению новой коронавирусной инфекции COVID-19 на территории Российской Федерации. Автор приходит к выводу о необходимости внесения изменений в УПК РФ, предусматривающих возможность вовлечения лиц, оказывающих содействие в отправлении правосудия в дистанционной форме, а в случае невозможности отказа от их участия с целью разрешения выявленных проблем.

Ключевые слова и словосочетания: содействие отправлению правосудия, дистанционное содействие, следствие, дознание, показания, специальные знания, судопроизводство, предварительное расследование.

Annotation. *In this paper, the author attempts to analyze the current Criminal Procedure Code of the Russian Federation (further – CPC of the Russian Federation) for possibility of the function of promoting the administration of justice by individual participants of criminal proceedings in the context of the pandemic. The article uses the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, officially published orders and orders on a set of additional measures to prevent of spread of a new COVID-19 coronavirus infection in the Russian Federation. The author concludes that it is necessary to make changes in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, providing for the possibility of involving persons who assist in the administration of justice remotely, and if it is impossible to refuse their participation in order to resolve the identified problems.*

Keywords and phrases: *assistance in the administration of justice, remote assistance, investigation, inquiry, testimony, special knowledge, legal proceedings, preliminary investigation.*

С начала 2020 года все население нашей планеты внимательно следит за развитием ситуации с неизвестным ранее науке видом острой респираторной вирусной инфекции (далее – ОРВИ) – новой коронавирусной инфекции (далее – COVID-19). Опасность ее заключается в том, что до сих пор не существует специфических противовирусных средств, не разработаны вакцины от указанной болезни, которая ежедневно, по официальным сводкам, уносит многие жизни по всему миру. Скорость и масштабы распространения COVID-19, а также ее влияние на привычные условия жизни населения стран мира позволили Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ) 11 марта 2020 г. объявить пандемию.

В рамках настоящего исследования предлагается проанализировать влияние, оказанное принимаемыми на местах организационно-профилактическими мерами по предупреждению и распространению COVID-19, на уголовное судопроизводство в нашей стране, в частности, на уголовно-процессуальный институт содействия отправлению правосудия, а также предусмотренные в

действующем законодательстве способы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, оказывающих вспомогательные функции, а также предложить возможные варианты совершенствования уголовно-процессуальных норм, регламентирующих вовлечение и участие лиц, оказывающих содействие в отправлении правосудия в условиях пандемии (особых условиях).

Уголовное судопроизводство, являясь одним из видов государственной деятельности, осуществляемой властными субъектами, ни в одной из известных моделей правоприменения не обходится без вовлечения лиц, прямо не заинтересованных в исходе уголовного дела, но оказывающих на результат расследования самое непосредственное влияние. От их вовлечения, как правило, зависит полнота, обоснованность, всесторонность и состязательность уголовного процесса. Речь идет о лицах, оказывающих содействие в отправлении правосудия, они не реализуют основные уголовно-процессуальные функции, предусмотренные ст. 15 УПК РФ, но законодатель сгруппировал основную их часть, наделенную процессуальным статусом, в гл. 8

УПК РФ [1]. Однако указанный в данной главе перечень не является исчерпывающим, и к лицам, оказывающим содействие в отправлении правосудия, могут быть отнесены и другие субъекты уголовно-процессуальных отношений, не имеющие самостоятельного процессуального статуса (педагог, психолог, процессуальный ассистент и др.).

Объявленная ВОЗ пандемия изменила уклад привычной жизни, практически не осталось ни одной сферы общественных отношений, не претерпевших изменений из-за особых условий борьбы с распространением вируса. Рассмотрим ограничительные меры, которые уже приняты в рамках осуществления уголовного судопроизводства. Так, в Постановлении от 18 марта 2020 г. Президиума Верховного Суда РФ принято решение о необходимости прекращения приема граждан с 19 марта по 10 апреля 2020 г. [2]. Документы рекомендовано подавать с использованием электронных Интернет-приемных судов или по почте России. Согласно постановлению рассмотрению подлежат только те категории дел, которые затрагивают конституционные права граждан, в частности, решению подлежат вопросы об избрании, продлении, отмене или изменении меры пресечения, защите интересов несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным, в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни, и другие. Судам рекомендовано осуществлять рассмотрение дел с использованием систем видео-конференц-связи. Кроме того, подлежит ограничению доступ в суды лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства. В обычное время данное обстоятельство можно было бы рассматривать как умышленное ограничение принципа гласности судебного разбирательства (ст. 241 УПК РФ). Также судьям рекомендовано самоизолироваться при малейших признаках заболевания.

Такие понятия, как «самоизоляция», «дистанционность производства», «работа в удаленном режиме» вводятся практически во все сферы жизни общества. Властным решением руководителей субъектов запрещено проведение мероприятий различного уровня, приводящих к массовому скоплению людей, запрещено посещение любых массовых мероприятий (в том числе деловых, культурных, развлекательных и спортивных). В соответствии с Постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 18 марта 2020 г. № 7 «Об обеспечении режима изоляции в целях предотвращения распространения COVID-2019» [3] лица, прибывшие из-за границы, обязаны в течение 14-ти дней находиться на карантине со дня прибытия в условиях самоизоляции, нарушение которого влечет за собой ответственность. Привлечение к строгой материальной ответственности за нарушение режима карантина и самоизоляции предусмотрена и во многих европейских странах. Так, в Италии предусмотрен штраф в размере 206 евро. В отдельных регионах Италии он достигает суммы 5 000 евро (Ломбардия, Болонья и др.). В отдельных случаях предусмотрен арест до 3 месяцев. Власти Испании установили штраф в размере от 1 500 до 600 000 евро. Во Франции – 135 евро, в случае повторного нарушения – 1 500 евро, в случае злоупотребления и появления на улице свыше 2-х раз – до 6-ти месячного ареста и штрафа в размере 3 700 евро. Нарушителей власти Польши привлекают к административному штрафу на сумму в 6 518 евро. Безусловно, штрафы могут показаться, на первый взгляд, достаточно завышенными, но следует учитывать общественную опасность и последствия нарушения карантинных мер. Из бюджета стран, противостоящих распространению вируса, выделяются огромные суммы как на лечение уже заразившихся, так и на профилактические меры. Считаем такой подход оправданным. В целях

пресечения распространения в СМИ недостоверной общественно значимой информации о ситуации с коронавирусной инфекцией Генеральная прокуратура РФ усиливает меры контроля и инициирует привлечение к установленной законом ответственности (ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ).

Вслед за судебными органами адвокатские палаты в регионах принимают меры по противодействию распространения COVID-19 и переходят на дистанционный режим работы. Так, например, в Адвокатская палата Ростовской области (далее – АПРО) обращает внимание адвокатов на необходимость строго соблюдать рекомендованные профилактические меры медицинского характера и при возможности воздержаться от посещения общественных мест, предприятий общественного питания, публичных мероприятий. В целях предупреждения COVID-19 АПРО просит адвокатов с 17 марта 2020 г. по 10 апреля 2020 г. использовать дистанционный способ работы при помощи сетей связи общего пользования [4].

В правоприменительной практике все больше получают распространения жалобы лиц, в отношении которых применяется мера пресечения в виде заключения под стражу. Данные лица, ссылаясь на нормы ст. 99 УПК РФ, а также Указ мэра г. Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ (в редакции от 16 марта 2020 г. № 21-УМ), отмечают, что наиболее подвержены риску заболевания коронавирусом граждане старше 60 лет, а также лица с ослабленным иммунитетом: страдающие сахарным диабетом, сердечно-сосудистыми заболеваниями, ожирением и др., приобщает к жалобе медицинскую справку о наличии одного из указанных заболеваний, копию паспорта, в котором указан возраст от 60 и старше, и заключают, что судом допущены существенные нарушения уголовно-процессуального закона, которые привели к принятию незаконного, необоснованного и немотивированно-

го решения, что в соответствии со ст.ст. 389.15–389.16 УПК РФ является основанием для его отмены [5].

МВД России также предпринят комплекс мер по предупреждению и распространению новой коронавирусной инфекции [6], среди которых следует выделить: требование о максимальном сокращении проводимых массовых мероприятий сотрудниками правоохранительных органов, совещаний с большим числом участников, а также о переходе по возможности на видеочат (п. 7.7); обеспечение сотрудников полиции отдельных подразделений, выполняющих служебные обязанности в контакте с лицами, прибывающими из стран с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой, средствами индивидуальной защиты (п. 15.6); усиление медицинского контроля за состоянием поступающего контингента в изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых, специальные приемники для содержания лиц, арестованных в административном порядке, центры для содержания иностранных граждан; центры временного содержания для несовершеннолетних (п. 15.12). Предпринимаемые государственными органами меры по противодействию распространения инфекции отражаются на условиях жизни населения, в том числе на участии в отправлении правосудия в качестве лиц, оказывающих содействие.

Нам неизвестны монографические научные исследования, посвященные отдельным вопросам производства уголовного преследования в особых условиях, в условиях чрезвычайных ситуаций или массового заболевания населения страны, опубликованные за последнее время. Следует отметить, что В. Н. Григорьевым подготовлены фундаментальные исследования, отражающие особенности расследования преступлений в чрезвычайных условиях [6; 7], в рамках которых им рассмотрены особенности организации и методики рас-

следования преступлений в подобных условиях. Вместе с тем научный интерес представляет вопрос о том, предусмотрены ли действующим уголовно-процессуальным законодательством или иными нормативными актами особые условия вовлечения и участия лиц, оказывающих содействие в отправлении правосудия, когда их здоровью угрожает опасность, и как эти условия соотносятся с принципом разумности срока уголовного судопроизводства? Вопросы реализации принципа уважения чести и достоинства личности неоднократно рассматривались с различных точек зрения [9–13], но не затрагивали столь глобальную проблему.

Применительно к основополагающим началам следует отметить, что в соответствии с Конституцией РФ жизнь и здоровье людей охраняется государством (ст. 7); каждый имеет право на охрану здоровья (ч. 1 ст. 41); сокрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, влечет за собой ответственность (ч. 3 ст. 41). Основы охраны здоровья граждан закреплены в Федеральном законе 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ, который закрепил под охраной здоровья граждан систему «мер политического, экономического, правового, социального, научного, медицинского, в том числе санитарно-противоэпидемического (профилактического) характера, осуществляемых органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, организациями, их должностными лицами и иными лицами, гражданами в целях профилактики заболеваний, сохранения и укрепления физического и психического здоровья каждого человека, поддержания его долголетней активной жизни, предоставления ему медицинской помощи» (ст. 2) [14]. 25 марта 2020 г. в своем обращении к населению страны в связи распространением COVID-19 В. В. Путин еще раз

подчеркнул, что «абсолютным приоритетом для нас является здоровье, жизнь и безопасность людей» [15]. В Федеральном законе от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ отмечено, что «виновные в невыполнении или недобросовестном выполнении законодательства Российской Федерации в области защиты населения, непринятии мер по защите жизни и сохранению здоровья людей и других противоправных действиях должностные лица и граждане Российской Федерации несут дисциплинарную, административную, гражданско-правовую и уголовную ответственность» (ст. 28) [16]. Безусловно, нормативная основа для обеспечения условий реализации безопасных правоотношений государством создана. Рассмотрим, нашла ли она свое отражение в отраслевом законодательстве на примере УПК РФ.

В действующем УПК РФ предусмотрен принцип, запрещающий обращение, унижающее человеческое достоинство участников уголовного судопроизводства, в том числе лиц, оказывающих содействие в отправлении правосудия либо создающее опасность для его жизни и здоровья (ч. 1 ст. 9 УПК РФ). Действие указанного принципа распространилось и на другие нормы. К таким следует отнести ст. 170, в которой законодатель выразил свою заботу о здоровье лиц, оказывающих содействие в отправлении правосудия, применительно к отказу от вовлечения понятых к производству следственных действий, в которых их участие обязательно в случае, если «производство следственного действия связано с опасностью для жизни и здоровья» (ч. 3 ст. 170 УПК РФ). Более детальный анализ позволяет выявить также возможность производства допроса свидетеля путем использования системы видеоконференц-связи (ст. 278.1 УПК РФ).

Кроме того, следует отметить, что ч. 4 ст. 164 запрещает производство каких бы то ни было следственных действий, которые может повлечь угрозу

жизни и здоровью участвующих в них лиц. Таким образом, лицам, осуществляющим производство по уголовному делу, следует заблаговременно планировать процесс расследования уголовного дела, полностью исключив вовлечение в уголовный процесс лиц, оказывающих содействие, либо обеспечив их безопасное участие. Прямой запрет на производство процессуальных действий в случаях, угрожающих жизни и здоровью вовлекаемых для их производства лиц, предусмотрен при производстве следственного эксперимента (ст. 181 УПК РФ) и производстве такого процессуального действия, как получение образцов для сравнительного исследования (ч. 2 ст. 202 УПК РФ). Также полагаем в условиях пандемии, связанной с COVID-19, недопустимо применение такой меры принуждения, как привод, поскольку принудительное покидание своего места жительства может повлечь угрозу состоянию здоровья лиц, оказывающих содействие в отправлении правосудия (ч. 6 ст. 113 УПК РФ).

Мы солидарны с позицией В. А. Ализаде, которая полагает, что «право на жизнь в уголовном судопроизводстве вряд ли может быть обеспечено лишь неукоснительным соблюдением перечисленных предписаний УПК РФ» [17, с. 13]. К сожалению, действующий УПК РФ не содержит каких-либо дополнительных гарантий обеспечения безопасности жизни и здоровья лиц, оказывающих содействие в отправлении правосудия, или процедур производства процессуальных действий в условиях, угрожающих их здоровью.

Справедливости ради отметим, что в УПК РСФСР 1960 г. таких гарантий было еще меньше. Указанный нормативный акт содержал лишь отдельные упоминания о необходимости обеспечения безопасности жизни и здоровья участников уголовного судопроизводства при производстве таких следственных действий, как освидетельствование (ст. 181

УПК РСФСР) и следственный эксперимент (ст. 183 УПК РСФСР). УПК РСФСР 1922 г. и вовсе не содержал таких упоминаний. В данном контексте с положительной стороны видится предусмотренная, к примеру, УПК Республики Казахстан (далее – УПК РК) – возможность депонирования показаний лиц, оказывающих содействие в отправлении правосудия (ст. 217 УПК РК) [18].

Отсутствие в действующем УПК РФ специальных норм, регламентирующих осуществление уголовного судопроизводства в особых условиях, вынуждает правоприменителей либо идти на риск в отношении обеспечения безопасности жизни и здоровья лиц, оказывающих содействие в отправлении правосудия, либо откладывать производство процессуальных действий до наступления благоприятных условий, что не может не отражаться на сроках предварительного расследования и судебных разбирательств. Следует отметить, что Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ, закрепивший право получения компенсации за нарушение судопроизводства в разумный срок или на исполнение судебного акта в разумный срок в ч. 2 ст. 2, предусматривает в качестве оснований допущения нарушений разумных сроков чрезвычайные или непреодолимые условия (непреодолимую силу), что в соответствии со ст. 1 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ представляет собой обстановку «на определенной территории, сложившуюся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей».

Итак, перейдем к результатам проведенного исследования и сформулируем некоторые предложения. Во-первых, действующий УПК РФ практически не

предусматривает в своих нормах осуществление уголовного судопроизводства в условиях обеспечения безопасности жизни и здоровья лиц, оказывающих содействие в отправлении правосудия. Во-вторых, следует предусмотреть возможность дистанционного (цифрового) производства расследования уголовных дел с вовлечением лиц, оказывающих содействие в отправлении правосудия, что требует проведение дополнительных самостоятельных исследований по указанной тематике. В-третьих, учитывая сложность и продолжительность перевода уголовного судопроизводства в дистанционный режим, следует предусмотреть в действующем УПК РФ нормы, регламентирующие безопасное участие лиц, оказывающих содействие в отправлении правосудия, как того требует Конституция РФ и федеральное законодательство. В связи с чем, предлагается введение в УПК РФ самостоятельной главы 18.1 «Меры по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства и других лиц», в которой следует предусмотреть нормы, регламентирующие: обязанность по принятию мер обеспечения безопасности (ст. 139.1 УПК РФ); меры безопасности (ст. 139.2 УПК РФ); порядок применения и обеспечения мер

безопасности (ст. 139.3 УПК РФ); отмена мер безопасности (ст. 139.4 УПК РФ); ответственность за невыполнение обязанностей по применению мер безопасности (ст. 139.5 УПК РФ). В-четвертых, дополнить п. 5 ч. 1 ст. 208 УПК РФ в качестве самостоятельного основания для принятия решения о приостановлении уголовного дела – «объявление чрезвычайной ситуации на территории производства расследования, которая может повлечь или повлекла за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей», и относить этот период к разновидности пассивного течения разумного срока [19, с. 39].

Проведенный анализ позволил выявить отдельные проблемные вопросы вовлечения и участия лиц, оказывающих содействие в отправлении правосудия в уголовном процессе России, в условиях, угрожающих жизни и здоровью населения, глобального распространения вирусной инфекции (пандемии). Полагаем, настоящая работа может представлять интерес для производства исследований в указанном направлении, также будет полезна и в правоприменительной практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Латыпов В. С. Оказание содействия иными участниками уголовного судопроизводства, предусмотренными главой 8 УПК РФ: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 248 с.
2. Постановление Президиума Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsrp.ru/files/28814/> (дата обращения: 25.03.2020).
3. Постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003190001?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 25.03.2020).
4. Адвокатская палата Псковской области. АП РО переходит на дистанционный режим работы. URL: https://appo.fparf.ru/news/all_news/detail/75360/ (дата обращения: 25.03.2020).
5. Жалоба (ходатайство) о незамедлительном изменении меры пресечения в связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV). URL: <https://pravo163.ru/zhaloba-hodatajstvo-o-nezamedlitelnom-izmenenii-mery-presecheniya-v-svyazi-s-ugrozoj-rasprostraneniya-novoj-koronavirusnoj-infekcii-2019-ncov/> (дата обращения: 25.03.2020).
6. О комплексе дополнительных мер по предупреждению распространения новой коронавирусной инфекции: распоряжение МВД России от 17 марта 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс».

7. Григорьев В. Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях (правовое обеспечение, организация, методика): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. 565 с.
8. Григорьев В. Н. Структура теории расследования преступлений в чрезвычайных условиях // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 2. С. 330–333.
9. Безруков С. С. Логические изъяны содержания отдельных принципов уголовного процесса // Журнал российского права. 2013. № 7. С. 28–35.
10. Вилкова Т. Ю. Принцип уважения чести и достоинства личности в уголовном судопроизводстве: правовые основы, содержание, гарантии // Адвокатская практика. 2015. № 5. С. 6–11.
11. Вилкова Т. Ю. Реализация права на уважение чести и достоинства личности при производстве освидетельствования в судебном следствии // Российский судья. 2015. № 3. С. 22–26.
12. Кашепов В. П. Гуманизация уголовного судопроизводства как принцип регулирования российского правосудия // Журнал российского права. 2015. № 12. С. 101–112.
13. Смолькова И. В. Допустимо ли принуждение при производстве освидетельствования в российском уголовном судопроизводстве? // Уголовное право. 2018. № 3. С. 122–128.
14. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 27 декабря 2019 г., с изм. от 13 января 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
15. Обращение к гражданам России В. В. Путина. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63061> (дата обращения 25.03.2020).
16. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ (ред. от 3 июля 2019 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
17. Ализиде В. А. Обеспечение права на жизнь в системе международных стандартов уголовного правосудия (по материалам замечания общего порядка № 36 (2018) Комитета по правам человека) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2019. № 3. С. 9–14.
18. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: по состоянию на 11 января 2020 г. URL: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=31575852 (дата обращения: 25.03.2020).
19. Камчатов К. В., Буланова О. В. «Активный» и «пассивный» срок как разновидности разумного срока уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2019. № 6. С. 37–39.

© Латыпов В. С.

УДК 343.13.01:343.11.028.6(470)

А. В. ПОБЕДКИН, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Москва)

A. V. POBEDKIN, Head of the Chair of Criminal policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor (Moscow)

МЕТОД УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ЕГО ВЗАИМОСВЯЗЬ С ФУНКЦИЕЙ ПУБЛИЧНОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

THE METHOD OF CRIMINAL PROCEDURE REGULATION AND ITS RELATIONSHIP WITH THE FUNCTION OF PUBLICITY OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. В статье ставится вопрос о необходимости конкретизации понимания метода уголовно-процессуального регулирования и уточнения имеющихся научных представлений о нем. Метод уголовно-процессуального регулирования связывается автором не только с особенностью всех процессуальных отношений (такая идея обсуждалась и ранее), но и дополнительно с характером полномочий, которые в этих правоотношениях имеют должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство. Только сочетание полномочий (по сути являющихся обязанностями) и их характера, направленного на обеспечение публичности уголовного судопроизводства в широком смысле (формирование у населения ощущения безопасности как членов общества, так и потенциальных участников судопроизводства), и является особенностями метода именно уголовно-процессуального регулирования в России.

Ключевые слова и словосочетания: публичность, метод правового регулирования, уголовно-процессуальные правоотношения, нравственные основы, уголовное судопроизводство.

Annotation. The article raises the question of the need to specify the understanding of the method of criminal procedure regulation and clarify the existing scientific ideas about it. The method of criminal procedure regulation is associated by the author not only with the peculiarity of all procedural relations (this idea had been discussed earlier), but also with the nature of the powers that officials who carry out criminal proceedings have in these legal relations. Only the combination of powers (which are essentially duties) and their nature, aimed at ensuring the publicity of criminal proceedings in a broad sense (the formation of a sense of security among the population as members of the society and potential participants in legal proceedings), is a feature of the method of criminal procedure regulation in Russia.

Keywords and phrases: publicity, method of legal regulation, criminal procedural legal relations, moral foundations, criminal proceedings.

Второе десятилетие XXI века в России проходит под знаком возрождения научного интереса к концептуальным вопросам уголовного судопроизводства. Тенденция эта обусловлена объективно. Во-первых, миновал период «пожарного» изучения (больше для удовлетворения потребности в неотложном правоприменении) новелл УПК РФ в его

первоначальных редакциях. Во-вторых, пришло осознание того, что проблемы уголовно-процессуального права и деятельности по его реализации вызваны не отдельными частными проблемами закона, а пренебрежением к результатам фундаментальных научных исследований, без которых прикладные выводы и предложения достоверными не являются.

Эклектичность УПК РФ нарастает. Она выражается, с одной стороны, в сохранении следственного характера уголовного судопроизводства при хаотичном нагромождении правил составительного толка с неясным содержанием, с другой – в сохранении требований к всесторонности и полноте исследования обстоятельств уголовного дела [1] при изъятии необходимых для этого процессуальных гарантий, без которых вызывает серьезное сомнение само существование принципов уголовного судопроизводства (законность, свобода оценки доказательств, презумпция невиновности и др.). Впрочем, на роль принципа уголовного процесса теперь претендует идея процессуальной экономии, состоящая в упрощении и рационализации процессуальной формы [2], важность этой идеи, конечно, нельзя не замечать, однако настраивать процессуальную систему на экономию вне учета задачи правильного установления обстоятельств по уголовному делу (если такую задачу ставить), значит заранее обрекать уголовно-процессуальное право на неэффективность: средства должны быть адекватными задаче. Кроме того, как верно отмечено в литературе, принцип процессуальной экономии – это скорее принцип организации труда [3], а не процессуальная основная идея.

Сегодня количество разновекторных изменений УПК РФ уже перешло в качество: уголовно-процессуальное право утратило связь с предназначением уголовного судопроизводства в обществе. Между тем уголовно-процессуальные нормы – одно из средств, с помощью которого государство реализует функцию, необходимую для решения стоящей задачи. Задача – функция – средства – методы – субъекты. Таким образом должна выстраиваться логика любого управленческого воздействия. Государство формирует структуры и механизмы, через которые в жизнь проводится его воля со «всеми находящимися в его распоряже-

нии методами» [4, с. 131]. Не является исключением реагирование государства на информацию о совершенном преступлении. Однако в УПК РФ не определены ни задачи, ни функции уголовного судопроизводства (неоднозначность термина «назначение уголовного судопроизводства лишь усугубляет неопределенность»). О методах, посредством которых реализуется функция, решаются задачи процесса, исходя из содержания текста УПК РФ также можно строить разные предположения. Не будем, справедливости ради, отрицать, что дискуссии по этим вопросам не завершены и в науке, хотя некоторые явно некорректные взгляды на роль уголовного процесса в социуме, ограничиваемую защитой прав и законных интересов только его участников, можно считать преодоленными. Кроме того, функции уголовного процесса, метод уголовно-процессуального регулирования сегодня, к сожалению, еще не находятся в научном фокусе.

Между тем правильное понимание элементов системы «задача – функция – средство – метод – субъект» и установление между ними адекватного соотношения – основа логичности и непротиворечивости уголовно-процессуального права, которое не что иное, как одно из средств реализации функций уголовного судопроизводства, изначально предопределенных требованиями общества. И так, функции уголовного судопроизводства реализуются посредством проведения в жизнь норм уголовно-процессуального права, которые должны быть «настроены» именно под функции уголовного процесса. В этой связи разграничение отраслей права между собой по предмету и методу правового регулирования производно от их разграничения по функции.

Функция уголовного судопроизводства предопределена Конституцией РФ, называющей в числе благ, ради которых может быть ограничена даже «высшая ценность», основы конституционного строя, нравственность, здоровье, права и

законные интересы других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Крайняя форма посягательства на эти «абсолютные» и не подлежащие ограничению блага – преступление. Очевидно, что они находятся под угрозой до тех пор, пока не выявлено и не подвергнуто мерам государственного воздействия лицо, в действительности совершившее преступление. Другой формы полноценного решения этой задачи, кроме как посредством уголовного процесса, не существует. Отсюда Конституционный Суд РФ усматривает, что существуют некие «нужды уголовного судопроизводства», которые должны состоять в «благоприятном балансе» с правами его участников [5]. Надо полагать, Конституционный Суд РФ под «нуждами уголовного судопроизводства» понимает обеспечение «абсолютных ценностей», являющихся неперенными условиями нормальной жизни каждого законопослушного члена общества. Странно только, что эта «нужда» рассматривается Конституционным Судом РФ как ценность, «балансирующая» с правами участников уголовного процесса, тем более что им же подчеркнут безусловный ее приоритет: «... решение вопросов о возбуждении уголовного дела публичного обвинения не зависит от волеизъявления потерпевшего – оно предопределяется исключительно общественными интересами» [5]. «Абсолютные» конституционные блага как потребности всего общества и каждого его законопослушного члена предопределяют права и обязанности участников судопроизводства, а не состоят с ними в балансе как явно неравнозначная ценность.

Предназначение уголовного процесса – обеспечение общественных интересов в защите «абсолютных» ценностей. Это функция уголовного процесса. Ради нее он существует, иначе не было бы предпосылок для вычленения уголовного судопроизводства из гражданского и

формирования самостоятельной отрасли права – уголовно-процессуального. Уголовное судопроизводство размежевывалось с гражданским ввиду объективной невозможности реализовывать функцию производства по преступлениям, основываясь на методе правового регулирования, свойственного гражданскому процессуальному регулированию [7]. Точка зрения, согласно которой процесс «моноформен», а разграничение процессов возможно только в теории, да и то на основе достигнутого «соглашения», не учитывает объективного положения: общественной потребности в реализации функции уголовного процесса, которая может быть удовлетворена только посредством специфического метода уголовно-процессуального регулирования [8, с. 122–123].

Размежевание уголовного и гражданского процессов – объективная необходимость не только по причине существования частной собственности, как считал, например, Н. Н. Полянский [9, с. 227–228]. Основная причина – общественная опасность посягательства. Преступление (даже при осуществлении уголовного преследования в частном или частно-публичном порядке) – всегда посягательство на «абсолютные ценности», а значит и на интересы каждого законопослушного человека.

Учитывая функцию уголовного судопроизводства, категорически нельзя согласиться с распространенной его трактовкой как средством снятия «уголовно-правового конфликта», поскольку такового попросту не существует. Обязанность лица, совершившего преступление, претерпеть неблагоприятные последствия за свои деяния не имеет никакого отношения к уголовно-правовому конфликту. Скорее можно говорить о социально-правовом конфликте, приведшем к преступному поведению [10], а не о уголовно-правовом конфликте, который надо разрешить средствами уголовного судопроизводства. Конфликт же

в рамках уголовного судопроизводства (в основе состязательности лежит именно такой «конфликт») может существовать, но имеет уголовно-процессуальную природу и является возможным средством реализации функции уголовного судопроизводства.

Публичность, поиски определения которой продолжаются не один десяток лет, скорее является функцией уголовного процесса, чем ее принципом. А. С. Барабаш и А. А. Брестер абсолютно верно пишут, что «назначение уголовного процесса – что то, для чего обществу нужен уголовный процесс, своеобразный «социальный заказ» на уголовный процесс», однако называют публичность не функцией, что идеально подходило бы к их же определению, а «началом», т. е. категорией, необходимость создания которой еще нужно доказывать [11, с. 22]. Скорее, в новой «сущности» для характеристики публичности нужды нет. Конечно, публичность не исчерпывается обязанностью должностных лиц возбуждать уголовные дела в каждом случае обнаружения признаков преступления и принимать все предусмотренные законом меры к установлению лица или лиц, его совершивших (ч. 4 ст. 21 УПК РФ), которую иногда называют официальностью уголовного процесса. Однако даже вся направленность уголовно-процессуальной формы на выявление лиц, виновных в совершении преступления, не исчерпывает публичность. Это важная, но только одна ипостась публичности. Другая – в том, что ощущение безопасности каждого, кто участником уголовного процесса не является, зависит еще и от убежденности в защите своих законных интересов, если придется оказаться в числе участников уголовного процесса в любом качестве.

Так, законный интерес потерпевшего может заключаться не только, а иногда и не столько в возмещении причиненного преступлением вреда, сколько в осуждении виновного, назначении ему

справедливого наказания. Осознание, что виновный, вопреки законному интересу потерпевшего, может избежать осуждения и наказания, например, в результате прекращения уголовного преследования по нереабилитирующему основанию, негативно сказывается на уверенности потенциальных потерпевших в надежной защите средствами уголовного судопроизводства. Еще более жесткий удар по публичности – «выталкивание» потерпевшего за защитой своих имущественных прав в гражданский процесс, особенно болезненный в сочетании с невозможностью получить удовлетворение уголовной ответственностью виновного, как, к примеру, в случае применения амнистии.

Основной объект защиты средствами уголовного судопроизводства – человек, не участвующий в уголовном процессе, может быть удовлетворен им только в неразрывной связи двух условий: 1) уголовный процесс обеспечивает выявление и привлечение к уголовной ответственности действительно виновного; 2) права и законные интересы участников процесса в его ходе обеспечиваются в полном объеме (каждый понимает, что всегда может стать участником уголовного процесса: «от тюрьмы и от сумы ...», как известно, не зарекаются). Уголовный процесс нужен именно для того, чтобы ни у кого не возникало сомнений в неизбежности и того, и другого. В этом функция уголовного процесса, в этом публичность. Функция требует строго адекватных методов.

Метод уголовного процесса и метод уголовно-процессуального регулирования, очевидно, не одно и то же. Метод уголовного судопроизводства – способ организации уголовно-процессуальной деятельности, протяженной во времени и направленной на решение стоящих перед ней задач. Он применим к характеристике всей совокупности уголовно-процессуальных отношений в их динамике, развитии взаимосвязи и определяется процессуальной формой – как порядком уголовно-процессуальной деятель-

ности. Некоторые авторы видят метод уголовного процесса в объективности, всесторонности и полноте исследования [11, с. 138]. Такая точка зрения имеет право на существование. Можно искать другие формулировки метода уголовного судопроизводства, однако его суть остается неизменной: он должен позволять эффективно реализовывать функцию публичности. При этом основа метода уголовного процесса закладывается методом уголовно-процессуального регулирования.

Невзирая на то, что наряду с предметом правового регулирования его метод – критерий разграничения отраслей права, представление о методе уголовно-процессуально регулирования весьма общее. Напрасно, поскольку именно метод правового регулирования при разграничении процессуальных отраслей права является определяющим. Не предмет, как иногда полагают [12, с. 5], а именно метод. Предмет как совокупность общественных отношений, подлежащих регулированию, для процессуальных отраслей подвижен, и его объем определяется материальным правом, которым деяние относится к тому или иному виду правонарушений. Если отрасли права нельзя разграничить по методу, то их разграничение по предмету всегда зыбко, рукотворно и условно.

Так, уголовное судопроизводство и производство по делам об административных правонарушениях зиждутся на одном и том же методе правового регулирования, поэтому между ними так часто происходит «взаимообмен предметом», а разграничение большей частью производится ввиду достигнутого общего соглашения. Административная и уголовная ответственность дополняют друг друга, а декриминализация нередко означает всего лишь «смягчение публично-правовой ответственности за совершение соответствующего правонарушения» [13]. Именно ввиду неразличимости метода правового

регулирования при реализации норм, устанавливающих ответственность за административные правонарушения и преступления, вывод о том, что административные правонарушения обязаны своим существованием только потребности упростить производство, абсолютно резонен [14, с. 37–45]. Между этими видами производств основное различие, действительно, по предмету. Ясно определить признаки, присущие методу уголовно-процессуального регулирования, действительно, непросто. В учебниках либо ограничиваются несколькими традиционными фразами о методе власти-подчинения, приоритете императивного над диспозитивным, либо и вовсе не касаются этого вопроса.

А. С. Бахта и П. Г. Марфицин пишут: «метод уголовно-процессуального права носит императивно-диспозитивный характер при приоритете императивных начал в регулировании определенной области общественных отношений» [12, с. 80]. Не становится понятно и после ознакомления с основными специфическими чертами метода уголовно-процессуального регулирования, предлагаемыми авторами: 1) правовое положение (статус) субъектов; 2) основания формирования правоотношений; 3) способы определения их содержания; 4) юридические санкции [12, с. 73]. Указанные авторы выделяют два вида приемов правового регулирования: 1) централизованное регулирование, т. е. отношения прямого подчинения; 2) диспозитивное регулирование, при котором на процесс оказывает влияние активность участников общественных отношений, при этом преобладает тот или иной прием [12, с. 74]. Во-первых, активность участников правоотношения существенно влияет на регулирование всегда – невластные субъекты имеют не только обязанности, и в уголовном процессе тоже. Во-вторых, преобладание того или иного приема, даже если их и удалось бы разграничить, было бы весьма условным.

П. С. Элькинд в работе, ставшей классической, свойства метода уголовно-процессуального регулирования усматривает в особой процессуальной процедуре уголовного судопроизводства, обеспечивающей соответствие поведения участников уголовного процесса его задачам. В признаки этой процедуры П. С. Элькинд включает: точно установленный нормами уголовно-процессуального права порядок судопроизводства; сочетание государственно-властного начала с гарантиями прав личности; специфические способы обеспечения правоотношений; требование доказанности фактических обстоятельств дела; точную регламентацию средств и методов доказывания [15, с. 7]. На многоэлементность метода указывают и современные исследователи. Так, Т. Е. Павлисова в числе таковых называет: положение субъектов уголовно-процессуального права и соответствующее наделение их правовым статусом; особый способ наделения субъектов правами и обязанностями; особый круг юридических фактов, специфика мер процессуального принуждения [16, с. 7].

Абсолютно верно характеризуя уголовно-процессуальную процедуру, они (признаки) в значительной степени применимы и к гражданскому судопроизводству. Между тем зерно метода уголовно-процессуального регулирования П. С. Элькинд отразила точно: государственно-властные начала, развитость гарантий прав личности, специфические способы обеспечения правоотношений. Эта общая характеристика метода нуждается в конкретизации, вместе с тем она гораздо функциональнее попыток описать метод через соотношение императивности и диспозитивности или власти-подчинения.

А. С. Барабаш и А. А. Брестер верно пишут, что метод правового регулирования – «способ воздействия юридических норм на общественные отношения» [11, с. 83], также справедливо делают вы-

вод о том, что императивность и диспозитивность не могут быть методом правового регулирования, они выступают характеристикой норм [11, с. 86]. Оставляя в данной статье без оценки спорное утверждение указанных авторов о том, что императивность свойственна публичному процессу, а диспозитивность – состязательному (публичность и состязательность не антиподы), заметим, что метод правового регулирования, действительно, должен быть связан с правом в действии, с его реализацией, а единственный способ реализации норм права – правоотношение [15, с. 31]. Следовательно, особенности метода уголовно-процессуального регулирования нужно искать в особенностях уголовно-процессуальных правоотношений. Обратим внимание, что вряд ли убедительно звучит позиция, согласно которой ввиду возможности в уголовном судопроизводстве аналогии не все общественные отношения в уголовном судопроизводстве могут существовать в форме правоотношений [12, с. 15].

Характерные черты уголовно-процессуальных правоотношений, их большинства и представляют собой особенности метода уголовно-процессуального регулирования. М. С. Строгович вообще считал правоотношение методом правового регулирования [17, с. 54], вероятно, имея в виду способ регулирования, тогда как метод – характерные особенности правоотношения (в свою очередь обусловленные особенностями норм конкретной отрасли права).

Определяя особенности метода гражданского процессуального регулирования, в основном пишут о том, что возникновение, развитие, окончание судопроизводства связано с процессуальными действиями сторон и других участвующих в деле лиц, которые распоряжаются своими процессуальными правами [18, с. 52]. В целом это тоже верно, однако недостаточно, поскольку особенности метода не могут выражаться лишь в нескольких, хотя и самых значимых для

судопроизводства решениях. В свое время мы выдвинули гипотезу, согласно которой метод уголовно-процессуального регулирования характеризуется особенностями уголовно-процессуальных правоотношений [19, с. 73–76], состоящих в том, что должностное лицо в таких правоотношениях имеет не права и обязанности, а полномочия, которые нужно понимать как обязанность поступить определенным образом при возникновении определенных обстоятельств [20, с. 28].

Об аналогичных особенностях правоотношений читаем и в других авторитетных источниках, где подчеркивается, что в уголовном судопроизводстве имеет место не вписывающаяся в классическое представление о правоотношении модель «обязанность – обязанность» [7, с. 106]. Конечно, правоотношения в уголовном судопроизводстве по содержанию разнообразны. Они, действительно, могут включать субъективные права физических лиц, их обязанности, профессиональные обязанности невластных участников судопроизводства (например, защитники-адвокаты) [7, с. 109]. Однако поскольку обязательным участником уголовно-процессуального правоотношения является должностное лицо, отвечающее за производство по уголовному делу, оно обязано реализовать полномочие (либо взаимно реализовать полномочия, если две стороны правоотношения – указанные должностные лица), направленное не только на обеспечение прав, гарантирование исполнения обязанностей другой – невластной стороной правоотношения, но и в целях обеспечения публичной функции судопроизводства. Именно поэтому должностные лица не имеют выбора варианта поведения. В этом и одна из особенностей метода уголовно-процессуального регулирования. Подчеркнем, что лишь одна, о другой речь пойдет ниже.

Вряд ли можно согласиться, что невластный участник судопроизводства – более слабая сторона в правоотношении, как указывает, например, Кон-

ституционный Суд РФ [21]. Стороны в правоотношении могут находиться в разных соотношениях с позиции прав и обязанностей. Право невластного участника судопроизводства требовать надлежащего поведения от должностного лица, ведущего уголовный процесс, ставит последнего в положение обязанного. Вряд ли есть смысл даже ставить вопрос о том, кто именно более слабая сторона в таком правоотношении. Верно и то, что исполнение обязанностей невластными участниками судопроизводства, состоящими в правоотношениях с должностными лицами, ведущими уголовный процесс, – выполнение обязанностей перед обществом [7, с. 111]. Общество, несомненно, имеет право требовать от уголовного судопроизводства той эффективности, которая ей необходима. Российскому народу, вне всяких сомнений, присуща потребность в уголовном судопроизводстве, направленном на правильное установление обстоятельств по уголовному делу, позволяющих принять справедливое решение, которое оказывает положительное антикриминальное и воспитательное воздействие на население страны. Вот только вряд ли можно согласиться, что право общества требовать такого поведения является политическим и находится вне рамок уголовно-процессуального регулирования [7, с. 111].

Право общества на реализацию функции публичности уголовного судопроизводства проявляется в методе уголовно-процессуального регулирования, который должен жестко обязывать должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, осуществлять действия и принимать решения, направленные на удовлетворение социальной потребности в результатах уголовного судопроизводства. Не будем отрицать, что сам характер действий и решений, выраженных в полномочии властного участника уголовного судопроизводства, можно представить и не направленным на правильное установле-

ние обстоятельств по уголовному делу, а обеспечивающим иные ценности. Например, обязанность следователя, дознавателя, суда вынести постановление о прекращении уголовного дела в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, указанных в ч. 1 ст. 281 УПК РФ, в случае, если до назначения судебного заседания ущерб, причиненный бюджетной системе Российской Федерации в результате преступления, возмещен в полном объеме – это ни что иное как полномочие (право-обязанность), обеспечивающее возмещение вреда причиненного преступлением, однако со значительным снижением гарантий установления действительно виновного, обстоятельств как они были в действительности, и не позволяющее обеспечить справедливость в виде заслуженного наказания. Той же направленностью характеризуются и многочисленные иные полномочия должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу (чч. 3, 31 ст. 281 УПК РФ и др.).

Действительно, метод уголовно-процессуального регулирования, не позволяющий властным участникам уголовного судопроизводства действовать по своему усмотрению, служит потребностям конкретного общества в конкретной стране. Удовлетворённость общества результатом, обеспечиваемым уголовным судопроизводством каждого государства, зависит от исторических традиций, духовно-нравственной основы, генетики общих и основных для населения ценностей. Ранее автор настоящей статьи писал, что «отличия в методе правового регулирования различных отраслей процессуального права следует искать не в содержании прав или обязанностей участников судопроизводства, а в специфике правоотношения». Теперь вынужден уточнить позицию. Дело в том, что сами по себе полномочия должностных лиц в правоотношении, не позволяющие им выбрать вариант поведения, не обе-

спечивают защиту единых ценностей. Здесь важно содержание полномочий. В России, очевидно, нравственно-здоровое население, принимающее в качестве основы жизни отечественную духовность, формировавшуюся веками и защищавшуюся предками, не способно принять результаты уголовного судопроизводства, которые не состоят в правильном установлении обстоятельств, выявлении действительно виновного, справедливого ему воздаяния. Согласительные процедуры в уголовном процессе, способные умиротворить только стороны в процессе, не обеспечивают реализацию той публичности, которую ожидает общество. Удивительно точно писал об этом М. С. Строгович: «Принцип публичности выражается не в том, что процесс ведется независимо от воли и желания граждан, участвующих в процессе, от их воли и желания зависят многие действия суда, прокурора и следователя, а в том, что эти органы не могут отказываться от производства действий, нужных для правильного разрешения дела, лишь на том основании, что заинтересованное лицо не просит об этом» [22, с. 139].

В этой связи метод уголовно-процессуального регулирования в отечественном уголовном процессе должен состоять в наделении властных участников уголовного судопроизводства полномочиями (обязанностью действовать определенным образом в определенных обстоятельствах), обеспечивающими реализацию публичной функции отечественного уголовного судопроизводства, обусловленной социальной потребностью россиян чувствовать себя в безопасности как в рамках уголовного судопроизводства (в том числе при понимании потенциальной возможности стать участником процесса), так и в качестве члена общества, уверенного в возможностях уголовного судопроизводства обеспечить установление истины и торжество справедливости.

ЛИТЕРАТУРА

1. По делу о проверке конституционности отдельных положений статьей 7, 15, 107, 324 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П // Собрание законодательства РФ. 2004. № 27. Ст. 2804.
2. Смолин А. Ю. Принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве // Вестник Нижегородской Академии МВД России. 2009. № 1 (10). С. 62–65.
3. Седова Г. И. Реализация принципа процессуальной экономии в российском уголовном процессе // Вестник Поволжской академии государственной службы имени П. А. Столыпина. 2007. № 13. С. 88–90.
4. Общая теория управления: курс лекций / Атаманчук Г. В., Беляев А. А., Варламов К. И. [и др.]. М.: Российская академия управления, 1994. 300 с.
5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Никифорова Игоря Викторовича на нарушение его конституционных прав положениями части первой и пункта 2 части второй статьи 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 1049-О // Документ опубликован не был.
6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кустова Михаила Сергеевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 7 февраля 2013 г. № 128-О // Документ опубликован не был.
7. Курс уголовного судопроизводства / под ред. д-ра юрид. наук, профессора Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. 1280 с.
8. Васильева Е. Г. Уголовный процесс: догматико-аксиологическое исследование. М.: Юрлитинформ, 2013. 584 с.
9. Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М.: Изд-во Московского университета, 1956. 271с.
10. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Уголовное наказание в конфликтологическом контексте // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2015. № 1 (3). С. 15–26.
11. Барабаш А. С., Брестер А. А. Метод российского уголовного процесса. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2013. 218 с.
12. Бахта А. С., Марфицин П. Г. Предмет и метод уголовно-процессуального регулирования: учебное пособие. Хабаровск, 2010. 83 с.
13. По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1.7. и части 4 статьи 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 4 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и пункта 4 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты российской федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс российской федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» в связи с жалобами граждан А. И. Заляутдинова, Н. Я. Исмагилова и О. В. Чередняк»: постановление Конституционного Суда РФ от 14 июня 2018 г. № 23-П // Российская газета. 2018. 26 июня.
14. Есаков Г. А. От административных правонарушений к уголовным проступкам, или о существовании уголовного права в «широком» смысле // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 1 (6). С. 37–45.
15. Элькинд П. С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М.: Юридическая литература, 1967. 192 с.
16. Павлисова Т. Е. Метод уголовно-процессуального регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. 194 с.

17. Строгович М. С. Вопросы теории правоотношений // Советское государство и право. 1964. № 4. С. 51–61.
18. Курс советского гражданского процессуального права / под ред. А. А. Мельникова, П. П. Гуреева, А. А. Добровольского [и др.]. М.: Наука, 1981. 463 с.
19. Победкин А. В. О методе уголовно-процессуального регулирования // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С. 73–76.
20. Шумилин С. Ф. Полномочия следователя: механизм и проблемы реализации. М.: Экзамен, 2006. 382 с.
21. По делу о проверке отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М. И. Бондаренко: постановление Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 28-П // Собрание законодательства РФ. 2017. № 48. Ст. 7299.
22. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса: в 2-х т. М.: Наука, 1968. Т. 1. 170 с.

© Победкин А. В.

УДК 343.137.2.05(470+574)

А. А. ПРОКОПОВА, адъюнкт Академии управления МВД России (г. Москва)

A. A. PROKOPOVA, adjunct of the Academy of Management of the Interior Ministry of Russia (Moscow)

**ОТНОШЕНИЕ ОБВИНЯЕМОГО К ПРЕДЪЯВЛЕННОМУ ОБВИНЕНИЮ
КАК КРИТЕРИЙ УСКОРЕНИЯ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА
И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ГАРАНТИИ ЗАКОННОСТИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)**

**ATTITUDE OF THE ACCUSED TO THE ACCUSATION
AS A CRITERION FOR EXPEDITING PRE-TRIAL PROCEEDINGS
AND ITS INFLUENCE ON THE GUARANTEE OF THE LEGALITY
OF THE CRIMINAL PROCESS (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC
OF KAZAKHSTAN AND THE RUSSIAN FEDERATION)**

Аннотация. В статье анализируется проблема критерия дифференциации уголовно-процессуальной формы в целях ускорения судопроизводства. На основе анализа ускоренных досудебных производств Казахстана и России делается вывод о том, что объективного критерия дифференциации не существует. Ввиду объективной необходимости ускорения судопроизводства автор предлагает ориентироваться на относительно объективные критерии, из числа которых должно быть исключено отношение обвиняемого к предъявленному обвинению (согласие с обвинением, признание вины или неоспаривание обвинения, обстоятельств по уголовному делу). Позиция обвиняемого как критерий ускорения отрицательно сказывается на качестве доказывания, тем более что в большинстве случаев для ускорения судопроизводства он является избыточным и провоцирует должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, на отступление от требования законности.

Ключевые слова и словосочетания: вина, дифференциация, уголовно-процессуальная форма, досудебное производство, критерий дифференциации, признание вины (обвинения), упрощенные производства, ускоренные производства.

Annotation. *The article analyzes the problem of the criterion of differentiation of the criminal procedure form in order to expedite legal proceedings. Based on the analysis of accelerated pre-trial proceedings in Kazakhstan and Russia, the author draws the conclusion that there is no objective criterion for differentiation. In view of the objective need to expedite the proceedings, the author proposes to focus on relatively objective criteria, from which the attitude of the accused to the accusation should be excluded (consent to the accusation, pleading guilty or not challenging the accusation, circumstances of the criminal case). The position of the accused as a criterion for acceleration negatively affects the quality of evidence, especially since in most cases it is redundant for expedited legal proceedings and provokes officials who conduct criminal proceedings to derogate from the requirement of legality.*

Keywords and phrases: *guilt, differentiation, the criminal procedure form, pre-trial proceedings, differentiation criterion, guilty plea (charges), simplified proceedings, expedited proceedings.*

Современная тенденция движения к удешевлению и эргономичности уголовного судопроизводства на постсоветском пространстве с каждым годом набирает обороты. Специалисты активно обсуждают выгоду, в том числе экономическую, от различных средств и методов упрощения уголовного процесса, простоты разрешения уголовного конфликта и скорости восстановления нарушенных прав граждан.

Основным способом достижения цели экономичности, применяемым законодателем и поддерживаемым большинством ученых, является ускорение производств за счет упрощения их процессуальной формы. Однако значимое ускорение производства требует существенных отличий от общего порядка, иначе сроки производств заметно не сократить, а процедуру не упростить. Изъятия из общего порядка определяются в каждом случае и в каждой стране индивидуально, однако, поскольку надежная процессуальная форма характеризуется в целом однотипными гарантиями, те или иные из них ослабляются в зависимости от разных факторов (от исторических традиций до субъектного состава законодательных органов). Этими же факторами обусловлено и решение основного вопроса дифференциации процессуальной формы – о критериях ускорения производства. Проблема такого критерия – одна из самых концептуальных на протяжении десятилетий. Будучи актуальной и в дореволюцион-

ное, и в советское время, в России конца XX века она особо подчеркивалась в Концепции судебной реформы в РСФСР 1991 г. [1], однако даже относительно единого мнения о критерии дифференциации процессуальной формы в науке уголовного процесса до настоящего момента нет, хотя нет и недостатка в предложениях.

Н. С. Алексеев, В. Г. Даев, Л. Д. Кокорев, сочетая процессуальную и материальную составляющую, в качестве данного критерия предлагали: простоту, несложность, очевидность события преступления и сравнительно меньшую общественную опасность преступления [2, с. 35]. Р. Д. Рахунов в качестве оснований дифференциации выделял характер преступления, личность обвиняемого и сложность досудебной подготовки [3, с. 89], собственно также оставаясь в рамках материальной и процессуальной характеристики критерия.

М. Л. Якуб выделял следующие критерии дифференциации: степень общественной опасности преступления и тяжесть меры наказания за его совершение; степень сложности дел (фактической и правовой стороны); общественно-политическое значение дел, а также воспитательное и общепредупредительное воздействие процесса; значение преступлений для интересов отдельных лиц или организаций [4, с. 103]. В данном случае в составляющие критерия дифференциации, наряду с процессуальной и материальной, включается и социаль-

ная характеристика деяния. Достаточно полный обзор предлагаемых систем критериев дифференциации процессуальной формы проведен И. С. Смирновой [5, с. 65–69], разделившей их на две объективно существующие категории: уголовно-правовые (материальные) и уголовно-процессуальные.

Обратимся к тем, на основании которых в подавляющем большинстве случаев принимается решение об ускорении производства. К уголовно-правовым (материальным) критериям могут относиться: степень общественной опасности преступления; наказание, предусмотренное за совершение преступления; общественное и общественно-политическое значение дел и значение, которое имеет преступление для интересов обвиняемого или потерпевшего (заметим, что последний критерий скорее не материальный, а социальный). К уголовно-процессуальным критериям И. С. Смирнова отнесла: сложность (степень сложности) расследования уголовных дел и познания обстоятельств по уголовному делу; степень сложности разрешения как фактической, так и правовой стороны уголовного дела; его «ясность» и «несложность».

Д. П. Великий основания дифференциации уголовно-процессуальной формы делит на учитываемые: законодателем при создании разных форм (общественная опасность, личность обвиняемого и др.) и правоприменителем при выборе вида производства в определенной процессуальной форме (особая общественная значимость, согласие лица на применение данной формы и т. д.) [6, с. 47]. Полагаем, что предполагаемое разграничение оснований отнюдь не безусловно, законодатель определил критерии, а правоприменитель должен лишь устанавливать какие обстоятельства свидетельствуют о его наличии или отсутствии.

На основе изучения международного опыта О. В. Волынская сформулировала

вывод, согласно которому основаниями применения ускоренной процессуальной формы выступают либо перечень установленных в законе уголовно-наказуемых деяний (как в протокольном производстве по УПК РСФСР 1960 г.), либо установленный законом предельный размер санкций или конкретных категорий уголовно наказуемых деяний, либо определенная совокупность признаков, присущих уголовному делу [7, с. 13–14].

Некоторые ученые приоритетным критерием называют дифференциацию правовой ответственности, поскольку дифференциация процедуры прежде всего определяется материальным правом [8, с. 66], и предлагают предусмотреть в законе некие уголовные проступки [9, с. 84], которые рассматривают в качестве основания (критерия) применения ускоренного расследования [7, с. 23]. Проступок существовал в дореволюционной России согласно законодательным положениям Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г. Законодательство большинства европейских стран (Франция, Италия, Испания, Австрия, Германия) также содержит понятие проступка [10, с. 7]. Уголовные проступки предусмотрены законодателем в отдельных странах на постсоветском пространстве. В Казахстане в Уголовный кодекс 2014 г. введено понятие уголовного проступка и 156 составов, под него подпадающих. Новая редакция Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – УПК РК) 2014 г. была дополнена протокольной формой по уголовным проступкам, в настоящий момент активно применяющейся. В Кыргызстане разработан Кодекс о проступках Кыргызской Республики [11]. Согласно ст. 148 УПК Кыргызской Республики уголовно-процессуальная форма подразделяется на следствие, проводимое по преступлениям, и производство по делам о проступках [12]. В России также ак-

тивно обсуждается вопрос о введении в уголовное право понятия и перечня уголовных проступков [13; 14, с. 92–96; 15, с. 121–129].

Уголовный процесс зарубежных стран содержит схожие критерии ускорения производств. Ускоренное производство применяется к очевидным деяниям или преступлениям, не считающимся серьезными, и представляет собой порядок, в рамках которого совершение некоторых действий не требуется, или они упрощаются [16, с. 38]. В англосаксонской системе права критерием для применения ускоренных производств является лояльное отношение обвиняемого к предъявленному обвинению, в случае отсутствия спора – применение «сделок с правосудием» [17, с. 113]. Соглашения, заключаемые в ускоренном судопроизводстве континентального типа, сводятся исключительно к вопросам процедурного характера, т. е. сторонами определяются различные варианты процедуры рассмотрения дела, и в целом не затрагиваются уголовно-правовые аспекты обвинения [17, с. 113].

На наш взгляд, из всего массива предложенных критериев дифференциации процессуальной формы необходимо вычленить группы, в которые можно обобщить критерии по признаку объективности и субъективности. К объективным критериям следует отнести: состав преступления, тяжесть наказания и др. К субъективным: сложность дела, общественно-политическая значимость и т. д. Опираясь на субъективные критерии при решении о возможности использования процессуальной формы упрощенного типа весьма опасно, в данном случае применимы лишь объективные критерии, однако и они имеют различное значение и не всегда могут лечь в основу дифференциации производства.

Собственно говоря, абсолютно объективные критерии не найдены до настоящего момента, поскольку имеющиеся не отвечают требованию абсолютности

(преступление небольшой тяжести объективно может требовать расследования в общем порядке) [18, с. 128]. Поэтому меньше всего возражений вызывают относительно объективные: те, которые могут быть обозначены законодателем как позволяющие правоприменителю самостоятельно принимать решения, однако не в обязательном порядке, а при соответствующей реальной потребности в ускоренном производстве.

Сложность уголовного дела не может оцениваться по показателям тяжести преступления или размера грозящего наказания, поскольку любое, даже особо тяжкое преступление может быть совершено в условиях очевидности и не вызывать проблем в доказывании, при этом преступления небольшой и средней тяжести могут влечь большие затруднения в их расследовании [18, с. 125]. Еще одним критерием, который можно назвать относительно объективным, является отношение подозреваемого (обвиняемого) к обвинению. Несмотря на исторический опыт, он до сих пор является значимым аргументом в расследовании и активно используется законодателем как критерий упрощения уголовно-процессуальной формы, чаще в сочетании с другими относительно-объективными критериями: тяжести наказания или состава преступления [18, с. 127].

Анализ ускоренных досудебных производств в уголовном процессе России и Казахстана (дознание в настоящий момент фактически перестало быть ускоренной формой расследования в обоих государствах и поэтому автором в качестве такового не рассматривается) показал, что основанием для большей части указанных производств является признание (согласие, неоспаривание) лицом вины (обвинения), что дает возможность не проводить всестороннее, полное, объективное исследование обстоятельств дела и качественный сбор доказательств [19, с. 289]. Так, досудебное расследование в Казахстане может производиться

как предварительное следствие, дознание и в протокольной форме. Две первые формы досудебного производства могут проводиться в ускоренном порядке при наличии доказанности факта преступления, лица, его совершившего, признания им своей вины и размера ущерба (ст. 190 УПК РК).

Протокольная форма досудебного расследования имеет упрощенный режим доказывания, заключающийся в возможности производства следственных и процессуальных действий, фиксирующих следы уголовного правонарушения и иные доказательства вины подозреваемого лица, если их результаты не оспариваются участниками производства (ч. 2 ст. 527 УПК РК). Кроме указанных форм, в уголовном процессе Казахстана имеются также приказное производство и производство по делам с заключенной сделкой о признании вины, на наш взгляд, также являющихся ускоренными. Приказное производство осуществляется по преступлениям небольшой тяжести и проступкам, если доказан факт совершения противоправного деяния; подозреваемый не оспаривает имеющиеся доказательства, квалификацию преступления и причиненный ущерб, а иные участники дали согласие на применение приказанного порядка судопроизводства без исследования доказательств в суде [19, с. 287].

Процессуальное соглашение в форме сделки о признании вины распространяется на преступления небольшой, средней тяжести либо тяжкие преступления, если подозреваемый (обвиняемый) согласен с подозрением (обвинением) (п. 1 ч. 1 ст. 612 УПК РК). В этой связи в науке все чаще стали беспокоиться относительно реальности принципов уголовного судопроизводства, в частности, принципа презумпции невиновности, который может потерять свою всеобщность, сталкиваясь с процессуальным соглашением о признании вины. Признание подозреваемым вины здесь мо-

жет стать основной опорой обвинения, а полнота доказывания не обеспечивается, тем самым оставляя принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела (ст. 24 УПК РК) за границами расследования [20, с. 130]. Иначе говоря, данный критерий ставит под сомнение реализацию принципов уголовного судопроизводства и не только применительно к законодательству Республики Казахстан, но и к законодательству России, где дознание в сокращенной форме также проводится, если обвиняемый (подозреваемый) не оспаривает правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела, свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда.

Таким образом, позиция обвиняемого в ускоренных производствах как Казахстана, так и России является элементом критерия ускорения производства, способным влиять на полноценность реализации принципов уголовного судопроизводства, прежде всего принципа презумпции невиновности. С учетом привлекательности в правоприменении сокращенных форм расследования данное обстоятельство является крайне негативным фактором и способно привести к плачевным последствиям всю систему уголовной юстиции.

Остается непонятным, для чего законодатель уделяет большое внимание позиции обвиняемого (подозреваемого) в части признания (неоспаривания) значимых обстоятельств дела. Заметим, что в терминологии законодатель не строг. В процессуальных нормах, наряду с «признанием вины», фигурирует «согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением», «неоспаривание». Одни ученые отождествляют эти понятия, другие – разграничивают. К примеру, М. С. Строгович «признание вины» отождествлял с «признанием обвинения» [21, с. 68], а И. Л. Петрухин уравнивал согласие с

предъявленным обвинением с «полным признанием обвиняемым своей вины» [22, с. 25].

Л. Е. Владимиров отмечал, что признанием является сознание в совершенном преступлении, составляющем предмет обвинения, а признанием обвинения является признание обвинения с ограничениями или без таковых [23, с. 321]. Д. П. Великий пишет: «Признание своей вины содержит элементы покаяния, стремление примириться с обществом, потерпевшим, характеризует личность обвиняемого и в определенных случаях может служить обстоятельством, смягчающим ответственность» [24, с. 75]. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ «под обвинением следует понимать фактические обстоятельства содеянного обвиняемым, форму вины, мотивы совершения деяния, юридическую оценку содеянного, а также характер и размер вреда, причиненного деянием обвиняемого» [25].

Согласие обвиняемого с предъявленным обвинением, конечно, должно означать понимание им сути обвинения, согласие с квалификацией преступного деяния [26, с. 10]. Однако не только. Согласие с обвинением станет исключительной формальностью, если не будет включать: согласие с системой обвинительных доказательств и с виновностью в совершении преступления, т. е. не будет означать признание своей вины [27, с. 61]. А. К. Аверченко согласие с предъявленным обвинением подразделяет на: согласие с объективными признаками события вменяемого деяния; согласие с характером и размером вреда; согласие с изложенными в соответствующем документе формой вины, целью и мотивом деяния; согласие с изложенными признаками субъекта преступления; согласие с юридической квалификацией инкриминируемого; согласие с гражданским иском [28, с. 138].

Е. В. Богданов сравнивает между собой понятия «признание обвинения» и

«признание вины», обосновывая их фактическую равнозначность тем, что когда обвиняемого спрашивают, признает ли он свою вину, ответ рассматривают в двух значениях: как позицию, занимаемую им по отношению к предъявленному обвинению (признание обвинения) и как психическое отношение к содеянному (элемент субъективной стороны) [29]. Заметим, что если согласно такой аргументации поставить вопрос о «признании обвинения», то за рамками такого признания остается психическое отношение к содеянному («признание вины»).

Д. П. Великий при той же аргументации, напротив, разделяет данные категории, определяя признание вины как психическое отношение лица к совершенному деянию, а согласие с предъявленным обвинением – как отношение обвиняемого к фиксированной в процессуальных актах версии о его виновности: «признание вины имеет материально-правовое значение, а согласие с предъявленным обвинением – процессуальное» [24, с. 76], – пишет он. Существует мнение, что признание вины обвиняемым может иметь место только относительно совершенного преступления, а не самого обвинения, поскольку его согласие с юридической оценкой деяния не мешает в последующем данную оценку изменить [30]. Не стоит забывать, что само по себе деяние без учета квалификации по соответствующей норме закона не имеет юридического значения [31, с. 282], да и психическое отношение к деянию затруднительно выразить без ознакомления с квалификацией деяния.

Споры, ведущиеся учеными, не терминологические. Законодатель, предусматривая «согласие с обвинением», а не «признание вины» в качестве основания ускоренного производства, в истолковании правоприменителя вполне мог подразумевать формальное согласие с квалификацией деяния без реально-

го признания своей вины в содеянном. Еще острее ситуация, обусловленная возможностью ускоренного производства, если лицо «не оспаривает» значимых обстоятельств дела: в данном случае законодатель ориентирует правоприменителя на исключение проверки данных обстоятельств, если об этом не заявят участники производства. Данные положения фактически отменяют доказывание виновности вне зависимости, согласен ли подозреваемый (обвиняемый) с обвинением, признает ли он вину.

Таким образом, в уголовно-процессуальном законодательстве содержатся различные вариации отношения лица (подозреваемого, обвиняемого) к значимым обстоятельствам дела, учитываемым при применении ускоренных производств. Несмотря на указанные законодательные предписания относительно ускорения производства с учетом позиции обвиняемого (подозреваемого), доказательственная деятельность может осуществляться без опоры на признание лицом своей вины (подозрения, обвинения) как в общем, так и в ускоренном порядке производства. Так, правоприменительная практика свидетельствует, что при производстве первоначальных следственных действий следователь зачастую уже получает ту совокупность достаточных фактических данных, которые станут основой обвинения и найдут свое отражение в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого. Такие сведения могут содержать: информацию о событии преступления и иметь значение для квалификации преступления; указывать на отсутствие обстоятельств, устраняющих уголовную ответственность, и на лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого. Для чего же в таких случаях еще и ускорять производство, ориентируясь именно на согласие (признание, неоспаривание) с обвинением (подозрением)? Тем более странно ориентироваться на

согласие (признание, неоспаривание) с обвинением, если доказательств значимых обстоятельств по уголовному делу получить не удалось.

Соответственно, возникает сомнение в необходимости учета позиции обвиняемого при конструировании ускоренных производств. Если обосновать наличие данного условия возможностью сокращения предмета доказывания, то это очень «зыбкий путь». При отказе от системы полноценного доказывания, ориентации на признание вины объективно создаются риски незаконного воздействия на обвиняемого в целях получения его согласия с обвинением или попросту неоспаривания доказательств и обвинения. По мнению В. Л. Будникова, при производстве дознания в сокращенной форме еще большее число дознавателей будет стремиться к получению признания, потому как это будет упрощать их работу, что не может не сказаться на качестве расследования и способах получения признания [32, с. 44–45]. Аналогичное мнение высказывает и О. В. Качалова, указывая, что до настоящего времени существуют случаи использования незаконных методов расследования, «внепроцессуальных» бесед в отсутствие защитника, цель которых склонение к признанию вины и даче показаний [33, с. 145]. Акцент на согласительных элементах в ускоренных производствах также может провоцировать ложное признание (самооговор) [22, с. 26].

Недостижение предполагаемых объемов производства дознания в сокращенной форме в России (только четверть от общего числа уголовных дел, расследуемых в форме дознания) обусловлено в том числе и существенными гарантиями от самоговора (переход к дознанию в общем порядке в случае, если самооговор усмотрен прокурором, судьей; ходатайство о производстве дознания в общем порядке потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого).

В условиях применяемого законодателем критерия такие гарантии, действительно, необходимы. Однако они применяются «постфактум», когда незаконное воздействие на обвиняемого уже может быть оказано. Правоприменителю пора отходить от «едва ли не «генетически заложенного» стремления ориентироваться, прежде всего, на признание обвиняемым своей вины» [34, с. 107], а законодателю

следует создавать для этого необходимые условия. Гораздо более целесообразно было бы отказаться от такого критерия ускорения, как позиция обвиняемого, подзреваемого относительно обвинения и собранных доказательств, и ограничиться одним, относительно объективным критерием – перечень составов преступления, по которым допускаются ускоренные производства.

ЛИТЕРАТУРА

1. О концепции судебной реформы в РСФСР: постановление Верховного Суда РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. 252 с.
3. Рахунов Р. Д. Проблема единства и дифференциации уголовно-процессуальной формы // Вопросы борьбы с преступностью. 1978. № 29. С. 89–91.
4. Якуб М. Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М., 1981. 144 с.
5. Смирнова И. С. Критерии дифференциации основных уголовно-процессуальных производств // Вестник Омской юридической академии. 2015. № 1. С. 65–69.
6. Великий Д. П. Единство и дифференциация уголовно-процессуальной формы: история, современность, перспективы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 211 с.
7. Волынская О. В. Ускоренное производство в уголовном процессе (сравнительно-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. 24 с.
8. Петровская Е. Нужно ли изменять процессуальную форму в уголовном судопроизводстве // Социалистическая законность. 1974. № 8. С. 65–66.
9. Курляндский В. И. Неотвратимость наказания и борьба с преступностью // Советское государство и право. 1972. № 9. С. 81–87.
10. Рогова Е. В. Понятие и сущность уголовного проступка // Труды Академии управления МВД России. 2012. № 3 (23). С. 7–9.
11. Кодекс о проступках Кыргызской Республики: проект от 1 февраля 2017 г. № 18. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111529> (дата обращения: 24.02.2019).
12. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики: проект от 2 февраля 2017 г. № 20. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111530> (дата обращения: 24.02.2019).
13. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения особого порядка досудебного производства): проект Федерального закона (подготовлен МВД России, не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 31.01.2015) // СПС «КонсультантПлюс».
14. Гаврилов Б. Я., Милехин В. А. Перспективы совершенствования форм расследования преступлений подследственных органам дознания системы МВД России // Вестник экономической безопасности. 2018. № 2. С. 92–96.
15. Качалова О. В. Ускоренное досудебное производство по уголовным делам: перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 4 (89). С. 121–129.
16. Волеводз А. Г. Литвишко П. А. Упрощенное (ускоренное) уголовное судопроизводство в некоторых странах Европы // Российская юстиция. 2010. № 10. С. 38–41.
17. Качалова О. В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 482 с.

18. Победкин А. В. Уголовный процесс: состояние вне права: монография. М., 2013. 248 с.
19. Проколова А. А. Ускоренные досудебные производства в Республике Казахстан: важно найти объективный критерий // Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции. Ростов, 2019. С. 285–290.
20. Толубекова Б. Х., Хведелидзе Т. Б. Алогизмы нового уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан // Вестник КазНПУ имени Абая. № 4 (50). 2017. С. 127–133.
21. Строгович М. С. Признание обвиняемым своей вины в качестве судебного доказательства // Советское государство и право. 1982. № 4. С. 68–74.
22. Петрухин И. Роль признания обвиняемого в уголовном процессе // Российская юстиция. 2003. № 2. С. 24–26.
23. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф, 2000. 464 с.
24. Великий Д. П. Особый порядок судебного разбирательства: теория практика // Журнал российского права. 2005. № 6. С. 74–80.
25. О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 (ред. от 22 декабря 2015 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
26. Шепель В. С. Особый порядок производства // ЭЖ-ЮРИСТ. 2006. № 9. С. 5–10.
27. Кирьянов Ю. А. К совершенствованию нормативной регламентации судебного разбирательства в особом порядке // Российская юстиция. 2007. № 8. С. 59–62.
28. Аверченко А. К. О сущности и содержании согласия обвиняемого с предъявленным обвинением как основания производства в особом порядке. Томск: Изд-во Томского университета, 2015. С. 136–140.
29. Богданов Е. В. Спор о вине и теория допроса обвиняемого. URL: <http://pravoved.jurfak.spb.ru/Default.asp/?cnt=393> (дата обращения: 17.03.2020).
30. Абасов А. И. Показания обвиняемого в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1986. 27 с.
31. Победкин А. В. Уголовно-процессуальное доказывание. М., 2009. 416 с.
32. Будников В. Л. Признание обвиняемым своей вины не является доказательством // Российская юстиция. 2007. № 4. С. 44–45.
33. Качалова О. В. Ускоренные производства в уголовном процессе: есть ли предел дифференциации уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1 (62). С. 141–149.
34. Победкин А. В. Принцип свободы оценки доказательств и его влияние на законность досудебного производства // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1 (41). С. 104–108.

© Проколова А. А.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

УДК [351.712.2.032.3:336.226.322]:351.74.073(470)

Э. Х. РАХИМОВ, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа)

E. KH. RAKHIMOV, Head of the Chair of Civil-legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Docent (Ufa)

A. B. МОРИН, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

A. V. MORIN, Associate Professor, of the Chair Civil-legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Ufa)

НДС В КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

THE VAT IN CONTRACT SYSTEM: QUESTIONS OF LAW ENFORCEMENT

Аннотация. Статья посвящена отдельным проблемным вопросам уменьшения цены контракта с участником закупки, не являющимся плательщиком налога на добавленную стоимость. Авторы кратко характеризуют налог на добавленную стоимость, обращают внимание на разнообразие трактовки заказчиками положений налогового законодательства, а также законодательства о государственных закупках и анализируют сложившуюся судебную практику уменьшения цены контракта с указанными участниками закупки. Сделан вывод о том, что заказчик не должен выделять сумму НДС в контракте, поскольку его исчисление и уплата являются обязанностью поставщика, находящегося на общей системе налогообложения. Таким образом, цена контракта останется твердой, а каждый участник закупки самостоятельно исполнит свои обязанности налогоплательщика исходя налогового режима, на котором он находится.

Ключевые слова и словосочетания: заказчик, участник, контракт, налог на добавленную стоимость, упрощенная система налогообложения.

Annotation. The article is devoted to single problematic issues of reduction of the price of the contract with the procurement participant who is not the taxpayer on the value added. The authors briefly characterize the value added tax, pay attention to the variety of treatment customers of provisions of tax laws, and also legislation on public procurements and analyze the developed court practice of reduction of the price of the contract with the specified procurement participants. The conclusion is drawn that the customer shall not allocate the VAT amount in the contract as its calculation and payment are the duty of the supplier who is on the general system of the taxation. Thus, the price of the contract will remain firm, and each procurement participant will independently fulfill the duties of the taxpayer proceeding the tax regime on which it is.

Keywords and phrases: customer, participant, contract, value added tax, the simplified system of the taxation.

Налог на добавленную стоимость (далее – НДС) является федеральным косвенным налогом. Согласно п. 1 ст. 143 Налогового кодекса Российской Федерации [1] (далее – НК РФ) налогоплательщиками НДС в общем случае признаются организации, индивидуальные предприниматели, а также лица, признаваемые налогоплательщиками НДС в связи с перемещением товаров через таможенную границу Таможенного союза, определяемые в соответствии с таможенным законодательством Таможенного союза и законодательством Российской Федерации о таможенном деле.

Несмотря на то что НДС включает в себя несколько самостоятельных объектов налогообложения (п. 1 ст. 146 НК РФ), применительно к государственным закупкам нас интересует прежде всего «реализация товаров (работ, услуг) на территории Российской Федерации, в том числе реализация предметов залога и передача товаров (результатов выполненных работ, оказание услуг) по соглашению о предоставлении отступного или новации, а также передача имущественных прав».

Как уже говорилось ранее, НДС является косвенным налогом, особенностью которого, в отличие от другого вида – прямых налогов, является тот факт, что носитель налога и его плательщик являются разными лицами. При реализации товаров, работ и услуг (далее – ТРУ) возникает цепочка договорных связей, в которой каждый ее участник, являющийся плательщиком НДС, перечисляет в бюджет только ту часть налога, которая исчисляется от добавленной стоимости при движении (реализации) ТРУ (разница между так называемым «входным» и «выходным» НДС). Однако бремя уплаты всей суммы НДС в итоге ложится на конечного потребителя, так как итоговая стоимость товара сформирована с

учетом всех затрат каждого участника цепочки движения ТРУ, в том числе на уплату НДС.

Значимым для нас является то, что плательщиками указанного налога могут являться как организации, так и индивидуальные предприниматели. Однако если указанные субъекты применяют специальные налоговые режимы (например, упрощенную систему налогообложения (далее – УСН)), то плательщиками НДС они в большинстве случаев не являются. На сегодняшний день Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ) [2] предусмотрены одинаковые условия участия в закупках для индивидуальных предпринимателей и организаций вне зависимости от их организационно-правовой формы и используемой системы налогообложения. В этой связи особо остро на данный момент стоит вопрос о применимости положений вышеуказанного закона на всех этапах осуществления закупок ТРУ для обеспечения государственных и муниципальных нужд (формирования начальной (максимальной) цены контракта, оценки и сопоставления заявок, выбора победителя, заключения контракта с победителем и оплаты контракта) с учетом возможности уменьшения цены контракта с участником закупки, не являющимся плательщиком НДС.

Проблема заключается в том, что многие заказчики сегодня весьма стандартно подходят как к подготовке соответствующей документации, так и к подготовке самого проекта контракта, и не учитывают возможность подачи заявки участником, который не является плательщиком НДС. В этой связи контролирующими органами и судами выявляются разнообразные трактовки заказчиками

положений Закона № 44-ФЗ и НК РФ. В частности, нередки случаи, когда заказчики устанавливают требования о том, что контракт независимо от того, кто станет победителем, будет заключаться по цене, включающей в себя НДС. Примером тому может служить решение Омского УФАС России от 29.08.2016 № 03-10.1/220-2016 [3], в соответствии с которым жалоба была признана обоснованной, поскольку заказчик не вправе был принуждать к уплате НДС участника закупки, применяющего в силу главы 26.2 НК РФ упрощенную систему налогообложения. Поэтому действия заказчика противоречат ч. 2 ст. 34 и ч. 2 ст. 70 Закона № 44-ФЗ.

Имеют место и случаи установления в документации о закупке требования о снижении цены контракта, которую предложил участник на сумму НДС, в случае, если победитель не является плательщиком данного налога. Так, в решении Арбитражного суда Республики Северная Осетия – Алания от 18.11.2014 № А61-2186/14 [4] было отмечено, что заказчик заключает и оплачивает контракт по цене, предложенной победителем, независимо от того, какую систему налогообложения применяет последний. В ходе исполнения контракта его цена может быть снижена по соглашению сторон без изменения количества товаров, объема работ, услуг и иных условий. Таким образом, указанные выше действия заказчика до заключения самого контракта также являются нарушением ч. 10 ст. 70 Закона № 44-ФЗ.

Обратим внимание и на ситуации, в которых заказчик оплатил контракт исполнителю без учета НДС, ссылаясь на тот факт, что исполнитель не является плательщиком указанного налога, после того, как исполнитель контракта, применяющий УСН, предоставил заказчику счета на оплату оказанных услуг на сумму, равную цене контракта без выделения НДС. Разрешение указанной спорной ситуации содержится в Постановлении

Седьмого Арбитражного апелляционного суда от 28.03.2016 № 07АП-1505/2016 по делу № А67-7718/2015 [5]. В соответствии с ним заказчик, независимо от того, является поставщик плательщиком НДС или нет, должен был оплатить работы по установленной контрактом цене согласно аукционной документации.

Судебная практика отмечает и такой выявленный и противоречащий Закону № 44-ФЗ способ решения вопроса с НДС, как обращение заказчика в суд с требованием о взыскании части уплаченной по контракту суммы. В соответствии с Постановлением Пятнадцатого Арбитражного апелляционного суда от 27.08.2015 № 15АП-12729/2015 по делу № А53-10584/2015 [6] заказчику было отказано в удовлетворении требования, поскольку цена контракта является твердой и определяется на весь срок его исполнения.

Целесообразно отметить и тот факт, что в соответствии с решением Верховного Суда РФ от 09.12.2019 № АКПИ19-798 [7] по административному исковому заявлению администрации городского округа Нижняя Салда было признано недействующим письмо Федеральной антимонопольной службы (далее – ФАС) от 18.06.2019 № ИА/50880/19 «О разъяснении положений Закона № 44-ФЗ в части заключения государственного контракта с победителем закупки, применяющим упрощенную систему налогообложения». Сутью данного письма являлось то, что сославшись на письмо Министерства финансов РФ от 27.12.2017 № 24-03-08/87276, согласно которому при установлении начальной (максимальной) цены контракта заказчик должен учитывать все факторы, влияющие на цену (к их числу относятся и налоговые платежи, предусмотренные НК РФ), ФАС указала на необходимость установления заказчиком в проекте контракта вариативного условия о цене контракта «включая НДС/НДС не облагается», учитывая, что победителем закупки

может быть лицо, которое не является плательщиком НДС и применяет упрощенную систему налогообложения. Следует также подчеркнуть, что Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 19.03.2020 № АПЛ20-49 [8] оставило вышеуказанное решение Верховного Суда РФ без изменений.

Подводя итог рассмотрению спорных вопросов, возникающих при исчислении и уплате НДС по контрактам при закупках товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, отметим следующее:

– ст. 95 Закона № 44-ФЗ не предусмотрено право заказчика на корректирование цены контракта в части уменьшения ее на размер НДС, если исполнитель не является плательщиком соответствующего налога;

– правомерность исчисления и уплаты исполнителем в бюджет налога на добавленную стоимость не входит в компетенцию заказчика, а установленная в контракте стоимость оплаты выполненных работ является обязательством заказчика оплатить контракт в установленном размере при надлежащем его исполнении;

– анализируемое уменьшение цены контракта противоречило бы духу и букве гражданского, бюджетного и налогового законодательства Российской Федерации, следовательно, и самой Конституции РФ;

– целесообразным, возможным и достаточным нам видится указание за-

казчиком в проекте контракта ссылки на то, что НДС надлежит учитывать, только если подрядчик (поставщик, исполнитель) является его плательщиком;

– указанные нами выше «проблемные» суммы НДС, на наш взгляд, следует признавать исключительно прибылью участника закупки, не являющегося плательщиком налога на добавленную стоимость;

– исходя из анализа норм Закона № 44-ФЗ, заказчик, не являясь плательщиком НДС, не должен выделять сумму НДС в контракте, так как исчисление и уплата НДС – это обязанность поставщика (исполнителя, подрядчика), являющегося плательщиком НДС и находящегося на общей системе налогообложения. Именно в этом случае цена контракта остается твердой, соблюдается условие ч. 2 ст. 33 Закона № 44-ФЗ, а каждый участник закупки (контрагент) самостоятельно исполняет свои обязанности налогоплательщика исходя из того налогового режима, на котором он находится. Если же поставщик является плательщиком НДС, то ему надлежит выставить счет-фактуру, самостоятельно рассчитав и выделив в ней сумму НДС.

Очевидно, что споры по рассматриваемым вопросам не утихнут до тех пор, пока не будут внесены изменения в Закон № 44-ФЗ, по которым заказчик при формировании документации о закупке не будет иметь право по-своему усмотрению определять, выделять НДС в цене контракта или нет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

3. Решение Омского УФАС России от 29.08.2016 № 03-10.1/220-2016 // СПС «Консультант-Плюс».

4. Решении Арбитражного суда Республики Северная Осетия – Алания от 18.11.2014 № А61-2186/14 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/HONSWZLdKlZt/> (дата обращения: 12.05.2020).

5. Постановление Седьмого Арбитражного апелляционного суда от 28.03.2016 № 07АП-1505/2016 по делу № А67-7718/2015 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/HONSWZLdKlZt/> (дата обращения: 12.05.2020).

6. Постановление Пятнадцатого Арбитражного апелляционного суда от 27.08.2015 № 15АП-12729/2015 по делу № А53-10584/2015 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/HONSWZLdKlZt/> (дата обращения: 12.05.2020).

7. О признании недействующим со дня принятия письма ФАС России от 18.06.2019 № ИА/50880/19 «О разъяснении положений Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в части заключения государственного контракта с победителем закупки, применяющим упрощенную систему налогообложения»: решение Верховного Суда РФ от 09.12.2019 № АКПИ19-798 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Об оставлении без изменения решения Верховного Суда РФ от 09.12.2019 № АКПИ19-798, которым признано недействующим письмо ФАС России от 18.06.2019 № ИА/50880/19 «О разъяснении положений Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в части заключения государственного контракта с победителем закупки, применяющим упрощенную систему налогообложения»: апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 19.03.2020 № АПЛ20-49 // СПС «КонсультантПлюс».

© Рахимов Э. Х.

© Морин А. В.

УДК [351.712:339.186]:328.185(470)

Л. К. ФАЗЛИЕВА, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России, кандидат химических наук, доцент (г. Казань)

L. K. FAZLIEVA, Associate Professor of Civil Law Disciplines Chair of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor (Kazan)

Э. Н. ХИСАМУТДИНОВА, доцент кафедры экономической безопасности и налогообложения Казанского (Приволжского) федерального университета, кандидат экономических наук, доцент (г. Казань)

E. N. HISAMUTDINOVA, Associate Professor Department of Economic Security and Taxation of Kazan (Volga Region) Federal University, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor (Kazan)

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ,
ОБУСЛАВЛИВАЮЩИЕ НАЛИЧИЕ КОРРУПЦИОГЕННОГО ФАКТОРА
В СФЕРЕ ЗАКУПОК ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ НУЖД**

**THE PROBLEMS OF LEGAL REGULATION CAUSING
THE PRESENCE OF A CORRUPTION FACTOR IN THE FIELD
OF PROCUREMENT FOR STATE NEEDS**

Аннотация. В статье раскрываются актуальность и проблемы применения норм законодательства о закупках для государственных нужд, вызывающие коррупционные проявления. Коррупция выделена в списке основных угроз экономической безопасности, что свидетельствует о необходимости разработки эффективных механизмов противодействия коррупции, в частности, в сфере государственных закупок. Исследование содержит статистические данные объема государственных закупок и анализ итогов национального рейтинга прозрачности закупок. Подчеркивается, что выявление конфликта интересов представляет собой эффективное средство в противодействии коррупции в рамках контрактной системы государственных закупок. Однако законодательное закрепление понятия «конфликт интересов», предусмотренное Законом № 44-ФЗ, различается с термином, закрепленным в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Отмечено, что другим правовым инструментом предотвращения коррупции в изучаемой сфере является возбуждение ФАС России дел об административных правонарушениях. Авторами проанализированы некоторые решения ФАС России. Акцентируется внимание на том, что необходимым условием снижения уровня коррупционных проявлений в закупках товаров, работ, услуг является совершенствование правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова и словосочетания: закупки для государственных нужд, коррупция, участники закупок, прозрачные закупки, противодействие коррупционным проявлениям.

***Annotation.** The article deals with the relevance and problems of applying standards of the legislation on procurement for state needs, causing corruption. Corruption is the main threat to economic security which indicates the need to develop effective anti-corruption mechanisms, in particular in the sphere of public procurement. The research contains statistics on the volume of public procurement and analysis of the results of the national rating of procurement transparency. It is emphasized that the identification of the conflict of interests is an effective tool in combating corruption within the contract system of public procurement. However the legislative consolidation of the concept «conflict of interests» provided by the Law № 44-FL differs from the term enshrined in the Federal Law of December 25, 2008 № 273-FL «About anti-corruption». It is noted that another legal instrument for preventing corruption in the field of study is the initiation of cases of administrative offenses by the Federal Antimonopoly Service of Russia. The authors have analyzed some FAS Russia's decisions. The attention is focused on improvement of legal regulation as necessary condition of decreasing level of corruption manifestations in procurement of goods, works and services.*

***Keywords and phrases:** procurement for state needs, corruption, the bidders, transparent procurement, methods of combating corruption manifestations.*

Одной из форм угроз национальной и экономической безопасности в России является коррупция. В качестве приоритетной задачи в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года обозначена борьба с нецелевым использованием и хищением государственных средств, коррупцией. Введение коррупции в список основных угроз экономической безопасности свидетельствует о необходимости разработки эффективных механизмов противодействия коррупциогенным факторам, в частности, в сфере государственных закупок. Поэтому считаем, что создание условий, исключающих возможность сращивания интересов должностных лиц бизнес-структур и представителей государственных органов, профилактика и предупреждение формирования коррупционных схем их взаимодействия, является актуальным направлением реагирования на существующие коррупционные проявления.

По мнению В. А. Васенина, «закупки для государственных и муниципальных нужд – один из наиболее коррупционно-емких секторов экономики в силу вовлечения в него значительных финансовых ресурсов и стремления участников закупочной деятельности обогатиться ими зачастую противоправным способом» [1, с. 17]. В 2019 г. рынок государственных закупок показал рост в 15 %

до 9,6 трлн рублей (для сравнения в 2018 г. – 8,3 трлн руб.) [2]. Однако в 2019 г. Счетная палата РФ выявила при осуществлении государственных закупок около 1,2 тыс. нарушений (27 % от общего объема нарушений) на общую сумму 237,3 млрд руб. Среди наиболее часто встречающихся нарушений в указанной области являются «некорректное обоснование и определение начальной цены контракта, заключенного с единственным поставщиком, при решении сделать закупку у единственного поставщика или в результате бездействия в отношении недобросовестного поставщика услуг» [3].

Рейтинг прозрачности закупок разделен на 5 секций участников по типу и уровню осуществления заказов (государственные и муниципальные заказчики, а также организации и унитарные предприятия). Среди 363 крупнейших заказчиков России, согласно рейтингу прозрачности закупок в 2019 г., органы государственной власти по уровням шкалы прозрачности распределяются следующим образом (см. рис. 1): сегмент участников в положительном диапазоне, т. е. на уровнях «гарантированная прозрачность» и «высокая прозрачность», составила 41, 5%, в отрицательном диапазоне («базовая прозрачность» и «низкая прозрачность») – 34, 2%, в нейтральном («средняя прозрачность») –

24,3 % [4]. Так, лидерами рейтинга, получившими наивысшую оценку «гарантированная прозрачность» стали: среди класса федеральных государственных закупщиков – Федеральное агентство по туризму, класса региональных государственных закупщиков – г. Москва, Республика Татарстан, класса муници-

пальных государственных закупщиков – Московская область, г. Владивосток, унитарные предприятия – ГУП города Москвы «Мосгортранс», корпоративные заказчики – госкорпорация «Росатом». Получили статус низкий уровень прозрачности – Министерство сельского хозяйства РФ, Республика Коми и др.

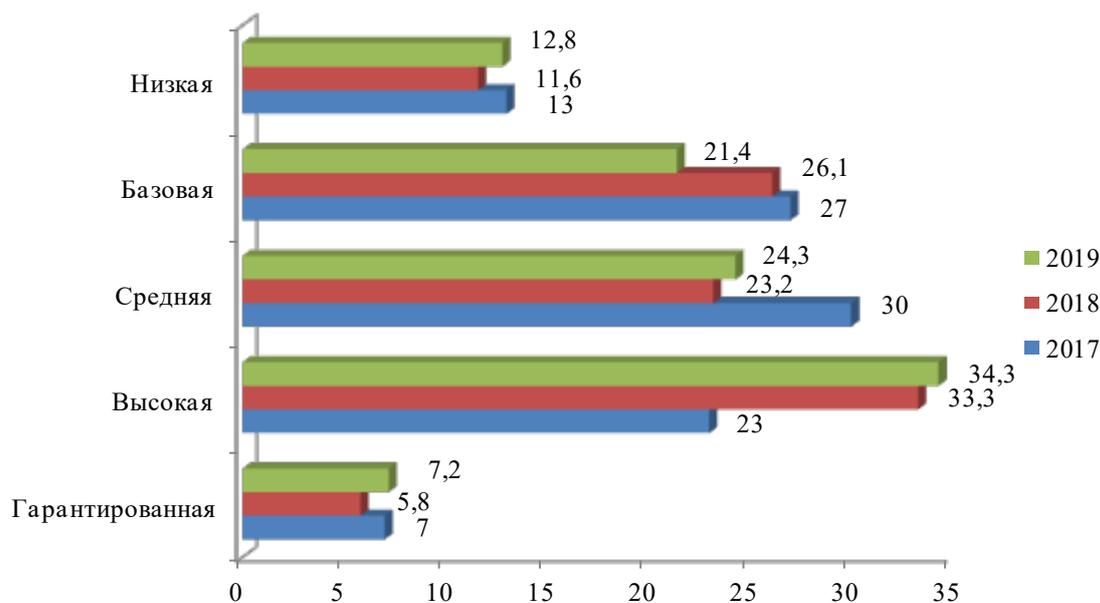

Рис. 1. Национальный рейтинг прозрачности государственных закупок (2017–2019 гг.)

За исследуемый период (июль 2018 г. – июнь 2019 г.) в структуре прозрачности федеральных заказчиков наблюдается увеличение сегмента лидеров рейтинга на 20 % и класса закупщиков с уровнем «высокая прозрачность» – на 6 %. Не произошло почти никаких изменений в нейтральной области. «Базовая прозрачность» снизилась на 17 %, при этом «низкая прозрачность» увеличилась на 12 %.

Низкий уровень прозрачности государственных закупок, в конечном итоге, может свидетельствовать о наличии коррупционных проявлений в рассматриваемой сфере, что ведет к колоссальным потерям из государственного бюджета, а именно 227,86 млрд рублей с учетом инфляции (для сравнения в 2018 г. – 89,61 млрд руб.). По мнению

В. Симоненко, высокий уровень потерь в 2019 г. связан с существенным увеличением разницы снижения начальной минимальной цены при одной и двух заявках и с изменением структуры контрактов, заключенных по несостоявшимся закупкам. В условиях низкой конкуренции при одной допущенной заявке электронная форма закупок является малоэффективной. Экономическая эффективность электронной формы закупок, по сравнению с неэлектронной формой, увеличивается при стабильном уровне конкуренции от 3-х и более допущенных участников на закупку. Поэтому в 2019 г. были внесены изменения в российское законодательство относительно перевода в электронный вид всех закупочных процедур и усиления контроля за закупками среди малых и средних предприятий.

На законодательном уровне закреплены меры, направленные на снижение коррупционных составляющих в сфере закупок, товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Перечислим эти антикоррупционные меры: обязательное общественное обсуждение закупок (ст. 20 Закона № 44-ФЗ); общественный контроль за соблюдением законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов о контрактной системе в сфере закупок (ст. 102 Закона № 44-ФЗ); запрет на членство в комиссиях по осуществлению закупок лиц, заинтересованных в результатах процедур определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) (ст. 39 Закона № 44-ФЗ).

Информационная открытость закупочного процесса является основным принципом антикоррупционных мер. Заказчики всех уровней должны проводить общественное обсуждение закупок. Основаниями проведения обязательного общественного обсуждения являются целесообразность осуществления закупки; рассмотрение и обоснование плана-графика закупки.

Правила проведения общественных обсуждений установлены лишь для осуществления закупок, начальная цена контракта которых превышает 1 млрд рублей. Однако существуют 4 основания, когда указанные правила не применяются: 1) закрытый способ определения поставщика (подрядчика, исполнителя); 2) государственный оборонный заказ; 3) выполнение работ по строительству, реконструкции, капитальному ремонту, сносу объекта капитального строительства (ч. 2 ст. 63 Закона № 44-ФЗ); 4) проведение повторного конкурса, электронного аукциона (ч. 4 ст. 71 Закона № 44-ФЗ). Региональное законодательство может устанавливать дополнительные случаи, когда общественное обсуждение закупок обязательно.

В результате публично-правовые образования в соответствии с законода-

тельством о контрактной системе выступают не только в роли заказчика, но и осуществляют деятельность, направленную на стимулирование добросовестной конкуренции при размещении государственного (муниципального) заказа, которая в конечном итоге должна привести к эффективному расходованию бюджетных средств.

Одним из способов, направленных на снижение коррупционных рисков и других злоупотреблений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, является противодействие конфликту интересов. Отметим, что понятие конфликта интересов, предусмотренное Законом № 44-ФЗ, различается с термином, закрепленным в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». По содержанию понятие, указанное в Законе № 44-ФЗ, не включает процесс взаимодействия заказчика с иными лицами. На несогласованность этих определений обращали внимание и другие исследователи (например, Е. А. Свиных). Верховный Суд РФ допускает признание конфликта интересов между участником закупок и заказчиком, на стороне которого выступают должностные лица, не указанные в п. 9 ч. 1 ст. 31 Закона № 44-ФЗ [5].

Существует обширная аргументация исследователей относительно дефиниции «конфликт интересов». Наиболее привлекательным в сфере госзакупок является точка зрения Д. И. Дедова, в которой понятие «конфликт интересов» рассматривается как «противоречие между интересами, которые защищены правом и должны быть удовлетворены действиями другого уполномоченного лицом лица и личными интересами этого уполномоченного» [5, с. 1].

Отношение «принципал – агент» позволяет выявить механизм конфликта интересов и предусмотреть нормы, направленные на его противодействие. Лицо, привлекаемое принципалом для удовлет-

ворения своих целей – это агент. В функции принципала входит наделение агента рядом полномочий и предоставление ему определенной свободы усмотрения.

При рассмотрении вышеописанных отношений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд становится очевидным, что агентом выступает государственный заказчик, а принципалом – публично-правовые образования. Поставщики (подрядчики, исполнители) выполняют роль субагентов. В тех случаях, когда интересы агента и субагента расходятся с интересами принципала, возникает конфликт интересов. На законодательном уровне предусмотрен специальный субъектный состав возникновения конфликта интересов при осуществлении государственных закупок товаров, работ, услуг (п. 9 ч. 1 ст. 31, ч. 5 ст. 40, ч. 2 ст. 41 Закона № 44-ФЗ).

Осуществление мер предотвращения или урегулирования конфликта интересов возложено на комиссию по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов, положение о которой утверждено Указом Президента РФ от 01.07.2010 № 821. В частности, основанием для проведения заседания комиссии является уведомление должностного лица (госзаказчика, специализированной организации, уполномоченного органа), эксперта о появлении личной заинтересованности при исполнении своих полномочий, которая послужит или может послужить возникновению конфликта интересов. После рассмотрения уведомления комиссия осуществляет подготовку рекомендательного мотивированного заключения. Так, в Постановлении Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 11.10.2019 по делу № А19-2680/2019 комиссия по осуществлению закупок, располагая информацией о наличии между участником закупки и заказчиком конфликта интересов, не при-

няла решения об отклонении заявки, хотя было установлено, что контрактный управляющий заказчика и учредитель юридического лица – исполнителя контракта, владеющий 50 % уставного капитала, являются одним лицом. Поэтому решением правоприменительного органа электронный аукцион в соответствии с п. 2 ст. 168 ГК РФ признан ничтожным, так как проведен с нарушением требований п. 9 ч. 1 ст. 31 Закона № 44-ФЗ.

Другим контролирующим органом в сфере государственных закупок товаров, работ, услуг является ФАС России, осуществляющий плановые и внеплановые проверки по соблюдению антикоррупционного законодательства. В 2020 г. ФАС России выявил ущемление прав участников при определении поставщика (подрядчика, исполнителя). Так, в Решении ФАС от 07.04.2020 № 056 указано, что участники аукциона не обязаны предоставлять артикулы товаров, так как они не относятся к функциональным, техническим и качественным характеристикам товаров. ФАС России отметил, что указанное требование не соответствует положениям ч. 5 ст. 67 Закона № 44-ФЗ о контрактной системе [7].

В другом решении ФАС России от 11 декабря 2017 г. № 223ФЗ-1009/17 (закупка № 31705317259) установил, что критерием допуска к участию в закупке и подтверждением надлежащего выполнения работ не могут являться требования, предъявляемые к субъектам-участникам закупок об опыте выполнения договоров (в объеме не менее 26 000 м³ за 36 месяцев, предшествующих дате подачи заявки), кадровых ресурсов (профессиональных работников, имеющих свидетельства (сертификаты) на право работы с опасными отходами 1-го класса опасности), материально-технических ресурсов (права собственности или иного законного права (аренды, лизинга, договора оказания услуг) на оборудование для выполнения работ в соответствии

с предметом закупки) [8]. В закупке № 0773100000217000017 ФАС России определил неправомерное условие о необходимости субъекту заявки иметь выписку из реестра членов саморегулируемой организации, предоставленную не ранее чем за один месяц до даты окончания срока подачи заявок к участию в конкурсе. ФАС России отметил, что указанное требование не соответствует положениям Закона № 44-ФЗ [9].

Вышерассмотренные решения ФАС России доказывают, что заказчик при установлении вышерассмотренных критериев допуска к участию, ограничивает количество субъектов закупки, тем самым нарушая требования ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – Закон № 223-ФЗ). Кроме этого, установление заказчиками указанных требований к поставщикам (подрядчи-

кам, исполнителям) вступает в противоречие с п. 2 ч. 1 ст. 3 Закона № 223-ФЗ.

Таким образом, коррупция в системе закупок для государственных и муниципальных нужд – сложное и многоплановое явление, требующее разрешения на различных уровнях власти. Для устранения дефектов правового регулирования в нормативной базе, регламентирующей процесс государственных и муниципальных закупок, считаем целесообразным предусмотреть дефиницию понятий «участник закупки» и «заинтересованное лицо», что позволит повысить уровень прозрачности государственных закупок и тем самым снизить уровень коррупционных проявлений в данной сфере. Кроме этого, цифровизация гражданского оборота создает предпосылки осуществления мониторинга информации о закупочной деятельности с целью выявления скрытой аффилированности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васенин В. А. Противодействие коррупции в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд // Законность. 2017. № 9. С. 17–21.
2. Объем госзакупок в РФ в 2019 г. вырос на 15 % до 9,6 трлн рублей. URL: <https://prozakupki.interfax.ru/articles/1589> (дата обращения: 07.05.2020).
3. Счетная палата выявила нарушения на 890 млрд руб. URL: <https://www.interfax.ru/business/699672> (дата обращения: 07.05.2020).
4. Национальный рейтинг прозрачности закупок. URL: <https://www.nrpz.ru/> (дата обращения: 07.05.2020).
5. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о применении п. 9 ч. 1 ст. 31 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 2.
6. Дедов Д. И. Конфликт интересов: монография. М.: Волтерс Клувер, 2004. 288 с.
7. Решение Федеральной антимонопольной службы от 7 апреля 2020 г. № 056. URL: <http://www.zakupki.gov.ru/> (дата обращения: 07.05.2020).
8. Судебная и административная практика // Вестник Института госзакупок: электронный журнал. 2018. № 1. С. 10–13. URL: <http://ros-zakupki.ru/publications> (дата обращения: 07.05.2020).
9. Судебная и административная практика // Вестник Института госзакупок: электронный журнал. 2019. № 12. С. 8–11. URL: <http://roszakupki.ru/publications/list.php?sec=219> (дата обращения: 01.12.2019).

© Фазлиева Л. К.

© Хисамутдинова Э. Н.

**КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК 343.985.7:343.61(470)

Р. М. АБЫЗОВ, профессор кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Барнаул)

R. M. ABYZOV, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored lawyer of the Russian Federation (Barnaul)

Д. А. МИХАЛЕВА, доцент кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Барнаул)

D. A. MIKHALEVA, Assistant Professor of the Chair of Criminology of Barnaul law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of law, Associate Professor (Barnaul)

**К ВОПРОСУ ОБ ЭЛЕМЕНТАХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ
ХАРАКТЕРИСТИКИ И ИХ ВЗАИМОСВЯЗИ ПО ФАКТАМ УГРОЗЫ
УБИЙСТВОМ ИЛИ ПРИЧИНЕНИЕМ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ**

**TO THE QUESTION OF THE ELEMENTS OF FORENSIC CHARACTERISTICS
AND THEIR RELATIONSHIP TO THE FACTS OF DEATH THREATS
OR CAUSING SERIOUS HARM TO HEALTH**

***Аннотация.** Статья посвящена рассмотрению элементов криминалистической характеристики угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Существенно то, что в статье авторами уделено внимание корреляционной связи элементов, их значению для раскрытия и расследования рассматриваемой категории преступлений, а также таким элементам криминалистической характеристики данных преступлений, как обстановка совершения преступления, способ совершения и механизм слеодообразования, типичная личность преступника и потерпевшего. В статье говорится об особенностях обстановки совершения преступления, особенно в семейно-бытовой сфере, а также предлагается классификация способов совершения преступления на непосредственные и опосредованные. Рассмотрена взаимосвязь этих элементов, что позволяет выдвинуть версии произошедшего события и разработать алгоритм действий в сложившейся криминалистической ситуации.*

***Ключевые слова и словосочетания:** угроза убийством, причинение тяжкого вреда здоровью, криминалистическая характеристика преступлений, взаимосвязь элементов, значение элементов.*

Annotation. The article is devoted to the consideration of the elements of forensic characteristics of death threats or causing serious harm to health. It is significant that the authors paid attention to the correlation of the elements, their importance for the investigation and reporting of crimes and also such elements of forensic characteristics of crimes, as the environment commission of the crime, *modus operandi* and mechanism of trace formation typical of the identity of the offender and the victim. The article deals with the specifics of a crime scene, especially in the family and household sphere, and also offers a classification of methods of committing a crime into direct and indirect. The relationship of these elements is considered so that it allows to put forward versions of the event and to develop an algorithm of actions in the current forensic situation.

Keywords and phrases: threat of murder, causing serious harm to health, forensic characteristics of crimes, relationship of elements, meaning of elements.

В структуре методики расследования преступлений криминалистическая характеристика преступлений имеет определяющее значение, так как она является основой для выдвижения версий по расследуемому преступлению. Значительное количество научных работ посвящено сущности, структуре и содержанию элементов криминалистической характеристики преступлений, в то время как закономерные связи, существующие между ее элементами, анализируются недостаточно полно. Между тем именно раскрытие всех реально существующих закономерных связей между элементами криминалистической характеристики преступлений, научное обобщение и приведение данных о них в единую систему является одним из важных направлений научных исследований. Так, применительно к фактам угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью возможно говорить о системе отношений «обстановка совершения – способ совершения и механизм слеодообразования – личность преступника».

Выделим наиболее важные элементы и рассмотрим их во взаимосвязи.

Обстановка совершения преступления. Значительная часть угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью совершается на бытовой почве, поэтому целесообразно определить границы сферы семейно-бытовых отношений, в которой возможны подобные преступления. Сос-

тавными элементами быта являются брачно-семейные отношения, родство, дружба, близкие дружеские отношения, соседство. Исходя из имеющихся в научной литературе понятий и практики, можно выделить общие признаки бытового преступления:

1. Сфера противоправного поведения. Например, семейно-бытовые отношения (между супругами, сожителями, совместно проживающими родственниками); жилищно-бытовые отношения (между соседями по постоянному либо временному месту жительства либо пребывания); досуговые отношения (совместный отдых в барах, ресторанах, на стадионах, концертных площадках и др.).

2. Наличие конфликтной ситуации, возникшей в результате противоположных интересов и обострения противоречия между участниками бытовых отношений, которая разрешается противоправным способом. Так, 24 июля 2019 г. с 19:00 до 20:17 Ф. в состоянии алкогольного опьянения, держа в левой руке предмет, внешне похожий на топор, который ранее взял на усадьбе дома, высказал слова угрозы убийством в адрес Ф., Р., и Ф. Они, видя агрессивный настрой Ф., его физическое превосходство и не имея возможности оказать сопротивление и убежать, высказанную в их адрес угрозу убийством восприняли реально, а предмет в руках Ф., внешне похожий на топор, как предполагаемое орудие убийства, и опасались за свою жизнь и здоровье [1].

3. Конфликтная мотивация бытового правонарушения (мотивы мести, ревности, ссоры, личной неприязни, режы – хулиганские побуждения, корысть).

Место совершения преступления. Большинство угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью совершается в городах, поселках городского типа, что связано с большим количеством проживающих в них людей. Наиболее распространенными местами совершения являются квартиры, частные дома, общежития, дачные участки, бары, стадионы и пр., т. е. в места, связанные с бытовой деятельностью людей и досугом. Так, 29 мая 2019 г. с 07:00 до 09:00 К. в состоянии алкогольного опьянения находился в кухне дома, где на почве личных неприязненных отношений взял в правую руку нож и, замахнувшись клинком ножа на П., высказал в ее адрес угрозу убийством. П., видя агрессивный настрой К., учитывая его физическое превосходство, состояние алкогольного опьянения, а также то, что он своими действиями показал, что готов привести угрозу убийством, высказанную в ее адрес, в исполнение, восприняла ее как реальную опасность для своей жизни и здоровья, а нож в руках – как предполагаемое орудие убийства [2].

Время совершения преступления. Изучение уголовных дел об угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью показывает, что основная масса семейно-бытовых конфликтов совершается в праздничные (предпраздничные), выходные дни, преимущественно с 18:00 до 06:00 часов. Способ совершения угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью можно разделить на две группы:

1. Непосредственный способ:

1.1. Вербальная угроза, высказанная устно при непосредственном обращении преступника к жертве путем произнесения слов (например: «Я уничтожу тебя», «Убью тебя, готовься к похоронам», «Умри, сдохни, я убью

тебя» и пр.). При этом вербальная угроза, может сопровождаться:

– демонстрацией оружия или иных предметов; производством с указанными предметами каких-либо действий: замахивание, выполнение рубящих и колющих движений, приставление его к частям тела, выстрелы в воздух и т. д. Так, Х. находился в сильном алкогольном опьянении и был агрессивен, начал наносить удары в область головы Г., затем достал нож и закричал, что будет резать ее. Потерпевшая испугалась за свою жизнь и закрыла лицо руками. Х. замахнулся ножом и, задев ее кончиком ножа по подбородку и правой ноге, сказал: «Зарежу». Потерпевшая плакала и просила Х. успокоиться, он ткнул ножом в стену, затем переломил его [3];

– применением физической силы;

– высказыванием угрозы по телефону непосредственно жертве или третьим лицам через сеть «Интернет» (с использованием Web-камер) либо посредством видеозвонка с использованием различных мессенджеров и др.

1.2. Невербальная угроза – это угроза без произнесения слов (производство выстрелов в воздух, передергивание затвора, направление заряженного ружья в сторону жертвы и пр.) [4].

2. Опосредованный способ:

– письменная угроза, зафиксированная на каком-либо материальном носителе (записка, письмо), выполненная рукописным способом или в печатном виде;

– путем передачи угрозы в сообщении по мобильному телефону жертве или через третьих лиц; в сети «Интернет» (социальные сети, электронная почта, система быстрых сообщений и т. д.) без визуального контакта. Так, Ч. в качестве орудия совершения преступления выбрал принадлежащий ему мобильный телефон марки «SAMSUNG GT-S 5830i» с установленной в нем сим-картой, имеющей абонентский номер, в качестве спо-

соба совершения преступления – СМС-сообщение, направил на номер потерпевшей информацию, создавая у последней чувство страха за свою жизнь и здоровье [4];

– путем вручения предметов, устрашающих жертву (трупа и частей трупа животного, принадлежащего жертве; похоронной атрибутики – венка, гроба и др.). Так, Ч. 11 апреля 2013 г. высказывал потерпевшей реальные угрозы, позже положил на её диван похоронный венок с лентой, на которой было написано: «Вечная память. Помним, скорбим». Учитывая агрессивное поведение сожителя, Ч. восприняла угрозу реально и боялась ее реализации [4]. Результаты исследований показывают, что абсолютное большинство угроз заподозренными высказываются устно в присутствии пострадавшего.

Механизм слеодообразования. Анализ практики свидетельствует, что к материальным следам по фактам угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью относятся: следы в виде телесных повреждений на теле пострадавшего и преступника. При опосредованном способе совершения угрозы к следам можно отнести информацию, сохранившуюся на технических средствах (скриншоты переписки жертвы и заподозренного с компьютера, детализация соединений между абонентами с сотовых телефонов и др.). К идеальным следам относятся запечатленные в памяти данные о криминальном событии очевидцев, непосредственно наблюдавших событие преступления и его последствия (слышали выстрелы, вызывали сотрудников полиции на скандал, наблюдали психологическое состояние пострадавшего после совершения преступления и пр.); членов семьи (дети, родители), знакомых, соседей, которые могут охарактеризовать как пострадавшего, так и заподозренного; сотрудников полиции, которые выезжали на место преступления либо собирали материалы предварительной проверки по

факту угрозы; пострадавшего и самого заподозренного.

Типичная личность преступника. Угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью чаще всего совершают мужчины, состоящие в родственных отношениях с жертвой (мужья, сожители, взрослые дети и др.), в возрасте старше 30 лет, ранее судимые за совершение преступлений против личности. Причинами совершения угрозы являются в основном систематическое пьянство мужа или сожителя, скандалы и нанесение побоев, в меньшей степени – ревность, хулиганские побуждения, неправильное отношение к воспитанию детей. Так, неоднократно судимый Ч. по преступлениям против личности признан виновным в совершении трех фактов угрозы убийством и причинением тяжкого вреда здоровью в отношении своей сожительницы Ч. на почве ревности [4].

Типичная личность потерпевшего. Пострадавшими по данным фактам чаще всего становятся женщины (жены, сожительницы или престарелые матери виновных). В большинстве случаев преступники состоят с жертвами в каких-либо бытовых отношениях (это супруги, родственники, лица, проживающие с ними в одном доме или на одной улице). Так, К., который находился в состоянии алкогольного опьянения, стал выпрашивать у сожительницы деньги, чтобы приобрести спиртное, на что она ему ответила отказом. В связи с этим К. стал кричать на нее и вести себя агрессивно. Затем К. взял в руку кухонный нож с рукояткой коричневого цвета, который лежал на кухонном столе, и стал приближаться к ней, подняв вверх руку, в которой держал нож, и замахнулся на нее острием ножа. При этом К. закричал в ее адрес: «Я тебя убью!» [1].

Таким образом, знание элементов криминалистической характеристики угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью позволяет вос-

создать картину преступления, выдвинуть версии произошедшего события и разработать алгоритм действий в сложившейся ситуации. Полагаем, что су-

ществующие закономерные связи между отдельными элементами криминалистической характеристики преступлений взаимозависимы друг от друга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Обвинительный акт по уголовному делу № 11901010035000238 по обвинению Ф. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 119 УК РФ // Отдел дознания ОМВД России по Смоленскому району Алтайского края.
2. Обвинительный акт по уголовному делу № 11901010035000166 по обвинению К. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 119 УК РФ // Отдел дознания ОМВД России по Смоленскому району Алтайского края.
3. Приговор по уголовному делу 1-29/13 Мирового суда Тимашевского района Краснодарского края. URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-timashevskii-raionnyi-sud-krasnodarskii-krai/> (дата обращения: 15.01.2020).
4. Приговор по уголовному делу 1-2/2017 Мирового суда Шегарского района Томской области. URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-timashevskii-raionnyi-sud-krasnodarskii-krai/> (дата обращения: 15.01.2020).

© Абызов Р. М.

© Михалева Д. А.

УДК 342.924:343.985.7(476)

Б. В. АСАЁНОК, начальник цикла гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин кафедры юридических дисциплин факультета внутренних войск Военной академии Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент (г. Минск)

B. V. ASAYONOK, Head of the Cycle of Civil-Legal and Criminal-Legal Disciplines of the Chair of Law Disciplines of the Internal Troops Faculty of the Military Academy of Republic of Belarus, Candidate of Law, Associate Professor (Minsk)

АДМИНИСТРАТИВНО-ЮРИСДИКЦИОННОЕ ДЕЙСТВИЕ КАК ОБЪЕКТ И СРЕДСТВО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

ADMINISTRATIVE AND JURISDICTIONAL ACTION AS AN OBJECT AND MEANS OF CRIMINALISTIC KNOWLEDGE

Аннотация. Данная статья посвящена теоретическим и методологическим вопросам криминалистического обеспечения стадии начала административного процесса. Особенностью данной стадии является то, что наиболее частым способом выявления и пресечения

административных правонарушений является административно-юрисдикционное действие. Однако криминалистические подходы к рассмотрению данного действия пока еще не разработаны в должной степени, что влияет на эффективность борьбы с административными правонарушениями.

Ключевые слова и словосочетания: административно-юрисдикционное действие, административный процесс, криминалистическое познание, объект криминалистического познания, средства криминалистического познания.

Annotation. This article is devoted to theoretical and methodological issues of forensic support at the beginning of the administrative process. The peculiarity of this stage is that the most common way to detect and suppress administrative offenses is an administrative-jurisdictional action. However, forensic approaches to the consideration of this action have not yet been developed to the proper extent, and it affects the efficiency of the fight against administrative offenses.

Keywords and phrases: administrative and jurisdictional action, administrative process, forensic knowledge, object of forensic knowledge, means of forensic knowledge.

Криминалистический анализ административно-юрисдикционной деятельности (далее – АЮД) и составляющих ее элементов в настоящее время не привлекает достаточного внимания ученых-криминалистов. Ниша изучения данного вида деятельности в большей мере занята специалистами в сфере административного права и административного процесса. Опираясь на их работы, следует обратить внимание на то, что объект и предмет их исследования далеко не всегда соответствуют выдвигаемым целям и задачам, применяемым для их достижения методам и средствам. Говоря об организации и тактике выявления и пресечения административных правонарушений на стадии начала административного процесса, любое исследование в рамках этой специальности сталкивается с ограниченностью своей методологии.

Результатом таких исследований становятся работы, в которых придумывается «новый» и не в полной мере соответствующий предмету исследования категориальный аппарат, а сами результаты не могут быть применены в практической деятельности. Именно поэтому в данной работе предлагается несколько иной взгляд, основанный на криминалистическом подходе к АЮД. Одним из базовых элементов такого подхода является криминалистическое познание сути и элементов АЮД, раскрытие ее кримина-

листического потенциала в борьбе с административными правонарушениями. Криминалистическое познание – есть частный аспект юридического познания действительности, которое являет собой часть научного познания окружающего мира.

Юридическое познание в полной мере обладает спецификой, определяемой и своим предметом, и используемыми для его познания средствами и методами. Юридическое познание подразделяется на процессуальное и непроцессуальное, имеет и тактические аспекты. Именно этим видами юридического познания чаще всего приходится оперировать при обращении к познанию криминалистическому. Имея в виду различные аспекты развития криминалистической науки, И. В. Александров ставит вопрос о системной унификации криминалистических рекомендаций к различным областям правоприменения и криминалистического обеспечения органов правоприменения [1, с. 27]. Это можно отнести и к АЮД. Но проводимые исследования не должны, создавая новые конструкции, уводить исследователей от конкретных задач, связанных с выявлением и пресечением правонарушений. И если вопросы организации и тактики есть часть криминалистического познания, то в русле этой науки и следует осуществлять юридическое познание рассматриваемых

аспектов борьбы с административными правонарушениями. Еще одним важным аспектом является то, что в юридическом познании посредством методологии административного права критерий оценки достоверности получаемой информации разработан значительно меньше, чем это сделано криминалистикой. Криминалистические средства и методы в большей степени подходят для того, чтобы обеспечить надлежащий уровень достоверности получаемых в административном процессе доказательств.

Такой выход за пределы классической предметной области криминалистики не только возможен, но и закономерен, поскольку криминалистическое познание имеет одни и те же общие принципы относительно любой противоправной деятельности. Раскрывая в своей работе эти принципы, В. Н. Терехович и Э. В. Ниманде обращают внимание на содержание принципа соответствия, согласно которому при появлении новой, более общей теории «старые» не отменяются как ошибочные, а продолжают действовать в качестве частных аспектов новых, более широких теорий [2, с. 33–34]. Это в полной мере будет уместным и при использовании криминалистических знаний в различных видах правоприменительной деятельности.

Функция познания явлений, составляющих объект и предмет науки, очевидно, наличествует и у наук административного права и административного процесса. Но административно-процессуальное познание не получило в юридической науке сколь-нибудь серьезной методологической оценки. Совсем иное дело криминалистическое познание. В настоящее время это направление криминалистической науки очень активно развивается и даже, по мнению отдельных криминалистов, являет собой социальную функцию криминалистической науки [3, с. 40].

Раскрывая многообразие криминалистического познания, С. И. Коно-

валов и С. А. Маркова-Мурашова всячески подчеркивают синтезирующую роль криминалистической методологии [4, с. 98]. По совокупности изученных публикаций о криминалистическом познании можно отметить, что большинство из них посвящены первому аспекту двуединого объекта криминалистики – преступлению в различных его проявлениях. Но некоторые из работ касаются и процесса расследования. Преломляя криминалистическое познание на сферу криминалистического обеспечения административного процесса, следует сказать, что его объектом может быть как административное правонарушение, так и деятельность по собиранию, проверке и оценке доказательств по делам об административных правонарушениях. На допроцессуальном этапе такая деятельность напрямую связана с АЮД.

АЮД может быть подвергнута криминалистическому анализу с использованием подходов более широкого уровня, в частности, системно-деятельностного подхода, с оценкой криминалистического потенциала отдельных элементов этой деятельности. Так, криминалистической оценке могут быть подвергнуты: объект, субъект, используемые средства и методы АЮД, воздействующие факторы и условия ее осуществления. Экстраполируя возможности криминалистики на разные направления управленческой (правоприменительной) деятельности, можно указать следующие основные направления повышения эффективности АЮД:

1) располагая системой криминалистических учетов и принципами их построения, возможно осуществить их объединение с базами данных государственных органов, обладающими информацией о криминалистически значимых объектах: людях, транспортных средствах, документах, объектах собственности и др.;

2) криминалистические знания должны быть более доступными правоприменителю, что позволит в полной мере задействовать в АЮД возможности кримина-

миналистической профилактики, ознакомление заинтересованных субъектов с разработанными криминалистикой средствами и способами защиты от противоправных действий;

3) ситуационный подход, получивший распространение в криминалистике в виде криминалистической ситуалогии [5], позволяет более эффективно и адресно реагировать на те или иные изменения в обстановке осуществления АЮД.

Вопрос о криминалистическом познании средств и способов осуществления АЮД нуждается в несколько большей детализации. Криминалистическое познание АЮД пока, как видится, ориентир криминалистической доктрины, достижение которого должно стать перспективной задачей. Постановка вопроса об АЮД как об объекте криминалистического познания, с точки зрения классических криминалистических подходов, сталкивается с огромным разнообразием мер, средств и методов, которыми данная деятельность осуществляется. Познание их традиционным криминалистическим инструментарием не может быть эффективной по следующим причинам.

Познание процессуальной действительности в уголовном процессе с позиций криминалистики осуществляется в рамках, предусмотренных соответствующим процессуальным законом. Основной категориальной единицей здесь является процессуальное действие, направленное на собирание и проверку доказательств. В уголовном процессе – это следственное действие. Именно через тактику его осуществления, организацию и методику построения их системы в расследовании и строится использование криминалистических знаний в уголовном процессе.

АЮД не обладает в настоящий момент тем процедурным единообразием, которое характерно процессуальной деятельности. Чтобы придать целенаправленный характер собиранию и проверке доказательств до начала процессуальной

деятельности, предусмотренной Процессуально-исполнительным кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях [6], необходимо с учетом криминалистических подходов выявить и дать оценку тем элементам АЮД, которые могут нести основную функциональную нагрузку в работе с будущими доказательствами. Речь идет об отдельных действиях процедурного характера, осуществляемых должностными лицами государственных органов, которые, будучи урегулированными законодательством, могут иметь криминалистическое значение.

Таким образом, речь идет об административно-юрисдикционном действии как об объекте и средстве криминалистического познания. Видами такого действия является досмотр, осмотр, опрос, проверка документов, задержание и другие самостоятельные действия именно непроцессуального характера, проведение которых относится к компетенции должностных лиц государственного органа (к примеру, в рамках пограничного, таможенного контроля и т. п.).

Криминалистическое познание, определяя в качестве объекта административно-юрисдикционное действие, должно ответить на следующие вопросы:

1. В какой мере административно-юрисдикционное действие имеет самостоятельное доказательственное значение в отношении административного правонарушения?

2. Имеет ли административно-юрисдикционное действие криминалистическое содержание (то есть можно ли говорить о наличии тактических приемов его осуществления)?

3. Имеет ли определенное сочетание административно-юрисдикционных действий криминалистическое значение в зависимости от вида выявляемых административных правонарушений и складывающейся ситуации?

Решение первого вопроса позволит говорить о том, что административно-

юрисдикционное действие имеет самостоятельное информационное, поисковое и операционное значение в собирании доказательств по делу об административном правонарушении. В дальнейшем мы считаем необходимым провести самостоятельный анализ соотношения административно-юрисдикционных действий с их процессуальными аналогами и доказать на конкретных примерах их значимость. Однако уже сейчас можно говорить, что и без проведения процессуальных действий выявлять доказательственную информацию и фиксировать ее в соответствующих документах можно различными средствами и способами. Эта информация в соответствии с теорией криминалистической идентификации представляет собой двойное отражение совершенного административного правонарушения:

- отражение административного правонарушения в окружающем мире;
- отражение следовой информации в соответствующих документах по результатам административно-юрисдикционного действия.

Таким образом, субъект познания в АЮД воздействует на признаки правонарушения (объект познания) с использованием специального правового инструментария – административно-юрисдикционного действия. В теории познания этот процесс описывается следующим образом: «Так называемому субъекту соответствует такой объект познания, который связан с ним не прямо, а через призму познавательных средств» [7, с. 420]. Таким образом, административно-юрисдикционное действие становится не только объектом, но и средством криминалистического познания.

Ответ на второй вопрос подразумевает оценку эффективности проведения административно-юрисдикционного действия с позиций возможности применения тактико-криминалистических приемов, определения их оптимального сочетания для достижения опреде-

ленных тактических задач. Думается, что решать этот вопрос необходимо на примерах конкретных административно-юрисдикционных действий, выводя их тактико-криминалистическое содержание.

С этим вопросом также связан аспект достоверности результатов административно-юрисдикционного действия. Иногда недоверие к значимости административно-юрисдикционного действия создавать неверие в его способность порождать достоверные доказательственные сведения. Но если при его проведении используются аналогичные процессуальной деятельности познавательные приемы, то это позволяет говорить о закономерности одного и того же результата. А значит, доказательственная значимость административно-юрисдикционного действия может быть не меньше, чем у процессуального действия.

Третий вопрос позволяет говорить об организационно-тактическом и методическом потенциале административно-юрисдикционного действия, то есть о возможности алгоритмизации выявления и пресечения административных правонарушений и применения тактических комплексов на стадии начала административного процесса.

Таким образом, стремясь познать с позиций криминалистики административное правонарушение (определяя его в самом широком смысле объектом криминалистического познания), мы вышли на необходимость криминалистического познания деятельности по выявлению и пресечению административного правонарушения. Частным объектом криминалистического познания в данном случае является познание административно-юрисдикционного действия. Но и само административно-юрисдикционное действие, будучи примененным на основе криминалистической методологии, становится инструментом криминалистического познания административного правонарушения.

Такими инструментами в свое время применительно к преступлению стали следственные действия, которые, получив уголовно-процессуальное закрепление, обрели и криминалистическое содержание. Этот инструментально-познавательный характер следственных действий неоднократно получал свое подтверждение в трудах ученых-криминалистов, особенно при разработке организации и тактики проведения новых следственных действий.

В данном контексте, по нашему мнению, именно термин «средство криминалистического познания» наиболее точно отражает суть административно-юрисдикционного действия с точки зрения теории криминалистического познания. По сути, термин «средство» представляет собой ту оболочку, в которой существуют в нераздельном единстве правовая форма административно-юрисдикционного действия и методы криминалистического познания, тактические приемы и рекомендации применительно к той или иной криминалистической ситуации.

Не следует смешивать средство и метод криминалистического познания. Методы криминалистики есть «способы изучения, исследования, применяемые в криминалистике для познания предмета криминалистики и объектов реальной действительности» [8, с. 115]. Как верно отмечает Д. А. Степаненко, «методы практической деятельности являются производными от методов научного познания» [9, с. 106].

Методы познания могут рассматриваться в качестве основы для классификации следственных и судебных действий. К примеру, С. Б. Россинский, с точки зрения преимущественных гносеологических методов, процессуальное познание делит на осуществляемое вербальным способом и «невербальным» [10, с. 11–12]. Есть и иные научные классификации, которые представляются обоснованными [11, с. 134]. Однако од-

ним лишь методом познания, хоть даже и преимущественным или комплексным, вряд ли можно обойтись при познании административного правонарушения. Будучи взятым в отрыве от системно-деятельностного подхода и правовой регламентации данного действия, такой метод не позволит получить и закрепить доказательственную информацию. Именно поэтому познавательный метод, лежащий в основе административно-юрисдикционного действия, необходимо рассматривать как основной структурный, сущностный элемент данного действия. А административно-юрисдикционное действие следует рассматривать в качестве криминалистической модели, включающей операционно-познавательные, вспомогательные, организационно-технические элементы.

В криминалистическую модель административно-юрисдикционного действия, как видится, можно включить следующие компоненты:

1) познавательные задачи административно-юрисдикционного действия с позиций его способности получать новое криминалистически значимое знание об административном правонарушении;

2) способ решения познавательной задачи:

- а) преимущественно вербальный;
- б) преимущественно наблюдательный;
- в) исследование скрытых свойств объекта;

г) комплексный.

3) привлекаемые силы и средства;

4) структуру административно-юрисдикционного действия, с точки зрения организационной и тактической необходимости прохождения определенных этапов:

а) с обязательной подготовкой или без наличия подобной потребности; с постоянной текущей подготовкой субъекта к возможности проведения данного действия; с варьированием условий подготовки в зависимости от ситуации проведения действий и др.;

б) рабочий этап, раскрывающий существенную операционально-познавательную характеристику данного действия;

в) фиксация факта, хода и результатов административно-юрисдикционного действия;

г) способы обеспечения достоверности результатов административно-юрисдикционного действия: наличие спорадически применяемых тактических приемов как обобщение практического опыта в данном органе; наличие приспособленной тактики проведения из числа уже разработанных для следственных действий; наличие самостоятельно разработанной тактики именно для данных условий проведения действия;

5) возможность и направления использования результатов административно-юрисдикционного действия.

Рассматриваемая в такой совокупности взаимосвязанных элементов криминалистическая модель административно-юрисдикционного действия представляет собой самостоятельное средство криминалистического познания административного правонарушения в той же мере, как следственное действие являет собой криминалистическое средство познания преступления.

С учетом сказанного представляется правильным дать последовательность криминалистического познания применительно к стадии начала административного процесса:

1) общим объектом криминалистического познания является административное правонарушение;

2) одним из средств познания административного правонарушения является административно-юрисдикционное действие;

3) в силу неразработанности административно-юрисдикционного действия в криминалистической науке оно само является объектом криминалистического познания;

4) административно-юрисдикционное действие, будучи средством познания, включает в себя следующие основные методы познания: а) преимущественно вербальный; б) преимущественно наблюдательный; в) исследование скрытых свойств объекта; г) комплексный.

5) с учетом взаимосвязей элементов «объект познания» – «метод познания» – «средство познания» – «способ познания» выстраивается криминалистическая модель административно-юрисдикционного действия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров И. В. Об актуальных направлениях развития криминалистики // Современная криминалистика: проблемы, тенденции и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции. М.: МАКС-Пресс, 2015. С. 26–28.
2. Терехович В. Н., Ниманде Э. В. Особенности системы принципов криминалистики // Право. 2014. Вып. 14. С. 25–36.
3. Волынский А. Ф., Лапин Е. С. Функция криминалистики как экзамен кандидатского минимума // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2012. № 1-2. С. 34–43.
4. Коновалов С. И., Маркова-Мурашова С. А. Принцип единства исторического и логического в криминалистическом познании преступной деятельности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2012. № 1-2. С. 97–112.
5. Волчецкая Т. С. Ситуационный подход в практической и следовательской криминалистической деятельности: учебное пособие. Калининград: Калининградский университет, 1999. 74 с.
6. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях // СПС «КонсультантПлюс».

7. Словарь философских терминов / науч. ред. профессора В. Г. Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2005. 731 с.

8. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Мегатрон XXI, 2000. 2-е изд., доп. 334 с.

9. Степаненко Д. А. Криминалистическое познание: уровни и их соотношение, методологическая основа // Современная криминалистика: проблемы, тенденции и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции. М.: МАКС-Пресс, 2015. С. 104–110.

10. Россинский С. Б. Концептуальные основы результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 40 с.

11. Уголовный процесс. Досудебное производство: учебное пособие / И. В. Данько [и др.]; под общ. ред. И. В. Данько. Минск: Международный университет «МИТСО», 2016. 322 с.

© Асаёнок Б. В.

УДК 343.985.5:343.102(407)

М. С. ДЕСЯТОВ, начальник учебного отдела Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Омск)

M. S. DESYATOV, Head of Training Department of Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of law, associate professor (Omsk)

АКТЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ACTS OF LAW ENFORCEMENT IN OPERATIVE-DETECTIVE ACTIVITY

Аннотация. *Оперативно-разыскная деятельность, традиционно воспринимаемая обществом как сугубо негласная, представляет собой сферу государственного правоприменения, в пределах которой зарождаются, развиваются и прекращают свое существование оперативно-разыскные правоотношения. Они характеризуются не только наличием определенных прав, обязанностей и ответственности сторон, но и особым документальным оформлением как самих правоотношений, так и получаемых в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий результатов. В настоящее время акты правоприменения в оперативно-разыскной деятельности воспринимаются судьями, следователями, адвокатами и прочими как внутриведомственные документы организационно-распорядительного характера, не имеющие отношения к праву и правоприменению. В статье обосновывается авторская позиция об ошибочности такого мнения и о необходимости последовательного анализа правоприменительных актов в оперативно-разыскной сфере; формируется авторское понятие актов правоприменения в оперативно-разыскной деятельности.*

Ключевые слова и словосочетания: *оперативно-разыскная деятельность, акт правоприменения, правоприменительный акт, признаки акта правоприменения, гласная форма, негласная форма.*

Annotation. *Operative-detective activity, traditionally perceived by society as purely unofficial, is a sphere of state law enforcement, within the framework of which operative-detective legal relations*

arise and cease to exist. They are characterized not only by the presence of certain rights, duties and responsibilities of the parties, but also by special documentation of both the legal relations themselves and the results obtained during the operative-detective activities. At present, acts of law enforcement in operative-detective activities are perceived by judges, investigators, lawyers, and others as interdepartmental documents of an organizational and administrative nature that are not relevant to law and enforcement. The article substantiates the author's position about the fallacy of such an opinion and the need for a consistent analysis of law enforcement acts in the operational-search sphere; the author's concept of enforcement acts is formed in the operational-search activity.

Keywords and phrases: *operative-detective activity, law enforcement act, law enforcement act, signs of the law enforcement act, spoken form, unspoken form.*

Начнем с того, что согласимся с мнением ученых, полагающих необходимым вести речь об актах правоприменения в широком смысле (актах-документах и актах-действиях) [1; 2]. Дело в том, что правоприменитель, в нашем случае оперативный сотрудник (руководитель оперативно-разыскного органа, подразделения), как лицо властное принимает решения не только от своего имени, но и от имени государства, в этом его основное предназначение. Это накладывает колоссальную ответственность и требует всестороннего анализа и оценки правовой ситуации, причем не только с позиции оснований ее возникновения, но и возможных, в том числе прогнозируемых последствий. В результате правоприменитель несет на себе бремя ответственности за свое поведение, свои действия и, конечно, принимаемые решения. Последние, являя собой результат мыслительно-волевой деятельности, находят отражение сначала в его сознании, а позже, проходя через «фильтр» профессионального правосознания, воплощаются в конкретные действия.

Полагаем, что в этом случае необходимо вести речь о начале правоприменительной деятельности, независимо от того, сопровождается она документальным оформлением или нет. Иными словами, акт правоприменения представляет собой его воплощение, которое не всегда сопровождается документально. В противном случае, если предположить, что результатом правоприменительной деятельности являются только правильно оформленные документы, то

до момента их оформления или в случае их отсутствия правоприменительная деятельность не осуществляется. В этом контексте вызывает сомнение позиция авторов, которые полагают, что «акты применения права могут быть только актами-документами, так как они должны быть всегда оформлены письменно, что является их отличительной чертой» и «акты-действия – это скорее всего акты исполнения, использования и соблюдения права. В противном случае действия граждан по исполнению, использованию и соблюдению права также нужно было бы причислять к актам применения права» [3, с. 67].

По нашему мнению, эта гипотеза лишена смысла, поскольку подменяет саму суть правоприменительной деятельности. В подтверждение данного тезиса приведем несколько примеров. Допустим, оперативный сотрудник получил информацию от лица, оказывающего содействие, о том, что обвиняемый в совершении ряда тяжких и особо тяжких преступлений, находящийся в федеральном розыске, гр. Х, сегодня ночью придет домой к своей сожительнице, адрес которой установлен. Начальник отдела уголовного розыска принимает решение выставить засаду по месту возможного появления гр. Х. В результате 12-часового наблюдения за адресом гр. Х обнаружен не был. Фактически речь идет о проведении оперативно-разыскного мероприятия – «наблюдение», которое не дало результатов, что вряд ли может быть использовано в дальнейшем. Документальное оформление проведенного меропри-

ятия представляется нецелесообразным, однако по факту имеет место реагирование на полученную оперативно значимую информацию, а значит, акт применения права. Другим примером высказанной выше позиции является документальное оформление конфиденциального сотрудничества на контрактной основе, к согласию на которое фактически кандидата подготавливает оперативный сотрудник. Однако контракт заключает не оперативный сотрудник, а руководитель оперативно-разыскного органа.

Можно ли считать действия оперативного сотрудника актом правоприменения? Полагаем, что ответ на этот и аналогичные вопросы должен быть утвердительным, поскольку, как отмечалось ранее, выступая в роли правоприменителя, оперативный сотрудник не перестает им быть до, после, а также в отсутствие факта оформления того или иного документа. Вместе с тем следует признать, что диалектическое единство этих двух составляющих не всегда согласуется с существующей правоприменительной практикой, о чем свидетельствует фактическое главенство формы над содержанием, а документа — над фактом.

В правоприменительных актах-документах официально закрепляются субъективные права и юридические обязанности субъектов, в отношении которых осуществляется правоприменение. Имея доказательственное значение, подобные акты служат и юридическим основанием возникновения конкретных прав и обязанностей у персонифицированных субъектов-адресатов правоприменительного акта. Кроме того, правоприменительные акты-документы представляют возможность участвующим лицам обжаловать в случае необходимости действия правоприменительного органа, а вышестоящим правоприменительным органам в свою очередь проверить законность и обоснованность принятых нижестоящими органами актов применения норм права. С этих позиций правоприменительные

акты-действия такими свойствами, пожалуй, не обладают, более того, весьма затруднительно дать им правовую оценку, особенно спустя время. С другой стороны, оформлению любого документа предшествует определенная работа по систематизации и оценке информации, служащей основанием для возникновения правоприменительного акта-документа. Полагаем, система существенных признаков акта правоприменения в оперативно-разыскной деятельности позволит определить его природу и, возможно, разрешить обозначенную правоприменительную проблему.

Обратим внимание на расхождение ученых во взглядах на предмет качественно-количественного состава признаков правоприменительного акта. Так, по мнению Н. И. Матузова, к основным признакам актов правоприменения относятся следующие:

- являются индивидуально-определенными, т. е. относятся к конкретным лицам, которых можно назвать поименно, в отличие от нормативных актов, которые обезличены (неперсонифицированы);

- являются властными и обязательными для исполнения, поскольку исходят от государства либо с его согласия от негосударственных субъектов (делегированные) полномочия; за их неисполнение могут быть наложены санкции;

- не содержат в себе нормы права, поэтому не являются источником и формой права; их назначение, как уже отмечалось, не создавать, а применять нормы права;

- осуществляют локальное (казуальное) правовое регулирование, конкретизируют общие предписания; применяют норму и тем, кому она адресована;

- исчерпываются, как правило, однократным применением и на иные ситуации и на других субъектов не распространяются;

- обеспечиваются государственным принуждением [4, с. 465–466].

В. Н. Карташов добавляет к перечисленным еще несколько важных характеристик актов применения права:

– представляют собой разновидность актов реализации права, занимая свое место среди договоров, сделок, заявлений и других индивидуальных юридических актов;

– официально закрепляют и оформляют правоприменительное решение. Являясь специфической знаковой системой, правоприменительный акт делает такое решение доступным для восприятия. Именно данная разновидность правовых актов включает в себя все основные элементы как содержания правоприменения (юридические действия, средства и способы их осуществления, результаты действий и т. д.), так и ее внутренней (процессуальной) формы [5, с. 295].

А. В. Константинов выделяет следующие характерные для акта применения норм права особенности:

- индивидуально-определенный характер акта применения норм права;
- не содержат в себе нормы права, в свою очередь не устанавливают, изменяют и (или) прекращают их действие;
- властно-волевой характер акта применения норм права;
- устанавливают, изменяют и (или) прекращают конкретные правоотношения;
- совершаются государственными органами, должностными лицами и уполномоченными на то компетентными органами [6, с. 178].

Р. В. Нагорных предпринял попытку выделить искомые признаки правоприменительных актов, именуемых им правовыми актами управления государственной службы, применительно к правоохранительной сфере: во-первых, это юридический акт, принятый соответствующим правоохранительным органом и направленный на реализацию административных полномочий в определенной сфере правоохранительной деятельности; во-вторых, он является подзаконным и связан с реализацией норм административного права; в-третьих, целью принятия административного акта явля-

ется организация управленческих отношений в процессе осуществления своих полномочий служащими государственной службы в правоохранительной сфере [7, с. 30].

Безусловно, при всем многообразии авторских подходов каждый из них достоин внимания, однако изученные источники, к сожалению, не отражают специфики рассматриваемого предмета исследования. На наш взгляд, основными признаками, определяющими специфику правоприменительных актов в оперативно-разыскной сфере, являются:

1. Правоприменительные акты являются «продуктом» деятельности специальных субъектов, правомочных осуществлять оперативно-разыскную деятельность.

2. Правоприменительные акты носят подзаконный характер.

3. В основе реализуемых правоприменительных актов лежит волевая, властная, самостоятельная, необходимая деятельность оперативно-разыскных органов.

4. Круг лиц, объективированных правоприменительными актами, может носить как конкретный, так и абстрактный характер.

5. Осуществление правоприменительных актов может протекать как в гласной, так и негласной форме.

В силу закона оперативно-разыскную деятельность в праве осуществлять только уполномоченные на то субъекты, исчерпывающий перечень которых приведен в ст. 13 ФЗ «Об ОРД». Вместе с тем исследование показало, что проведение оперативно-разыскных мероприятий, хотя и относится к исключительной компетенции оперативно-разыскных органов, не всегда реализуется сугубо силами субъектов оперативно-разыскной деятельности. Так, например, ряд мероприятий проводится не собственными силами оперативных сотрудников, а по их поручению, данному как в официальной, так и не официальной формах.

В частности, такие оперативно-разыскные мероприятия, как наведение справок в форме направления различных запросов, прослушивание телефонных переговоров, контроль почтовых, телеграфных и иных сообщений и пр., проводятся фактически иными лицами, но по инициативе оперативно-разыскных органов. В свою очередь проверочная закупка, оперативное внедрение, контролируемая поставка и пр. проводятся, как правило, при активном участии лиц, оказывающих конфиденциальное содействие.

Таким образом, оперативно-разыскная деятельность осуществляется не только оперативными сотрудниками, но и иными фактически не уполномоченными лицами. Полагаем, что в данном случае необходимо исходить из того, что инициаторами данных мероприятий, а также их комплексов являются исключительно оперативно-разыскные органы, располагающие достаточными данными, дающими основания и порождающими условия их проведения. Иными словами, инициаторами правоприменительных актов являются оперативно-разыскные органы, даже в тех случаях, когда в их реализации участвуют третьи лица, в том числе непосвященные в оперативно-разыскной замысел. Исключением, пожалуй, являются ситуации, связанные с «выходом» за пределы поручения (задания), иницируемые их исполнителями, что требует самостоятельной оценки и квалификации в соответствии с действующим законодательством.

Акт применения норм права по своей юридической силе является условно подзаконным документом, т. е. основан на законе, которому не должен противоречить. Как верно указывает А. С. Пиголкин, «применение права носит подзаконный (точнее поднормативный) характер, т. е. должно осуществляться на основе норм права и в пределах установленных законом полномочий компетентного органа» [8, с. 19]. Но сказанное отнюдь не означает его бессилие и невозможность

реально влиять на индивидуальные отношения. Акт правоприменения уже в силу того, что выносится на основании общеобязательных правил поведения – норм права, обладает властным характером, обязателен для безусловного исполнения, является официальным средством регулирования жизнедеятельности субъектов общества, охраняется государством. Названный признак имеет особое значение, так как именно юридическая ответственность, налагаемая государственными органами на «нерадивых» исполнителей – адресатов правоприменительных актов, позволяет обеспечивать их реальное действие, возможность влияния на индивидуальные отношения, не превращаясь в лист бумаги [9, с. 50].

В основе правоприменительных актов должна лежать реально осознаваемая оперативно-разыскными органами потребность в их реализации, а также осознание объективной возможности их исполнения, создания условий для их эффективного действия. По мнению В. В. Лазарева, эффективность акта означает, что все его цели – и ближайшая, и отдаленная, и конечная – выполнены с наименьшим ущербом для различных социальных ценностей, с наименьшими экономическими затратами, в наиболее короткие сроки [2, с. 93].

На эффективность правоприменительного акта оказывает воздействие и субъект, его выносящий, в роли которого выступает, как правило, орган, наделенный государством властными полномочиями, обладающий определенной, закрепленной только за ним компетенцией. Именно в силу своего властного характера правоприменительный акт выступает в роли необходимого правового инструмента, с помощью которого реализуются субъективные права либо исполняются юридические обязанности [9, с. 54].

Относительно категории самостоятельности думается, что суть правоприменительного акта в оперативно-

разыскной сфере заключается в отсутствии влияния извне на правоприменителя, принимающего соответствующее решение о реализации акта правоприменения, причем как в форме действия, так и в форме официального документа. Проблема, на наш взгляд, заключается в «подконтрольном» характере таких решений, являющихся порой производными от ожиданий надзирающих и контролирующих органов. В силу закона правоприменитель несет персональную ответственность за принимаемые решения и осуществляемые действия, в связи с этим производимый им правоприменительный акт должен восприниматься всеми без исключения участниками оперативно-разыскного процесса как объективно необходимое самостоятельное решение, которое может и должно подвергаться сомнению лишь при наличии предусмотренных законом оснований, влекущих в случае его нарушения соответствующую дисциплинарную, административную, гражданскую и (или) уголовную ответственность правоприменителя.

В соответствии с традиционным общеправовым подходом акт применения права индивидуален по своему назначению. Он призван прежде всего разрешить на основе нормы (норм) права и в точном соответствии с ней конкретную жизненную ситуацию, которую субъект правоприменения помещает в правовую оболочку, где «рождается» юридически значимое решение, способное влиять на права и обязанности граждан. По мнению А. С. Пиголкина, «индивидуальность акта применения права состоит в том, что основанием для его создания являются конкретные фактические обстоятельства и определенные нормы права, а сам он предназначен регулировать конкретные общественные отношения» [8, с. 27]. Однако проведенное исследование, а также собственный практический опыт диссертанта свидетельствуют, что данная, казалось бы, устоявшаяся в тео-

рии права позиция вряд ли в полной мере применима к правоприменительной деятельности в оперативно-разыскной сфере. Суть выявленной особенности кроется в специфике проводимых оперативно-разыскных мероприятий, объектами которых нередко выступают неизвестные оперативно-разыскным органам лица, заочно вступающие с ними в правоотношения. Например, при совершении особо тяжкого преступления, являющегося основанием для заведения соответствующего дела оперативного учета, подразделения уголовного розыска обладают всеми полномочиями по проведению комплекса мероприятий, направленных на установление лиц, причастных к его подготовке и совершению.

На момент вынесения основного объема правоприменительных актов данные лиц, выступающих в качестве объектов оперативной разработки, могут быть не установлены, например, при проведении за объектом, участком местности и пр. Безусловно, в ходе оперативно-разыскной деятельности в правовое поле попадают лица, заподозренные в совершении преступления, их связи, лица, обладающие оперативно значимой информацией и т. д., однако реализуемые правоприменительные акты не всегда оказывают на них влияние, особенно в тех случаях, когда их причастность к тому или иному преступлению не подтверждается или их участие в оперативно-разыскных правоотношениях не порождает каких-либо правовых последствий.

На наш взгляд, вынесение правоприменительного акта в отношении неопределенного круга лица не снимает ответственности с правоприменителя за обоснованность проводимых мероприятий и принимаемые при этом решения, поскольку в конечном счете правоприменительная деятельность приводит к выявлению конкретных лиц, порождая комплекс взаимных прав и обязанностей в рамках оперативно-разыскного процесса.

Одной из краеугольных особенностей оперативно-разыскной деятельности, возведенной в принцип, является сочетание гласных и негласных форм ее осуществления. Действительно, трудно себе представить абсолютно гласную деятельность оперативных подразделений, противодействующих представителям криминалитета, изоциренно маскирующим свои противоправные действия, тщательно скрывая их следы. В современных правовых реалиях столь же очевидной воспринимается потребность в гласных оперативно-разыскных мероприятиях, в раскрытии результатов оперативно-разыскной деятельности и их дальнейшем использовании на всех стадиях уголовного процесса. В то же время представляется в корне неверным суждение о том, что негласная оперативно-разыскная деятельность находится вне правовых отношений, вне права вообще.

Опираясь на результаты проведенного исследования, полагаем, что даже в негласной, сокрытой от посторонних глаз форме оперативно-разыскная деятельность является правоприменительной. Как следствие, одной из особенностей рассматриваемой деятельности является реализация правопримени-

тельных актов, содержащих сведения, составляющие государственную тайну. Основное их отличие заключается в сохранении в тайне не только содержания правоприменительного акта, но и самого факта его существования. Разумеется, это требует от правоприменителя особого отношения к его реализации, а от контролирующих и надзирающих органов – своевременного реагирования на факты нарушения законности. Однако сам факт наличия ограничительного грифа на правоприменительном акте не является, на наш взгляд, препятствием к его исполнению и использованию в правоприменительной деятельности оперативно-разыскных органов.

На основе высказанных суждений представляется возможным сформулировать понятие правоприменительных актов в оперативно-разыскной сфере – это реализуемые субъектами оперативно-разыскной деятельности решения подзаконного характера в форме действий и (или) официальных документов, в том числе секретного и совершенно секретного характера, направленные на решение задач оперативно-разыскной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галаган И. А., Василенко А. В. К проблемам теории правоприменительных отношений // Государство и право. 1998. № 3. С. 12–19.
2. Лазарев В. В. Эффективность правоприменительных актов (вопросы теории). Казань, 1975. 207 с.
3. Веркиенко Л. Ю. Применение права органами исполнительной власти: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 163 с.
4. Матузов Н. И. Применение и толкование права. Коллизии в праве. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М., 2013. 640 с.
5. Карташов В. Н. Теория правовой системы общества: учебное пособие. В 2-х томах. Ярославль, 2005. Т. 1. 547 с.
6. Константинов А. В. Административно-правовая сущность актов применения норм права // Наука, техника и образование. 2015. № 10 (16). С. 176–180.
7. Нагорных Р. В. Механизм административно-правового регулирования государственной службы в правоохранительной сфере и его содержание // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2019. № 13-1. С. 28–34.

8. Правоприменение в советском государстве / под ред. А. С. Пиголкина. М., 1985. 303 с.
9. Илясов А. Н. Правоприменительная техника и правоприменительная технология (теоретико-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2008. 176 с.

© Десятов М. С.

УДК 343.985.7-052-053.5(470)

С. А. ЕВСЕЕВА, начальник отдела морально-психологического обеспечения Уфимского юридического института МВД России, адъюнкт Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)

S. A. EVSEEVA, Head of the department of moral and psychological support of Ufa law of the Ministry of Internal Affairs of Russia, adjunct of Ufa law of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)

ОБСТАНОВКА КАК НАИБОЛЕЕ ЗНАЧИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ СТРУКТУРЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЮВЕНАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

THE SETTING AS THE MOST SIGNIFICANT ELEMENT OF THE STRUCTURE OF THE CRIMINALISTIC CHARACTERISTIC OF JUVENILE CRIMES

Аннотация. Криминальная активность подростков представляет собой серьезную угрозу обществу, так как молодое поколение является частью населения, которой в будущем предстоит сформировать основу нации. Изменения современного преступного поведения подростков, качественных и количественных показателей данного вида преступной деятельности требуют от теоретиков и практиков по-новому взглянуть на характеристику анализируемых преступлений. В статье рассматривается вопрос о криминалистической характеристике ювенальных преступлений, когда преступная деятельность совершается несовершеннолетними. Ученые широко дискутируют, освещая вопрос о том, какие элементы криминалистической характеристики имеют первостепенное значение при формировании знания о преступности несовершеннолетних. На основе анализа имеющихся в криминалистической литературе точек зрения автор статьи делает акцент на отдельном элементе структуры криминалистической характеристики таких преступлений, который, по его мнению, наиболее ярко отражает сущность изучаемой категории преступлений.

Ключевые слова и словосочетания: несовершеннолетний, элемент криминалистической характеристики, обстановка совершения преступления, методика расследования, преступление, ювенальные преступления.

Annotation. Criminal activity of teenagers is a serious threat to society, as the younger generation is a part of the population, which in the future will form the basis of the nation. Changes in the modern criminal behavior of adolescents, changes in the qualitative and

quantitative indicators of this type of criminal activity require theorists and practitioners to take a new look at the characteristics of the analyzed crimes. The article deals with the issue of forensic characteristics of juvenile crimes, when criminal activity is committed by minors. Scientists discuss widely, highlighting the question of the elements of forensic characteristics that are of primary importance in the formation of knowledge about juvenile delinquency. Based on the analysis of the points of view available in the forensic literature, the author of the article focuses on a separate element of the structure of forensic characteristics of such crimes, which, in his opinion, most clearly reflects the essence of the analyzed category of crimes.

Keywords and phrases: *juvenile, element of forensic characteristics, situation of the crime, investigation methodology, crime, juvenile crime.*

Подрастающее поколение занимает значимую позицию в современном обществе. Государство возлагает на несовершеннолетних большие надежды, так как будущее нашей страны во многом зависит от них. Именно поэтому значительную степень обеспокоенности вызывают высокие показатели уровня преступности несовершеннолетних, которая является частью преступности в целом. Совершенно справедливо на этот счет высказывается Е. В. Шишмарева, отметившая, что «современное состояние преступности несовершеннолетних является зеркалом завтрашнего дня, в связи с чем важное значение приобретает тщательное изучение причин и условий, ее формирующих, так как изучаемая преступность должна расцениваться как угроза безопасности Российской Федерации» [1, с. 157–158].

За первые 3 месяца 2020 года общее количество выявленных лиц несовершеннолетнего возраста, совершивших преступления, составило 8 110 человек. За январь – 2 455, февраль – 2 752, март – 2 903. Исходя из приведенных данных за 2020 год, прослеживается неблагоприятная тенденция увеличения количества выявленных лиц подросткового возраста, совершивших преступление [2]. Более того, меняются качественные характеристики подростковой преступности. Негативная картина криминогенной обстановки в сфере ювенальных преступлений способствует активизации работы исследователей, направляющих свои силы на противодействие этому

негативному социальному явлению путем разработки новых и совершенствования уже имеющихся способов и методов борьбы с данным рода асоциальным явлением.

Одним из таких научных направлений, имеющих существенное значение, является криминалистическая характеристика преступления, включающая в себя совокупность информации, проявляющуюся в процессе совершения преступления, имеющую значение при выборе криминалистических методов и средств, актуальных для раскрытия и расследования однородных преступлений. Криминалистическая характеристика преступлений, выступая как информационная основа частных методик расследования, рассматривается как элемент системы криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, поэтому вопрос наполняемости такого рода характеристики в теории криминалистической науки является дискуссионным, даже несмотря на то, что многие ученые дают определение этого понятия и раскрывают его основные признаки [3]. Полемика в основном осуществляется на предмет того, что следует включать в качестве элементов характеристики, а что необоснованно расширяет границы криминалистической характеристики преступлений. Так, А. Т. Анешева и А. А. Кузнецов, отражая сложившуюся ситуацию, указывают, что включение в качестве элементов криминалистической характеристики редких, ситуационных данных наносит вред практической ра-

боте органов расследования и с точки зрения теории выглядит необоснованным излишком [4, с. 39]. Р. С. Белкина в связи с этим отмечает, что криминалистическая характеристика преступления – это пережиток прошлого, так как она превратилась в иллюзию, в криминалистический фантом [5, с. 223]. Такое высказывание, по нашему мнению, явилось причиной того, что криминалистическая характеристика отдельных видов преступлений не отражает действительной картины происходящего, строится на платформе устаревшей информации, не учитывает новизну криминалистической практики. Более того, в зависимости от вида преступного деяния тот или иной элемент криминалистической характеристики приобретает первостепенное значение, а некоторые из них могут излишне перегружать содержание анализируемой характеристики, так как их количественные показатели не представляют значимую информацию [6, с. 28].

Являясь составной частью ювенальной преступности, общественно опасная, противоправная деятельность подростков с криминалистической точки зрения характеризуется, по мнению Л. Л. Каневского, обстановкой совершения, способом и механизмом совершения и сокрытия деяния, личностью преступника и потерпевшего. Ю. Р. Орлова расширяет перечень элементов характеристики и указывает на важность учета данных о непосредственном предмете преступного посягательства [7, с. 34].

А. Т. Анешева и А. А. Кузнецов делают акцент на том, что основополагающей составляющей характеристики преступлений несовершеннолетних являются психофизиологические особенности субъекта, позволяющие выделить преступления в отдельную категорию [4, с. 39]. Мы разделяем мнение Н. П. Яблокова, который независимо от вида совершаемых несовершеннолетними деяний выделяет в структуре криминалистической характеристики престу-

плений данной категории лиц, которая признается большинством ученых-криминалистов, следующие элементы: 1) обстановка преступления (место, время, другие элементы); 2) способ преступления; 3) типичные следы преступления и вероятные места их нахождения; 4) предмет преступного посягательства и (или) личность потерпевшего; 5) личность преступника [8, с. 459].

На наш взгляд, в контексте исследования целесообразно выделить обстановку совершения преступления как наиболее значимый элемент. Обусловленность такого решения вызвана тем, что данный элемент является обязательным структурным звеном каждого преступления, так как каждое общественно опасное посягательство проявляется в материальном мире. Действительно, обстановка совершения преступления является остовом, на который «нанизываются» основополагающие структурные составляющие процесса преступного поведения, объединяющего в единую систему все элементы механизма преступления» [9, с. 50], так высказывается в своей работе Б. Л. Зотов. В теории криминалистики существует достаточное количество точек зрения на содержание этого элемента [10; 11]. Довольно удачно, на наш взгляд, резюмирует эти позиции Н. П. Яблоков, который определяет обстановку совершения преступления как систему различного рода взаимодействующих объектов, явлений и процессов, характеризующих условия места и времени, вещественные, природно-климатические, производственно-бытовые и иные условия окружающей среды, особенности поведения не прямых участников противоправного события, психологические связи между ними и другие обстоятельства объективной реальности, сложившиеся (независимо или по воле участников) в момент преступления, влияющие на способ его совершения и механизм, и проявляющиеся в следах различного рода, позволяющих судить об особенностях этой

системы и содержания преступления [12, с. 34–40].

Как правило, место совершения общественно опасного посягательства несовершеннолетними сопряжено с территориальной принадлежностью к своему району, так как в этой местности подростки проводят свой досуг. Для подростков характерной чертой поведения выступает самоутверждение, в связи с чем большая часть преступлений, совершаемых ими, приходится на долю публичных общественных мест.

Характеризуя время совершения преступления, прослеживается закономерность, согласно которой большая часть преступлений несовершеннолетними осуществляется в весенне-летний период. В это время происходит увеличение светового дня, температура воздуха на улице повышается, что позволяет подросткам больше времени проводить вне дома [13, с. 87]. В выходные и праздничные дни, в период каникул количество регистрируемых общественно опасных посягательств со стороны несовершеннолетних имеет тенденцию роста. Так, проанализировав данные относительно количества выявленных лиц несовершеннолетнего возраста, совершивших преступление, можно проследить следующую тенденцию: в январе 2019 года выявлено 2 610 лиц, феврале – 2 845, марте – 3 042, апреле – 3 167, мае – 3 056, июне – 3 056, июле – 3 288, августе – 3 068, сентябре – 3 204, октябре – 3 240, ноябре – 2 978, декабре – 4 399 [2]. Каникулы в образовательных учреждениях приходятся на январь, ноябрь, апрель, июнь–август. В этих месяцах мы прослеживаем увеличение числа выявленных лиц изучаемой нами категории. Исключение составляет январь и июнь. В январе каникулы не только у детей, большинство населения уходит на новогодние каникулы, таким образом, родители усиливают контроль за несовершеннолетними. Июнь – месяц итоговой аттестации для 9-х, 11-х

классов, соответственно, загруженность в рамках образовательного процесса у подростков также приводит к снижению уровня криминальной активности с их стороны. К сожалению, чаще всего свободное время подростка не контролируется со стороны взрослых, такое отсутствие должного внимания приводит к вседозволенности, формирующей асоциальное поведение подростка.

В праздничные дни увеличивается потребление алкоголя, в том числе и среди подростков, что также является криминогенным фактором, повышающим уровень преступности среди несовершеннолетних. Справедливо отмечает в своей работе Н. А. Чеснокова, что указанные обстоятельства должны приниматься во внимание следователями, дознавателями при выявлении, расследовании и профилактике преступлений [14, с. 247].

Еще одним внешним фактором, по мнению М. И. Цыганковой, формирующим у несовершеннолетнего стремление к криминальному поведению, является непривлечение его к ответственности за преступления, совершенные им ранее [15, с. 14]. Очевиден тот факт, что в настоящее время в образовательных учреждениях среди подростков часто вспыхивают ссоры, последствия этих конфликтов каждый раз становятся все более жестокими. Причинение вреда здоровью различной степени тяжести, истязания, доведение до самоубийства, изнасилование – вот далеко не полный перечень преступлений, которые совершают подростки в отношении своих сверстников. По различным причинам часть совершаемых подростками преступлений переходит в разряд латентных [16].

Таким образом, формируется система действий несовершеннолетнего и связанных с ним лиц, способствовавших формированию у него антисоциального поведения. Эта система получает отражение в объективной действительности в виде комплекса определенных следов. Эти следы могут иметь значение как

при анализе характерных особенностей поведения несовершеннолетнего, так и лиц, взаимодействующих с ним. Исходя из этого, анализ обстановки совершения преступлений несовершеннолетними в обязательном порядке должен включать обстоятельства, которые предшествовали и сопутствовали преступлению, а также обстоятельства, связанные с криминальным поведением подростка. Ненадлежащие условия для воспитания ребенка в семье, пьющие родственники, плохая успеваемость в школе, неорганизованный досуг – далеко не весь перечень, который формирует обстановку, способствующую совершению преступления [17, с. 41]. Вовлеченность подростков в различного рода радикальные сообщества, группы экстремистской направленности формирует в их сознании порядок подчинения лидеру, что облегчает возможность управлять ими и вовлекать их в различные преступные деяния.

Следует отметить, что элементы криминалистической характеристики находятся в тесной зависимости друг от друга и имеют важное значение в следственной работе. Грамотная работа следователя с такого рода информацией позволяет оценить следственную ситуацию, сформировать следственные версии, определить векторы расследования, установить возможные источники информирования. Будучи частью структуры методики расследования криминалистическая характеристика отдельных видов преступного поведения строится на основе уголовно-правовой квалификации преступлений. Поэтому важным аспектом нашего исследования, направленного на формирование криминалистической характеристики преступлений рассматриваемой категории, имеет также возраст лица, их совершающего. О тесном взаимодействии криминалистической науки и науки уголовного права высказывается А. Н. Васильева, которая видит такое сотрудничество по двум направлениям. Одно направление

связано с тем, что уголовный процесс представляет собой платформу для криминалистики, которая является вспомогательной составляющей в реализации уголовно-процессуального закона. Осуществление уголовно-процессуального закона опосредованно приводит к соблюдению закона уголовного, так как претворение норм уголовного права возможно только через призму положений уголовного процесса.

В другом ракурсе криминалистика берет за основу понятийный аппарат уголовно-правовой науки, а в вопросах осуществления расследования руководствуется содержанием элементов соответствующего состава преступления [3, с. 15]. Ю. Н. Харламова указывает на то, что уголовно-правовая и криминалистическая характеристики преступлений находятся в состоянии зависимости, где зависимой является криминалистическая характеристика, а также обе указанные характеристики настолько тесно взаимодействуют между собой, что отграничить их характеристики друг от друга в некоторых ситуациях практически невозможно [12, с. 61]. Отмечают, что процесс формирования криминалистической характеристики преступлений, совершаемых несовершеннолетними, происходит с учетом нормы Общей части УК РФ, определяющей возраст, с которого наступает уголовная ответственность [1, с. 44].

Возрастные особенности несовершеннолетних, несомненно, значительно влияют на особенности поведения, в том числе и преступного, и имеют важное значение при формировании криминалистической характеристики. Группа авторов в своем научном исследовании отмечает, что для подростков, переживающих период взросления, характерны гормональные всплески, которые провоцируют процессы психических и поведенческих расстройств [14, с. 103]. Подростковый возраст характеризуется тем, что несовершеннолетний психоло-

гически не уверен в своих силах, не обладает достаточным жизненным опытом, поэтому компенсация этих недостатков реализуется в групповом совершении преступления. При этом группы, как правило, носят неустойчивый характер, что вызывает трудности в процессе расследования, поскольку имеется большое количество участников таких групп, а степень виновности каждого из них надлежит установить и доказать. Умысел на совершение преступления, как правило, возникает спонтанно, преступное поведение провоцирует окружающая обстановка.

Подводя итог, обстановка совершения преступления, по нашему мнению, должна носить расширенный характер и содержать в себе не только условия, при которых было совершено преступление, но и условия, выступившие фактором,

способствующим преступному поведению подростка. Грамотная работа следователя с такого рода информацией позволяет оценить следственную ситуацию, сформировать следственные версии, определить векторы расследования, установить возможные источники информирования.

Полнота криминалистической характеристики зависит от этапа процесса расследования и достигает наибольшей степени содержательности на завершающем этапе расследования. Этот этап характерен тем, что наиболее ярко выражается взаимосвязь всех элементов типовой криминалистической характеристики с отдельно взятым общественно опасным посягательством. В итоге анализируемая нами категория выполняет свою частную задачу, направленную на раскрытие преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шишмарева Е. В. Криминалистическая характеристика преступности несовершеннолетних: состояние и перспективы развития // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сборник научных трудов. М., 2013. С. 157–161.
2. Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762> (дата обращения: 28.04.2020).
3. Лановой А. Ф. К вопросу о понятии криминалистической характеристики преступлений // Вестник криминалистики. 2007. Вып. 1 (21). С. 18–23.
4. Анешева А. Т., Кузнецов А. А. Уголовно-правовая и криминалистическая характеристики грабежей и разбоев, совершаемых несовершеннолетними: учебное пособие. Омск, 2016. 87 с.
5. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. 224 с.
6. Возгрин И. А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений: курс лекций. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт, 1993. 80 с.
7. Орлова Ю. Р. Особенности расследования и предупреждения преступлений несовершеннолетних / под ред. А. М. Кустова. М., 2006. 180 с.
8. Яблоков Н. П. Основы методики расследования преступлений, совершённых несовершеннолетними / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. М.: Экзамен, 2014. 301 с.
9. Зотов Б. Л. Казус или дорожно-транспортное происшествие. Киев, 1975. 79 с.
10. Винокуров С. И. Основные вопросы методики расследования преступных нарушений правил обращения со взрывчатыми материалами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1967. 25 с.
11. Ишигеев В. С. Обстановка совершения преступления как элемент его криминалистической характеристики: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996. 138 с.
12. Яблоков Н. П. Обстановка совершения преступления как элемент его криминалистической характеристики // Криминалистическая характеристика: сборник научных трудов. М., 1984. С. 38–39.

13. Николаева Л. Н., Бочков А. А. Правовая культура молодежи приграничья России и Беларуси: монография. Смоленск: Универсум, 2011. 237 с.

14. Чеснокова Н. А. Обстановка преступления как элемент криминалистической характеристики причинения вреда здоровью из хулиганских побуждений несовершеннолетними // Теория и практика научных исследований: материалы Международной (заочной) научно-практической конференции. М., 2016. С. 247–252.

15. Цыганкова И. М. Расследование преступлений, совершаемых несовершеннолетними: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 175 с.

16. Петров И. Мелкая уголовщина: дети и подростки совершают всё больше тяжких преступлений. Что делать с ростом криминала среди несовершеннолетних? URL: <https://iz.ru/973193/ivan-petrov-ivan-nosatov/melkaia-ugolovshchina-deti-i-podrostki-sovershaiut-vse-bolshe-tiazhkikh-prestuplenii> (дата обращения: 02.05.2020).

17. Демашкина Д. Д. Криминалистическая характеристика и методика расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними // Правопорядок: история, теория, практика. № 1 (12). 2017. С 40–45.

© **Евсеева С. А.**

**СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК 351.813.078(470)

А. Н. АЛЕКСАНДРОВ, заместитель начальника Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина (по учебной работе), кандидат юридических наук, доцент (г. Белгород)

A. N. ALEXANDROV, Deputy Head of Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin (on educational work), Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod)

Р. М. СТЕПКИН, начальник кафедры обеспечения безопасности на объектах транспорта Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина, кандидат юридических наук (г. Белгород)

R. M. STEPKIN, Chief of the Chair of Transport Safety of Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. D. Putilin, Candidate of Law (Belgorod)

**ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ
МВД РОССИИ НА ТРАНСПОРТЕ ПО ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА
И ОБЕСПЕЧЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
НА ОБЪЕКТАХ ВОДНОГО ТРАНСПОРТА**

**THE FEATURES OF ACTIVITY OF TERRITORIAL BODIES OF THE MINISTRY
OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA ON TRANSPORT FOR THE PROTECTION
OF PUBLIC ORDER AND PUBLIC SAFETY AT WATER TRANSPORT FACILITIES**

Аннотация. Охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности являются приоритетным направлением деятельности территориальных органов МВД России на объектах водного транспорта, так как с увеличением количества пассажиров увеличивается и количество лиц, совершающих противоправные деяния, так или иначе желающих нарушить этот общественный порядок и общественную безопасность. В связи с чем, в статье авторами рассматриваются особенности деятельности территориальных органов МВД России на транспорте по осуществлению охраны общественного порядка и обеспечению общественной безопасности на объектах водного транспорта, также проводится анализ нормативных правовых актов, сформулированы предложения по совершенствованию деятельности территориальных органов МВД России на водном транспорте.

Ключевые слова и словосочетания: общественный порядок, общественная безопасность, водный транспорт, морской транспорт, наряд полиции, транспортная полиция.

Annotation. Protecting public order and ensuring public safety is a priority for the territorial bodies of the Ministry of internal Affairs of Russia at water transport facilities, as the number of passengers increases and the number of people who commit illegal acts, in one way or another, wishing to violate

this public order and public safety also increases. Therefore, the article considers the peculiarities of activities of territorial bodies of the Ministry of internal Affairs of Russia on transport on the implementation of public order protection and ensuring public safety on the objects of water transport, the legal acts are also analyzed, the proposals for improving the activity of territorial bodies of the Ministry of internal Affairs of Russia on water transport are formulated.

Keywords and phrases: *public order, public safety, water transport, sea transport, police squad, transport police.*

Водный транспорт является важнейшим элементом транспортной системы Российской Федерации, производственно-технологическим комплексом с входящими в него организациями, который активно задействован в различных отраслях (гидроэнергетика, сельское хозяйство и др.), но все же основными направлениями остаются пассажирские и грузовые перевозки. Так, в районах Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока водный транспорт является безальтернативным и жизнеобеспечивающим для граждан и организаций. В силу этих обстоятельств охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности на водном транспорте приобретает стратегическое значение. Осуществляя перевозку пассажиров и грузов, водный транспорт играет чрезвычайно важную социально-экономическую и оборонную роль в государстве. От качества транспортного обслуживания во многом зависят существующий порядок на транспорте, безопасность пассажиров, сохранность имущества, а в конечном итоге и эффективность экономики. К нему как источнику повышенной общественной опасности предъявляются особые требования.

Органы внутренних дел (далее – ОВД) являются органом исполнительной власти, чья деятельность направлена на обеспечение охраны общественного порядка и обеспечение общественной безопасности. Так, в подп. 5 п. 1 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [1] (далее – ФЗ «О полиции») указано, что полиция обязана обеспечивать безопасность граждан и общественный порядок в морских и

речных портах и др. Исследование актуальных вопросов деятельности ОВД на водном транспорте по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности необходимо начинать с понятийного аппарата. В специальной литературе под охраной общественного порядка и обеспечением общественной безопасности на транспорте понимают систему мер по осуществлению надзора за соблюдением правил, действующих на его объектах, которые обеспечивают:

- общественное спокойствие, общественную нравственность, человеческое достоинство и здоровье граждан;
- нормальное функционирование средств транспорта и обслуживающих его систем;
- предупреждение и пресечение нарушений этих правил, применение мер государственного или общественного воздействия к нарушителям [2, с. 256].

В других источниках понятие «общественная безопасность на объектах транспорта» рассматривается как система общественных отношений, возникающих в процессе пользования источниками повышенной опасности в сфере пассажирских и грузовых перевозок на основе правовых и организационно-технических норм (правил) в целях недопущения (предупреждения и пресечения) вредных последствий, обеспечения нормального состояния и функционирования объектов транспорта, сохранности жизни и здоровья пассажиров и перевозки грузов [3, с. 34]. Обеспечение и организация охраны общественного порядка и безопасности на транспорте осуществляется в сложных специфических условиях деятельности транспортной системы, вклю-

чающей объекты железнодорожного, воздушного и водного транспорта, имеющего свои особенности.

Высочайшим указом от 27 июня 1867 г. было организовано структурное подразделение столичного полицейского управления – речная полиция, в ведении которой находились все реки и каналы России [4]. В соответствии с Инструкцией чины портовой полиции несли охранную службу в пределах установленной компетенции. К основным направлениям ее деятельности относились охрана общественного порядка, обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения на определенных участках порта и принятие необходимых мер по спасению людей, судов и груза при кораблекрушениях, принятие необходимых мер как к исполнению установленных узаконений и распоряжений, так и к пресечению, предупреждению и раскрытию преступлений и иных правонарушений, а также принятие мер по предупреждению и тушению пожаров [5].

В учебной литературе указывается, что на особенности деятельности ОВД на транспорте влияют многие факторы и условия (политические, экономические, социально-культурные, правовые, демографические, технические, технологические и др.). Серьезное влияние оказывают:

- специфика функционирования транспорта и система его управления, характеристика объектов оперативного обслуживания, их географическое и иное положение, протяженность, график стоянок и продолжительность отстоев судов, сезонность работы, сроки навигации;

- миграция и плотность населения в районах примыкания транспорта;

- близость крупных промышленных и экономических центров, уровень, состояние и динамика правонарушений и преступлений и многое другое [6, с. 145].

Рассмотрим особенности охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности на объектах водного транспорта, в связи с которыми

возникают проблемные вопросы в деятельности ОВД на водном транспорте.

В качестве первой особенности следует выделить постоянную сменяемость граждан, использующих водный транспорт. Как правило, лица, совершающие, например, административные правонарушения, проживают в другом субъекте или в другом государстве, которые не являются зоной оперативного обслуживания линейных подразделений, что требует быстрого реагирования, установления свидетелей, немедленного принятия мер по задержанию правонарушителей, которые, используя транспорт, могут быстро скрыться и больше не появляться в этих местах. В таких случаях решения принимаются, как правило, в весьма сложных ситуациях при отсутствии полной и достоверной информации. Открытым остается вопрос об исполнении постановлений по делам об административных правонарушениях при назначении административного наказания в виде административного штрафа гражданину Украины, путешествующему транзитом через Россию. Данные постановления на сегодняшний день почти не исполняются, так как законодательного механизма не предусмотрено.

Следующей особенностью является географическое и иное положение ОВД на водном транспорте и протяженность обслуживаемого участка. Еще во второй половине XIX столетия особая внутривнутриполитическая обстановка в стране, бурное строительство железнодорожного полотна, совершенствование водного транспорта и речного судоходства определили особое место и специфику организационно-правового статуса транспортной полиции в системе других полицейских учреждений. Главная особенность данных подразделений заключалась в том, что они выполняли функции по охране правопорядка и обеспечению общественной безопасности в значительном отдалении от населенных пунктов [7, с. 20].

На сегодняшний день данная особенность выражается в том, что обеспечивать общественный порядок и общественную безопасность необходимо на всех территориях обслуживания ОВД на водном транспорте. В качестве примера возьмем территории, обслуживаемые УТ МВД России по ЦФО и СПб ЛО МВД России на водном транспорте. Так, в зоне обслуживания УТ МВД России по ЦФО [8] находятся 10 речных портов, 3 речных вокзала, 2 речных пароходства, 49 пристаней и причалов. Объекты водного транспорта всех форм собственности расположены в акваториях рек Москвы, Оки, Волги, Дон и на канале имени Москвы. Протяженность внутренних водных путей, находящихся в зоне оперативного обслуживания, составляет более 2 153 км.

В оперативном обслуживании СПб ЛО МВД России на водном транспорте находятся объекты морского и речного транспорта. В границы объектов оперативного обслуживания отдела входят водные пути Санкт-Петербурга и Ленинградской области общей длиной 3 134 км, в том числе на западе и северо-западе – главный судовой ход Финского залива с прилегающей акваторией Большого порта Санкт-Петербург, морских портов Выборг, Приморск, Высоцк, Усть-Луга; на севере – главный судовой ход Ладожского озера; на северо-востоке и востоке – главный судовой ход Волго-Балтийского водного пути, включая Новолadoжский и Приладожский каналы и реку Свирь, главный судовой ход реки Невы. Так, удаленность объектов оперативного обслуживания от линейных пунктов полиции (далее – ЛПП) в портах Выборг и Усть-Луга отражается на качестве и эффективности работы сотрудников в отсутствие служебного автотранспорта, кроме того, в связи с сокращением в 2011 году линейных подразделений полиции, учитывая удаленность обслуживаемых объектов от линейных отделов и оставшихся ЛПП, организовать

контроль за оперативной обстановкой на крупнейшем в регионе объекте водного транспорта – Ладожском озере – на постоянной основе не представляется возможным [9]. В целом протяженность судовой части водных путей, входящих в зону обслуживания транспортной полиции, – более 56 тыс. км [10, с. 8].

Следующей особенностью является совершение противоправных действий в темное время суток, а именно в период с 22 до 4 часов, т. е. преимущественно в ночное время в рабочие дни недели, когда практически отсутствуют свидетели и очевидцы противоправной деятельности. Так, например, в зоне оперативного обслуживания Алтайской транспортной полиции (значительный и ответственный участок) судовой ход трех основных водных артерий Алтайского края – рек Оби, Бии, Катунь – и акватории Телецкого озера, одного из объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО. Проводимые регулярные профилактические рейды и патрулирование акватории в зоне оперативного обслуживания заставили нарушителей закона признать, что водные магистрали края находятся под контролем, но привели к тому, что браконьеры стали таиться и выходить на воду глубокой ночью. Сотрудников транспортной полиции это не останавливает, они несут службу практически круглосуточно, вооружившись арсеналом спецтехники и средств, среди которых видео- и фотоаппаратура, приборы ночного видения, квадрокоптеры и патрульный катер неброского серого цвета [11, с. 27].

Специфической особенностью осуществления охраны общественного порядка и общественной безопасности является наличие у сотрудников полиции на транспорте навыков по управлению служебными плавсредствами, т. е. наличие удостоверения судоводителя на право управления маломерным судном (мотолодка, катер, гидроцикл). Указанная проблема имеет место в деятельности ОВД на водном транспорте. В 2019 году

на объектах оперативного обслуживания в ЛПП в порту Подпорожье отсутствовала практика применения в служебной деятельности плавсредств, кроме этого, штатное расписание ЛПП не позволяло организовать ежедневное выставление нарядов ППСП на маршруты патрулирования на постоянной основе. Патрулирование на катерах на их территории не осуществлялось вообще, в редких случаях – на плавсредствах параллельных профильных служб в период проведения отдельных рейдовых мероприятий [9].

Необходимо отметить, что в ФЗ «О полиции», а также в подзаконных нормативных правовых актах деятельность ОВД на транспорте с применением служебных плавсредств не отражена. Хотя деятельность таможенных органов с использованием водных судов закреплена в ст.ст. 256, 257, 260 Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», где отмечено, что водные суда имеют вымпел, также указаны права таможенных органов при осуществлении таможенного контроля с использованием водных судов таможенных органов. Так, на вооружении ОВД на транспорте состоят 402 современных плавательных средства, в том числе 179 катеров класса «Река», 207 катеров класса «Река-море» и 16 единиц других технических средств (водные скутеры, теплоходы, гидроциклы), оборудованных соответствующими техническими средствами и навигационным оборудованием с доступом в режиме реального времени к необходимым информационным ресурсам [10, с. 8]. На основании изложенного полагаем целесообразным дополнить ФЗ «О полиции» правами по осуществлению деятельности с использованием служебных плавсредств, а именно на безвозмездное получение навигационной, гидрометеорологической, гидрографической и иной информации и

обеспечение судовождения. Кроме этого, субъекты транспортной инфраструктуры должны предоставлять безвозмездное использование водного пространства Российской Федерации, акваторий морских и речных портов, их причалов и иных водных причальных сооружений.

В научной литературе отмечается, что с начала использования в деятельности ОВД патрульных катеров кадры плавательного состава для них специально нигде не готовились. Основная часть старшего, среднего, младшего и рядового состава полиции, проходящая службу в подразделениях, где используются плавательные средства, специального морского или речного образования не имеет [12, с. 97]. На сегодняшний день обучение по базовым курсам «Судовождение» (категории: мотолодка, катер, гидроцикл) стоимостью 9 500 руб. проводится в Государственной инспекции по маломерным судам МЧС России (далее – ГИМС МЧС России). Исходя из анализа деятельности ОВД на водном транспорте, за служебными плавсредствами закрепляются, как правило, лица, занимающие должности младшего начальствующего состава, что и указано в ведомственных нормативных правовых актах [13]. Исходя из изложенного, предлагаем разработать проект примерной программы профессионального обучения лиц рядового и младшего начальствующего состава, впервые принимаемых на службу в ОВД по должности служащего «Полицейский», служебные обязанности которых связаны с эксплуатацией служебных плавсредств. В рамках содержания указанной программы включен курс «Судовождение», достаточный для прохождения аттестации в ГИМС МЧС России. Реализацию данной программы предлагается осуществлять на базе Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. На сегодняшний день в институте на кафедре обеспечения безопасности на объектах транспорта реализуется учебная

дисциплина «Судовождение» с использованием служебного плавсредства моторной лодки «Мастер Про 470». Реализация данной программы позволит решить проблемы с подготовкой высококвалифицированных специалистов территориальных органов МВД России на водном транспорте, которые осуществляют охрану общественного порядка и обеспечивают общественную безопасность на объектах водного транспорта. Ранее в научной литературе высказывалось мнение о создании специализированной кафедры «морского, внутренневодного права и катерной служебной деятельности» [12].

Следующей и наиболее значительной особенностью является отсутствие эффективных и надежных мер воздействия и помощи людям, которые терпят бедствия на воде. Здесь следует сказать, что не всегда можно знать, когда и где случится авария на водном транспорте. В данном случае подразделения полиции на водном транспорте должны быть готовы к оказанию помощи с позиции материально-ресурсных затрат, наличия служебных плавсредств и спасательного оборудования, а также профессиональных качеств сотрудника полиции при оказании помощи гражданам и умения на первоначальном этапе выявить противоправные действия как со стороны команды судна, так и со стороны граждан.

Н. Н. Пестов и А. А. Соловьев указывают, что обеспечение правопорядка на транспорте требует от сотрудников высочайшего профессионализма: знания не только своей специальности, но и особенностей функционирования многих транспортных служб, технологических процессов отраслей транспорта, умения мгновенно ориентироваться в постоянно меняющейся оперативной обстановке и незамедлительно действовать зачастую один на один с преступником, рискуя жизнью [14, с. 38]. В дополнение можно указать, что при несении службы ППСП на водном транспорте должны знать расположение акватории, порта, дислока-

цию ближайших нарядов и схему связи с ними, правила перевозки пассажиров и виды проездных документов, основные должностные обязанности работников транспорта, а также особенности совершения правонарушений на объектах транспорта, приемы маскировки преступников [15].

Так, ярким примером явился следующий случай из деятельности УТ МВД России по ДФО. В ноябре 2017 г. сотрудник полиции заступил на службу на паромную переправу. Из-за сильного шугохода паром с машинами зажало во льдах, он не дошёл до места назначения около пятидесяти метров. Команда парома и все пассажиры были вынуждены ждать, пока схватится и хорошо промёрзнет лёд, чтобы можно было продолжить путь. Сопровождал паром только один сотрудник полиции. У людей начиналась паника. Они постоянно прогревали свои автомобили, и у многих уже заканчивался бензин. Ситуация могла начать выходить из-под контроля. Сохраняя самообладание и не поддаваясь провокациям, сотрудник действовал в соответствии с законодательством: созванивался и докладывал обстановку руководству и выполнял отдаваемые приказы. Сотруднику полиции приходилось быть в роли психолога для предотвращения чрезвычайных происшествий, в оперативном порядке принимать решения, вести профилактические беседы с некоторыми водителями, когда обстановка накалялась и нервы у людей начинали сдавать. Через три дня ледокол вытащили. В итоге трое суток все фактически находились во льдах на середине реки при температуре минус пятнадцать градусов практически без тёплых вещей, еды и тепла [16, с. 8]. Исходя из изложенного, сотрудник полиции, находясь в такой ситуации, должен обладать знаниями психологии и иметь навыки оказания медицинской помощи и др.

Внезапность и быстротечность развития событий также относятся к особен-

ностям охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности на водном транспорте. В данном случае имеется в виду, что происшествия возникают внезапно и требуют незамедлительных решений. Также на примере граждан, оказавшихся в воде, можно указать на то, что если незамедлительно не прийти на помощь, возможны определенные последствия, связанные с причинением вреда здоровью. Так, например, в дежурную часть СПб ЛО МВД России на водном транспорте поступил рапорт о том, что в ходе патрулирования акватории р. Невы у Дворцового моста в воде на судовом ходу р. Невы обнаружен и поднят на борт гражданин В. в состоянии алкогольного опьянения, который пояснил, что из-за разрыва отношений с девушкой предпринял попытку суицида, прыгнув в р. Неву с Дворцового моста [9]. Аналогичный положительный пример можно привести из работы УТ МВД России по ДФО. Так, в ходе патрулирования территории речного порта Якутска внимание наряда полиции привлекла девушка, стоявшая на краю причала. Неожиданно она прыгнула в воду. Мгновенно был организован спуск спасательного круга. Один из транспортных полицейских, сняв с себя кобуру, в форме бросился за тонущей в воду и помог девушке выбраться на берег. Спасённой была оказана первая медицинская помощь [15]. Как указано в ведомственных нормативных правовых актах, форма одежды наряда полиции устанавливается начальником ЛУ (отдела, отделения) МВД России на водном транспорте. Однако следует отметить, что для сотрудников полиции, несущих службу на служебных плавсредствах (мотолодка, гидроцикл) в водной акватории, форма одежды приказом МВД России от 26 июля 2013 г. № 575 не установлена, хотя в разделе XII приказа особая форма одежды установлена для лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел, имеющих специальные

звания полиции, проходящих службу в авиационных подразделениях [17].

Полагаем, что образцы форменной одежды сотрудника полиции на водном транспорте можно закрепить в данном нормативном правовом акте, изложив раздел XII в следующей редакции: «Особая форма одежды лиц начальствующего и рядового состава ОВД, имеющих специальные звания полиции, проходящих службу в авиационных подразделениях и подразделениях по охране общественного порядка на водном транспорте». Данные изменения позволят эффективно использовать служебные плавсредства (мотолодка, гидроцикл) при выполнении обязанности по оказанию помощи гражданам, терпящим бедствие на воде [17], а также будут способствовать укреплению имиджа транспортной полиции на водном транспорте.

Следующей важной особенностью является взаимодействие с другими подразделениями и службами для эффективной работы по осуществлению охраны общественного порядка и обеспечению общественной безопасности на объектах водного транспорта. Сотрудникам ОВД на водном транспорте при охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности необходимо осуществлять взаимодействие со следующими правоохранительными органами и иными субъектами: ГИМС МЧС России – с целью выявления нарушений, совершаемых судоводителями маломерных судов и управляющих гидроциклами; Росгвардией – в целях совместного патрулирования и выявления нарушений общественного порядка; надзора и рыбоохраны; ФСБ России – с целью выявления незаконной добычи водных биологических ресурсов; с транспортной прокуратурой; представителями государственного управления морского и речного надзора; службами безопасности морских и речных портов. Так, например, УТ МВД России по СЗФО во взаимодействии с надзорными органами на внутренних

водных путях проведено 600 рейдовых мероприятий, в ходе которых особое внимание уделено вопросам безопасности объектов водного транспорта [18]. В научной литературе предлагается принять ведомственный нормативный правовой акт МВД России и Минтранса России «Инструкцию по взаимодействию органов внутренних дел на водном транспорте с организациями и предприятиями Министерства транспорта Российской Федерации в области охраны общественного порядка и обеспечения безопасности на объектах водного транспорта» [19, с. 7]. По нашему мнению, исходя из перечисленного списка правоохранительных и иных органов, с которыми взаимодействуют ОВД на водном транспорте, МВД России необходимо будет принять еще как минимум четыре совместных ведомственных правовых акта, что будет нецелесообразным и малоэффективным.

Следующей особенностью является специфичность обработки пассажирских операций и грузов. В данном случае имеется в виду осуществление досмотра пассажиров, их ручной клади и багажа, пропускного и внутриобъектового режимов. В соответствии с п. 16 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции» сотрудник полиции имеет право осуществлять в порядке, установленном законодательством об административных правонарушениях, личный досмотр граждан, досмотр находящихся при них вещей, а также досмотр их транспортных средств при наличии данных о том, что эти граждане имеют при себе оружие, боеприпасы, патроны к оружию, взрывчатые вещества, взрывные устройства, наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры либо ядовитые или радиоактивные вещества; изымать указанные предметы, средства и вещества при отсутствии законных оснований для их ношения или хранения; принимать участие в досмотре пассажиров, их ручной клади и багажа на водном транспорте либо осуществлять

такой досмотр самостоятельно в целях изъятия вещей и предметов, запрещенных для перевозки транспортными средствами [20, с. 5]. Кроме того, сотрудники полиции имеют право выявлять факты злоупотреблений со стороны работников транспорта (провоз запрещенного к перевозке груза) с обязательным информированием капитана судна и начальника ОВД на водном транспорте путем написания рапорта [15].

Важной особенностью при охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности является личная безопасность сотрудников ОВД на водном транспорте. При осуществлении охраны общественного порядка и обеспечении общественной безопасности сотрудники полиции эффективно используют служебные плавсредства. Так, в 2019 года с момента открытия навигации плавсредства использовались 6 647 раз [10], безусловно, при несении службы таким способом возможны ситуации, при которых личная безопасность сотрудника может быть под угрозой, например, при проведении профилактических мероприятий «Путина» в целях противодействия браконьерству у нарушителей при себе может быть огнестрельное оружие. Как правило, сотрудники полиции должны нести службу на служебном плавсредстве в спасательных жилетах, которые не защитят от огнестрельного оружия. В целях защиты жизни и здоровья сотрудников транспортной полиции на водном транспорте предлагаем оснастить их бронежилетом «Модуль» с положительной плавучестью, который защищает жизненно важные органы, обеспечивает защиту торса при ударе о воду или твердые предметы. Он удерживает на поверхности воды человека весом до 120 кг, экипированного оружием или боеприпасами, обеспечивает дифференцированное распределение подъемной силы, что позволяет удерживать человека на поверхности в безопасном положении – лицом вверх. Бронежилеты «Мо-

дуль» с положительной плавучестью не ограничивают свободу движений, обеспечивая выполнение всех видов профессиональной деятельности и непрерывное ношение. Предусмотрена комплектация аварийно-спасательными средствами: сигнальным электроогнём, водоналивной батареей [21]. Оснащение сотрудников транспортной полиции на водном транспорте современными средствами индивидуальной защиты позволит не только повысить эффективность выполнения поставленных задач по поддержанию правопорядка, но и обеспечить личную безопасность сотрудников.

Указанные особенности влияют на осуществление охраны общественного порядка и общественной безопасности подразделениями по охране общественного порядка на водном транспорте, а статистические данные о происшествиях и причинах их возникновения говорят об актуальности их работы. Так, число происшествий на водном транспорте и количество погибших и раненых в январе–сентябре 2019 года составило:

– на морском транспорте происшествий в 2018 г. – 45, в 2019 г. – 32; погибших в 2018 г. – 1, в 2019 г. – 11; раненых в 2018 г. – 0, в 2019 г. – 2;

– на внутреннем водном транспорте происшествий в 2018 г. – 1, в 2019 г. – 5; погибших в 2018 г. – 0, в 2019 г. – 3; раненых в 2018 г. – 0, в 2019 г. – 2 [22, с. 30].

Анализ аварийных ситуаций на водном транспорте за последние годы показывает, что причины, приводящие к авариям, можно объединить в следующие группы:

- 1) нарушение правил безопасности;
- 2) ошибочные действия человека;
- 3) технические причины;
- 4) другие причины.

Рассмотрим, каким опасностям могут подвергаться субъекты, использующие водный транспорт. К ним можно отнести:

1. Нарушение правил безопасности. Так, например, причиной столкнове-

ния двух пассажирских судов, произошедшего вечером 31 августа 2018 г. на юго-востоке Москвы, стало нарушение правил безопасности движения водного транспорта со стороны капитана теплохода «Снегири-2», который нес вахту в состоянии алкогольного опьянения. В крови капитана теплохода «Снегири-2» обнаружен алкоголь в количестве 1,2 промилле [23].

2. Ошибочные действия человека. В качестве примера можно привести следующий случай: 27 сентября 2018 г. прогулочный теплоход «Форт-Ривер», следуя по реке Мойке, из-за ошибки капитана-механика застрял под Зеленым мостом в центре г. Санкт-Петербурга. По предварительным данным, капитан не учел повышенный уровень воды в реке, вызванный осенними дождями и начавшимся подъемом воды в Неве и прилегающих к ней каналах, из-за чего судно не вписалось в надводный габарит моста [24].

3. Технические причины. Как указывается в учебной литературе, основными причинами являются отказ рулевого устройства. Так, в г. Омске к пассажирскому причалу в устье р. Оми подходило судно на подводных крыльях типа «Ракета». Капитан начал сбавлять ход, а система гидравлического привода, наоборот, увеличила подачу топлива и число оборотов двигателя. Ракета быстро вышла на крылья и на большой скорости пошла под мост. Высота старого моста была недостаточной, и у «Ракеты» срезало рулевую рубку. Капитан в этот момент низко пригнулся и остался невредим [25, с. 48].

4. Другие причины. Например, пожар. Так, причиной пожара, возникшего на борту двухпалубного пассажирского теплохода «Нерей», могло стать короткое замыкание в электропроводке судна. Теплоход «Нерей» полностью сгорел у причала Москвы. Находящемуся поблизости экипажу теплохода «Портовый-4» удалось спасти второе пассажирское судно, ошвартованное у борта «Не-

рея», – прогулочный теплоход «Сильвер». В результате пожара никто не пострадал, но в ходе тушения теплоход «Нерей» частично затонул на месте чрезвычайного происшествия [26]. При пожарах сотрудник полиции немедленно сообщает в ближайший ОВД, принимает меры к спасению людей, оказывает помощь пострадавшим, обеспечивает охрану места происшествия и имущества.

Таким образом, охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности являются приоритетным направлением деятельности территориальных органов МВД России на объектах водного транспорта, так как с увеличением количества пассажиров увеличивается и количество лиц, совершающих противоправные деяния, так или иначе желающих нарушить этот общественный порядок и общественную безопасность. Также следует сказать, что водный транспорт имеет свои особенности охраны общественно-

го порядка и обеспечения общественной безопасности, т. е. присущие только ему. И проанализировав данные особенности, следует сказать о том, что они играют значительную роль при осуществлении перевозок посредством водного транспорта. Данные особенности указывают на наиболее важные аспекты реализации охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности на объектах водного транспорта.

Подводя итог, следует отметить, что деятельность территориальных органов МВД России на водном транспорте – это комплексная деятельность совместно с другими правоохранительными и иными органами в области охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан, интересов общества и государства от преступных и иных противоправных действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 06.02.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Административная деятельность полиции. Часть особенная: учебное пособие / под ред. проф. О. И. Бекетова. Омск: Омская академия МВД России, 2016. 450 с.
3. Повышение эффективности деятельности органов внутренних дел по обеспечению общественной безопасности на объектах железнодорожного, водного и воздушного транспорта: учебно-практическое пособие / В. В. Кардашевский [и др.]. М.: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2019. 67 с.
4. Свод законов Российской Империи. Т. 12. Ч. 1. Устав Путей Сообщения. СПб., 1877. 234 с.
5. Временное Положение об управлении Одесским портом и о портовой полиции. Одесса, 1890. 123 с.
6. Административная деятельность органов внутренних дел: учебник / под ред. В. П. Сальникова. В 2-х ч. М.: ЦОКР МВД России, 2005. Ч. 2. 456 с.
7. Мамлеева Д. Р., Мугинова З. Р. Особенности компетенции и структуры органов полиции на транспорте в первой половине XIX века // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 3 (37). С. 145–151.
8. Макренкова К. Г. Обеспечение общественной безопасности на объектах транспорта управлением на транспорте МВД России по Центральному федеральному округу // Транспортное право. 2015. № 4. С. 20–22.
9. Комплексный анализ оперативно-служебной деятельности подразделений полиции по охране общественного порядка СПб ЛО МВД России на водном транспорте за 2019 г. СПб., 2020.
10. Об эффективности использования плавсредств // ПравоПорядок на транспорте. 2020. № 1 (16).

11. Шаг на опережение. Остановить браконьеров // ПравоПорядок на транспорте. 2019. № 7 (162).
12. Скрынник А. М. Проблемы и пути их решения в сфере подготовки (переподготовки) кадров для морской (речной) составляющей органов правопорядка // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 1 (27). С. 95–97.
13. О некоторых организационных вопросах и структурном построении территориальных органов МВД России: приказ МВД России от 30 апреля 2011 г. № 333 (в ред. 25.03.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
14. Пестов Н. Н., Соловьев А. А. Угрозы безопасности объектов железнодорожного, воздушного и водного транспорта. Основные направления деятельности по обеспечению транспортной безопасности ОВД на транспорте МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 2. С. 36–38.
15. Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции: приказ МВД России от 29 января 2008 г. № 80 (в ред. 12.02.2015) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2008. 7 июля.
16. Когда душа радуется. УТ МВД России по ДФО // ПравоПорядок на транспорте. 2019. № 12 (167). С. 8.
17. Об утверждении Правил ношения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации форменной одежды, знаков различия и ведомственных знаков отличия: приказ МВД России от 26 июля 2013 г. № 575 (в ред. от 18.09.2017) // Российская газета. 2013. 9 октября.
18. Материалы к расширенному заседанию коллегии УТ МВД России по СЗФО по подведению итогов за 2019 г. СПб., 2020. 21 января.
19. Романова Н. Г. Проблемы нормативно-правового регулирования охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности на водном транспорте // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3 (17). С. 6–9.
20. Меры обеспечения личной безопасности сотрудников органов внутренних дел при несении службы, осуществлении личного досмотра граждан, находящихся при них вещей, а также транспортных средств: методические рекомендации / И. Ф. Амельчаков, А. В. Карагодин [и др.]. Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, 2018. 25 с.
21. Бронежилет «Модуль» с положительной плавучестью. URL: https://npo-sm.ru/individualnaya_bronezashita/bronezhilet_modul/pulezashitnyj_modul_pp/ (дата обращения: 03.04.2020).
22. Транспорт России. Информационно-статистический бюллетень. Январь–сентябрь 2019 г. М., 2019. 45 с.
23. Названы причины столкновения на реке Москве судов «Снегири-2» и «Ривер Палас». URL: http://cruiseinform.ru/news/progulochnyy_flot/2305/ (дата обращения: 01.04.2020).
24. Прогулочный теплоход «Форт-Ривер» застрял под Зеленым мостом на реке Мойке в центре Петербурга. URL: http://cruiseinform.ru/news/progulochnyy_flot/2305/ (дата обращения: 01.04.2020).
25. Солдатова В. И. Транспортные происшествия с судами на внутренних водных путях Российской Федерации. 2-е изд., доп. Новосибирск: НГАВТ; М.: ТрансЛит, 2014. 67 с.
26. Стала известна предварительная причина пожара, в результате которого сгорел теплоход «Нерей». URL: http://cruiseinform.ru/news/progulochnyy_flot/2305/ (дата обращения: 01.04.2020).

© Александров А. Н.
© Степкин Р. М.

УДК [343.162+347.962]-042.65(470)«2020»

Р. А. ХАЛИЛЕВ, профессор кафедры уголовно-процессуального права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор (г. Симферополь)

R. A. KHALILEV, Professor of the Chair of criminal procedure Law of the Crimean Branch of the Russian state University of justice, Doctor of Law, Professor (Simferopol)

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ В ВОПРОСАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ

MODERN PROBLEMS AND TRENDS IN THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF INDEPENDENCE OF JUDGES

Аннотация. В статье детально проанализирована существующая ныне проблематика в реализации установленного законодательством принципа независимости судей. Также исследованы и проанализированы мнения современных деятелей науки, политиков, правоведов, ученых. Выявлены единые точки зрения по поводу наличия определенных проблематик, причин их возникновения и путей их устранения. Рассмотрены тенденции в вопросах реализации принципа независимости судей, новшества действующего законодательства, регламентирующего деятельность судей, актуальность, эффективность и необходимость судебной реформы. Проанализирована целесообразность предложенной Президентом Российской Федерации в январе 2020 года новой реформы судебной власти. Сделаны общие выводы, резюмирующие итоги проведенного исследования.

Ключевые слова и словосочетания: независимость судей, судебная реформа, порядок назначения, принцип независимости, эффективность деятельности судьи, проверка судебных решений.

Annotation. The article analyzes in detail the current problems in the implementation of the principle of independence of judges established by law. The opinions of modern scientists, politicians, lawyers, and scientists are also studied and analyzed. Common points of view on the existence of certain problems, the causes of their occurrence and ways to eliminate them have been identified. Trends in the implementation of the principle of independence of judges, innovations in the current legislation regulating the activities of judges, the relevance, effectiveness and need for judicial reform are considered. The expediency of the new judicial reform proposed by the President of the Russian Federation in January 2020 is analyzed. General conclusions summarizing the results of the research are made.

Keywords and phrases: independence of judges, judicial reform, appointment procedure, independence principle, efficiency of judge's activity, verification of court decisions.

Принцип независимости судей довольно часто поддавался критике в различных научных кругах по причине того, что фактически он не действует. Основными причинами сложившейся ситуации является то, что судьи до сих пор находятся в зависимости от исполнительной власти, а также от того, что действующая

ныне структура построения судов Российской Федерации – иерархическая [1, с. 83].

Так, все чаще в своих трудах ученые-правоведы подвергают детальному анализу не только деятельность судей Российской Федерации и особое внимание уделяют вопросам обе-

спечения их независимости, но и вопросам назначения их на должность, анализируя при этом проблемы, возникающие в правоприменительной практике [2, с. 128]. Особый интерес данной темы обусловлен последними событиями, произошедшими в российском государстве. О необходимости пересмотреть порядок, каким образом должно осуществляться назначение судей на должность, было заявлено профессором А. А. Клишас еще в 2018 году. А. А. Клишас, рассматривая вопросы независимости судей, отмечал, что фактически данный принцип не реализуется, так как установленный порядок не может обеспечить столь необходимую демократичность формирования судебной системы [3].

Е. Б. Махеева, рассматривая в своем труде вопросы независимости судей, также отмечает, что данный принцип находится в прямой зависимости от порядка назначения судей на должность. В частности, последний напрямую влияет на независимость судей, а если быть точнее, затрудняет реализацию данного принципа [4]. В своем докладе от 21 мая 2019 года председатель Верховного Суда РФ В. М. Лебедев особо подчеркнул, что благодаря судебной реформе, которая была объявлена В. В. Путиным еще в 2018 году, в значительной степени удастся повысить независимость судей. И одним из шагов на пути к этому будет являться устранение существующих проблем посредством осуществления в обязательном порядке выносимых судьями судебных решений [5].

Особый интерес данной темы также вызван предложенными В. В. Путиным 15 января 2020 года поправками в Конституцию РФ, и заявленная новая реформа судебной власти Российской Федерации. Так, по мнению С. А. Пашина, вносимые предложения в случае их принятия приведут к тому, что судьи утратят независимость, а также под угрозой станет вопрос их несменяемости, гарантируемой ст. 15 Федерального конституционного закона

«О судебной системе Российской Федерации» [6–8].

Анализ различных точек зрения по поводу проблем, возникающих в правоприменительной практике относительно вопросов реализации принципа независимости судей, показал, что практически все авторы научных трудов сходятся в едином мнении. В частности, большинство ученых, юристов, правоведов полагают, что на сегодняшний день за судьями отсутствует действенный контроль со стороны общества [9, с. 56; 10, с. 11]. По нашему мнению, подобный контроль необходим и со стороны иных ветвей государственной власти для обеспечения эффективности работы судов и выносимых судьями решений.

Важно отметить, что необходимость судебной реформы также обусловлена значительным ростом недоверия со стороны народа к суду. Так, согласно проведенному опросу в 2019 году 66,9 % опрошенных выразили недоверие российскому правосудию. При этом важно отметить, что 55 % опрошенных не доверяет судам, обосновывая свою позицию тем, что судьи и само правосудие не могут быть объективными, а также не являются независимыми, несмотря на то что данный принцип закреплен действующей Конституцией РФ [11; 12]. Довольно часто периодические издания пестрят заголовками о потере доверия к судебной власти, в частности, к судьям, обвиняя их в потере объективности [13].

Таким образом, становится понятно, что на сегодняшний день исследуемой проблематике уделяется особенное внимание как в обществе, науке, так и со стороны законодателя. И одной из основных проблематик, как выявил проведенный анализ, является тот порядок, согласно которому происходит отбор судей, а также их дальнейшее назначение на должность.

Н. А. Петухова еще в 2015 году в своем труде подчеркивала, что принцип независимости судей фактически не ре-

ализуется на практике по причине того, что назначение федеральных судей напрямую зависит от волеизлияния Президента РФ. При этом назначение мирового судьи находится в зависимости от воли законодателя регионального уровня [14, с. 213]. Соглашаясь с данным мнением, Н. С. Корнус в своем труде 2018 года отмечает, что будет являться неверным, если наделить Президента РФ полномочиями назначать федеральных судей единолично [15, с. 113]. Безусловно, с данным мнением стоит согласиться в некоторой степени, ведь для этого будут необходимы значительные материальные затраты, а также затраты времени со стороны президента, который должен будет уделить время рассмотрению и подписанию бумаг на утверждение того или иного судьи на должность.

Подвергает сомнению порядок назначения на должность судей, который ныне существует, и К. Беше-Головко. По мнению автора, именно по причине того, что на сегодняшний день действует подобный порядок назначения, невозможна реализация основополагающего принципа независимости судей. В частности, обосновывает автор данную позицию тем, что судебная власть в результате концентрации определенных полномочий у Президента РФ находится в непосредственной зависимости от его воли [16, с. 178].

Стоит отметить, что в научной среде существуют и противоположные мнения насчет логичности, рациональности и необходимости установленного порядка, согласно которому происходит назначение судьи, и каким образом определен весь механизм. Так, например, К. М. Худoley считает анализируемый порядок в полной мере целесообразным. При этом отмечает тот факт, что определенная проблематика в данном вопросе все же присутствует. В частности, автор подчеркивает, что под сомнением находится процедура несколько иного характера. А именно, каким образом отдельно взя-

тая кандидатура включается в анализируемый проект указа Президента РФ. А если быть точнее, не до конца понятен механизм принятия соответствующего решения, после чего выдвинутый кандидат сможет быть назначен федеральным судьей [17, с. 81].

Проведя исследование разнообразных мнений относительно целесообразности концентрации анализируемых полномочий у главы государства, мы пришли к заключению, что назначение Президентом РФ всех федеральных судей единолично негативно отражается на столь необходимой на сегодняшний день независимости судебной власти и непосредственно судей. Таким образом, судья становится напрямую и полностью зависимым от исполнительной власти, что фактически делает бессмысленным принцип независимости судей [18, с. 58].

По нашему мнению, особую проблематику составляет тот факт, что общество не имеет возможности проследить, каким образом осуществляется отбор предварительно по причине закрытости такового. В связи с чем, все чаще данную процедуру в обществе называют непрозрачной. Решение анализируемой проблемы возможно лишь посредством строгой регламентации на законодательном уровне, соблюдая при этом все необходимые объективные обстоятельства, а не одно лишь желание органа (как председателя суда, так и аппарата президента), осуществляющего предварительный отбор. Безусловно, это будет способствовать более объективному отбору кандидатуры.

На сегодняшний день именно председатель суда, а также члены специальной комиссии при Президенте РФ определяют предварительный отбор кандидатур и непосредственное их назначение на должности судей. Такие обстоятельства не дают в полной мере реализовывать анализируемый и столь важный принцип независимости судей. Несомненно, данная проблема имеет решения, однако, по мнению некоторых экспертов, оно карди-

нальное, так как противоположно тому порядку обора и назначения кандидатур на должность судей, который установлен ныне.

Мы полагаем, что законодателю целесообразно пересмотреть порядок назначения мировых судей, а также судьи районных судов и субъектов Российской Федерации [19]. В частности, полагаем, что подобные назначения не должны осуществляться по предоставлению кандидатур представителями соответствующих судов. Уместным будет, если такими полномочиями по предоставлению кандидатур законодательным органам власти субъектов Российской Федерации будут наделены органы судейского сообщества. В том числе эффективным и действенным решением будет установление открытости процедур рассмотрения отдельно взятых кандидатур отбора кандидатов, в том числе будет уместным придавать их гласности, чтобы общество, а именно граждане были в курсе о предстоящем отборе.

Наиболее логичным в данном случае будет проведение анализируемых процедур посредством прямых трансляций в сети «Интернет». Для того чтобы граждане в режиме «онлайн», то есть находясь у себя дома либо в любой другой точке, могли спокойно наблюдать за процедурой, при этом не мешать ее спокойному проведению. Важно отметить, что при данном процессе целесообразно присутствие адвокатского сообщества, в том числе различных правозащитных организаций, а именно их непосредственных представителей. Также требуется пересмотр вопроса отбора и назначения судей высших судов. Это касается Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ.

Как известно, согласно ст. 6 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» назначение судьей Верховного Суда РФ осуществляется Советом Федерации Федерального Собрания РФ по предоставлению Президента РФ. При этом Председатель Верховного Суда РФ представляет Президенту РФ соответствующие кандидатуры [20; 21]. Что же касается судей Конституционного Суда РФ, то согласно ст. 9 их кандидатуры также вносятся на утверждение Президенту РФ [22].

Целесообразным будет, если таким правом о назначении той или иной кандидатуры на должность судьи Конституционного Суда РФ или же Верховного Суда РФ будет наделен Парламент РФ. При этом важно отметить, что последний не будет единолично осуществлять отбор и назначение, право отбора кандидатур и дальнейшего его представления также останется у Совета судей.

В заключении важно отметить, что анализируемая проблематика, которая затрудняет возможность реализовать принцип независимости судей, отнюдь не является единственной. На сегодняшний день таких проблем сформировалось множество, и все они требуют более детального исследования и проработки, нахождения решений. В том числе важно отметить, что помимо проблем, как показал анализ, намечаются и определенные перспективы. Это связано с особым интересом законодателя в последние годы к судебной системе, а также проводимых в ней реформ. Об их целесообразности можно будет судить лишь после того, как законодателем будет внесен ряд поправок в действующее законодательство, а также анализ их эффективности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смыкалин А. С. История судебной системы России: учебное пособие. М.: Юнити, 2015. 231 с.
2. Организация деятельности судов: основные нормативно-правовые акты / А. В. Гусев, Н. А. Петухов, В. Б. Пипко [и др.]. М.: Юнити, 2015. 303 с.

3. Клишас А. А. Судебную систему ждут крупные изменения // Парламентская газета. 2018. 20 июля. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.pnp.ru%2Fsocial%2Fsudebnuyu-sistemu-zhdut-krupnye-izmeneniya.html> (дата обращения: 31.03.2020).
4. Махеева Е. Б. Независимость судей в современной России // Вестник науки и образования. 2018. № 7 (12). С. 37–39.
5. Лебедев В. М. Объявленная Путиным судебная реформа почти завершена // Ведомости. 2019. 21 мая. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/05/21/802106-obyavlenaya-putinim> (дата обращения: 31.03.2020).
6. О судебной системе Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 30.10.2018) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.
7. О судебной системе Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 30.10.2018) // Собрание законодательства РФ. 2018. № 31. Ст. 4811.
8. Пашин С. А. Смещение судей Советом Федерации нарушает саму Конституцию // Медуза. 2020. 21 января. URL: <https://meduza.io/feature/2020/01/21/smeschenie-sudey-советом-федерации-narushaet-samu-konstitutsiyu> (дата обращения: 31.03.2020).
9. Камардина А. А. Независимость судей как принцип уголовного судопроизводства // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 2. С. 56–58.
10. Петухов Н. А., Ермошин Г. Т. Независимость судьи Российской Федерации: современные проблемы обеспечения // Российская юстиция. 2013. № 3. С. 11–15.
11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
12. Исследования. Опрос выявил рекордное недоверие российского бизнеса к силовикам // Право.ру. 2019. 28 мая. URL: <https://pravo.ru/news/211834/> (дата обращения: 31.03.2020).
13. Трифонова Е. Судебную систему обвиняют в потере объективности // Независимая газета. 2019. 17 сентября. URL: https://yandex.ru/turbo?text=http%3A%2F%2Fwww.ng.ru%2Fpolitics%2F2019-09-17%2F3_7678_polit1.html (дата обращения: 31.03.2020).
14. Правоохранительные и судебные органы России: учебник / под ред. Н. А. Петухова, А. С. Мамыкина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Российский государственный университет правосудия (РГУП), 2015. 434 с.
15. Корнус Н. С. Проблема реализации принципа независимости судей // Молодой ученый. 2018. № 12. С. 111–113.
16. Суд и государство: монография / К. Беше-Головко, Л. В. Головко, Ш. Дюбрёй [и др.]; под ред. Л. В. Головко, Б. Матьё. М.: Статут, 2018. 272 с.
17. Худoley К. М. О некоторых вопросах назначения судей конституционных (уставных) судов // Вестник Пермского университета. 2014. Вып. 4 (26). С. 72–84.
18. Судья: журнал / под ред. А. Ж. Малышева. 2019. № 6. 66 с.
19. О судах общей юрисдикции в Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ (ред. от 06.03.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2019) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 898.
20. О статусе судей в Российской Федерации: закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 02.08.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.10.2019) // Российская газета. 1992. № 170.
21. О статусе судей в Российской Федерации: закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 02.08.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.10.2019) // Российская газета. 2019. № 166.
22. О Конституционном Суде Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 29.07.2018) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

УДК [811.111+811.161.1]’23:351.741.082.7

Ю. И. АЛФЕРОВА, доцент кафедры иностранных языков Омской академии МВД России, кандидат филологических наук (г. Омск)

YU. I. ALFEROVA, Assistant Professor of the Chair of Foreign Languages of Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Philology (Omsk)

**КОМПОНЕНТЫ КОНЦЕПТА «POLICEWOMAN»
(«ЖЕНЩИНА-СОТРУДНИК ПОЛИЦИИ»), АКТУАЛЬНЫЕ
ДЛЯ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ**

**COMPONENTS OF THE CONCEPT «POLICEWOMAN» («FEMALE POLICE
OFFICER») IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LINGUISTIC CONSCIOUSNESS**

***Аннотация.** Цель данной работы – реконструировать концепт «policewoman» посредством изучения репрезентирующих его языковых знаков на основе данных медиа-дискурса, лингвистического корпуса (Британского национального корпуса, Корпуса современного американского языка), лексикографического толкования и ассоциативного эксперимента, а также выявить признаки концепта «женщина-сотрудник полиции», характерные для языкового сознания сотрудника полиции. Автор предлагает обратиться к методу психолингвистического описания языка с целью выявления смысловых полей концепта. Изучение концептов, представленных единицами английского и русского языка, позволяет выявить и сравнить компоненты, актуальные для языкового сознания носителей русского и английского языка, определить значимость предметно-понятийного и эмоционально-оценочного компонентов. Данное исследование может быть востребовано специалистами, изучающими особенности профессионального языкового сознания.*

***Ключевые слова и словосочетания:** концепт, языковое сознание, лингвистический корпус, медиа-дискурс, ассоциации, ассоциативный эксперимент.*

***Annotation.** The purpose of this work is to reconstruct the concept of «policewoman» by studying its representative language signs based on data from the media discourse, the linguistic corpus (British national corpus, modern American language Corpus), lexicographic interpretation and associative experiment, as well as to identify the features of the concept of a woman police officer that are characteristic of the language consciousness of a police officer. The author suggests using the method of psycholinguistic description of language in order to identify the semantic fields of the concept. Russian language units ‘concepts study allows to identify and compare the components that are relevant to the language consciousness of native speakers of Russian and English, to determine the significance of the subject-conceptual and emotional-evaluative components. This research can be used by specialists who study the features of professional language consciousness.*

***Keywords and phrases:** concept, linguistic consciousness, linguistic corpus, media discourse, associative experiment, associations.*

Данное исследование предпринято в рамках изучения особенностей формирования концептов, связанных с правоприменительной деятельностью, в языковом сознании профессионала (сотрудника полиции), и продолжает ряд работ автора по реконструкции концептов на основе нескольких способов репрезентации языка. Теоретическими предпосылками исследования послужили работы, посвященные проблемам языкового сознания [1–3] и психолингвистическому подходу к слову [4–6].

Под концептом понимается «базовая когнитивная сущность, позволяющая связывать смысл с употреблением слова». При этом важным является то, что данные «когнитивные сущности эмоционально-оценочно переживаются индивидом» [4, с. 398]. В качестве базового определения языкового сознания в данной работе используется следующее: языковое сознание – это «система образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств» [5, с. 26].

Применение психолингвистического подхода является целесообразным для изучения смыслов, стоящих за языковой единицей, поскольку значение слова соотносится с индивидуальным знанием и функционирует не отдельно, а в определенных связях, которые складываются во все более обширные объединения: кластеры, поля, сети. Актуальность обращения к методу ассоциативного эксперимента обусловлена «взаимодействием разных видов значения, одним из которых является ассоциативное значение» [7, с. 45–46]. Ассоциативный эксперимент как один из методов психолингвистического подхода важен еще и потому, что «структурные параметры смыслового поля слова представляют результаты познания и описываются с помощью аналитических структур знания посредством моделирования стереотипного ядра ассоциативного поля, когнитивной и смысловой структур слова, а возможность наблюдать функционирование

слова в обыденном сознании носителей языка и культуры обеспечивает продолженные ассоциативные эксперименты» [8, с. 32].

Необходимость в проведении ассоциативного эксперимента обусловлена и тем, что «концептуальная система человека постоянно, на всех стадиях познания и деятельности, меняется», следовательно, исследования должны базироваться на актуальной для данного периода информации [9, с. 13]. К тому же изучение языкового сознания с помощью описания концептов на основе ассоциативных экспериментов обосновано тем, что «человеческий мозг хранит информацию на основе ассоциативных связей» [10]. Ассоциативный эксперимент позволяет выявить актуальные признаки концепта, важные для отдельной личности и языкового сознания людей, принадлежащих к одной профессиональной группе.

При реконструкции концепта «*policewoman*» («*female police officer*») на основе лексикографического толкования и анализа лингвистического корпуса было установлено, что данное слово впервые зафиксировано англоязычными словарями в 1853 г. В этих словарях отражен предметно-понятийный компонент концепта «сотрудник полиции женского пола». *A female member of a police force* [11] – женщина-полицейский или женщина, являющаяся сотрудником полиции (здесь и далее перевод автора статьи. – Ю. А.). *A policewoman is a woman who is a member of the police force* [12]. – Женщина-полицейский – это женщина, которая является сотрудником полиции.

Иллюстративный материал, представленный в словарях, содержит лишь информацию: 1) о возрасте женщины-сотрудника полиции; 2) об ее качествах (например, непреклонность, вежливость): «*Her way was barred by a young policewoman, steadfastly refusing entry*» (Times, Sunday Times, 2012). – Путь ей преграждала молодая женщина-полицейский, которая была непреклонна и

не разрешала входить. «They thanked me and went ahead to the passport booth, where a young policewoman was polite to them both» (Charles Glass the Tribes Triumphant, 2006). – Они поблагодарили меня и пошли к паспортному столу, где молодая женщина-полицейский была вежлива с ними обоими; 3) о гражданстве: «Of the 10 people killed by the NSU between 2000 and 2007, eight were men of Turkish origin, one man as Greek and the tenth was a German policewoman» (Frank Jordans, The Seattle Times, 2018). – Из десяти человек, убитых членами Национал-социалистического подполья в период с 2000 по 2007 год, восемь были мужчины турецкого происхождения, один мужчина – грек, а десятый – немецкая женщина-полицейский.

Анализ лингвистических корпусов (Британский национальный корпус, Корпус современного американского языка) и медиадискурса проводился с учетом частотности употребления словосочетания «policewoman» («female police officer») в определенном контексте (всего 207 единиц). Актуальными компонентами концепта «policewoman» («female police officer») оказались следующие:

1. 59 % составляют примеры употребления «policewoman» («female police officer») в контексте, связанном с действиями полицейского, характерными как для мужчины, так и для женщины (выражены не только терминами, но и общеупотребительной лексикой): repeated the question – повторила вопрос; took our names and contact details – записала наши контактные данные; fired several shots – произвела несколько выстрелов; arrested a man (who repeatedly stabbed his wife) – арестовала мужчину (который нанес несколько ударов ножом своей жене) [14]. Следует отметить, что грамматически данный компонент выражен конструкцией активного залога.

2. 12 % составляют примеры, в которых женщина-полицейский является жертвой преступления (в отношении

нее совершено противоправное деяние). В примерах встречаются следующие структуры: женщина-полицейский выступает в роли объекта (дополнение); факт совершения преступления выражается причастием прошедшего времени (Participle II) в функции определения – страдательный залог, что указывает на то, что в отношении женщины-полицейского совершается действие. Например, killing a policewoman, a policewoman who got injured – убийство женщины-полицейского, женщина-полицейский, получившая ранения; wounded policewoman dies in hospital – раненая женщина-полицейский умирает в больнице; Libya has finally paid compensation to the family of the murdered policewoman» – Ливия наконец выплатила компенсацию семье убитой женщины-полицейского.

3. 10 % составляют примеры, в которых женщина-полицейский сама обвиняется в совершении противоправного деяния. Данный аспект грамматически выражен конструкцией пассивного залога: was charged with manslaughter – была обвинена в непредумышленном убийстве; или активного залога: A policewoman in Kabul killed a US civilian trainer who'd been working with the NATO command. Женщина-полицейский в Кабуле убила американского гражданского инструктора, который работал с командованием НАТО [13].

4. 5 % составили примеры, отражающие принадлежность к определенному подразделению: a local policewoman – женщина-сотрудник местных органов полиции; an undercover policewoman – женщина-полицейский под прикрытием. Данный компонент выражен прилагательным в функции левого определения.

5. 5 % примеров отражают карьерный рост женщины-полицейского: She was the highest ranking black female policewoman in Arizona before moving to Oxnard to become a police chief. – Она была самой высокопоставленной женщиной-полицейским в Аризоне до того,

как переехала в Оксфорд, где стала начальником полиции.

6. В 5 % примеров актуальным является внешний вид женщины-полицейского: *The old-style helmet is out, the hijab is in, at least for female Muslim recruits to the Metropolitan police* [14]. – Шлемы, которые носили раньше, больше не в моде, в моду входит хиджаб, по крайней мере для мусульманских женщин-новобранцев в столичной полиции.

7. В 4 % примеров отражен эмоциональный компонент, касающийся внешнего вида. Данный компонент представлен прилагательными и причастиями настоящего и прошедшего времени в функции определения: *a tired-looking policewoman* – уставшая женщина-полицейский; *the policewoman's frightened face* – испуганное лицо женщины-полицейского; глаголом в функции сказуемого: *She wiped away tears (in court – telling about the murdered colleague)* [14]. – Она вытерла слезы (рассказывая об убитой коллеге в суде).

По данным лексикографических источников и СМИ, эмоционально-оценочный компонент актуализируется при описании внешности женщины-сотрудника полиции. В результате изучения русскоязычного медиадискурса (например, форум журнала «Профсоюз полиции») сделаны следующие выводы. Актуальными являются три компонента концепта «женщина-сотрудник полиции»: 1) режим работы женщины-сотрудника полиции (в виде вопросов на форуме); 2) внешний вид женщины-сотрудника полиции; 3) случаи нападения на женщину-сотрудника полиции. Первые два компонента представлены цитированием закона [15; 16].

Анализ англоязычного научного дискурса, а именно статей, посвященных вопросам, связанным с женщинами-сотрудниками полиции, выявил, что в центре внимания ученых оказываются такие вопросы, как использование силы женщинами-сотрудниками полиции (это

происходит реже, нежели со стороны сотрудников полиции мужского пола). Так, агрессивное поведение считают необходимым: а) во время несения службы в определенных районах 58 % мужчин-сотрудников полиции и 48 % женщин-сотрудников полиции; б) с определенными категориями граждан – 46 % и 33 %, соответственно [17]. 30 % сотрудников полиции мужского пола сообщили, что применяли огнестрельное оружие во время несения службы, среди женщин-сотрудников полиции так ответили 11 % [17]. Следующий вопрос, на котором фокусируются ученые, связан с применением силы против женщин-сотрудников полиции (что встречается чаще по сравнению с сотрудниками полиции мужского пола) [18]. Большое внимание уделяется вопросам, связанным с увеличением или уменьшением количества женщин в рядах полиции и с причинами увольнения или поступления на службу [19]. Приводятся аргументы в пользу того, что женщинам лучше удастся профилактическая работа или работа в определенных подразделениях (например, в отделе по делам несовершеннолетних), с определенными видами правонарушений (проституция, торговля женщинами, насилие в семье), определенными категориями граждан (дети и женщины больше склонны доверять женщинам-сотрудникам полиции, нежели мужчинам) [20].

В поле концепта «*female police officer*», по данным медиадискурса (в частности, различных форумов, посвященных женщинам-сотрудникам полиции), оказываются: 1) проблемы, связанные с препятствиями при продвижении по службе; 2) отношение к женщине-сотруднику полиции со стороны сотрудников полиции мужского пола (негативное), в результате чего женщины увольняются из органов полиции; 3) стресс на службе; 4) принадлежность женщины-сотрудника полиции к более низким уровням служебной иерархии; 5) превалирование «мужской» культуры среди полицейских

(как отмечается, зачастую враждебной и недружелюбной по отношению к женщине). Перечисленные компоненты целесообразно отнести к негативной части концепта. В научном дискурсе также отражены и способы решения некоторых проблем, составляющих «негативную» часть концепта. Среди решений проблем указываются: избавление от гендерных предрассудков при наборе сотрудников в органы полиции; создание «зон комфорта» на рабочем месте, необходимых для женщин (например, место или комната для кормления) [21].

В работах, посвященных восприятию женщин-сотрудников полиции, отражены такие аспекты, как необходимость принимать на службу женщин в связи с требованием, предъявляемым обществом полиции, более доброжелательно относиться к людям. Причем данный аспект актуален не только в настоящее время, он был актуален с первых лет, когда на службу в органы полиции впервые стали принимать женщин [22].

В центре внимания русскоязычного научного дискурса находятся вопросы, связанные с особенностями подготовки женщин-сотрудников полиции

(например, с особенностями физической подготовки), психо-динамические особенности женщин-полицейских, социально-психологические факторы эффективности деятельности женщин-сотрудников органов внутренних дел [23]. Целью проведения ассоциативного эксперимента является выявление современных представлений о женщине-сотруднике полиции, сформированных в сознании представителей данной профессии. Ассоциативный эксперимент позволяет вербализовать содержание сознания определенной профессиональной группы и определить как общие, так и индивидуальные признаки исследуемого концепта.

В ассоциативном эксперименте приняли участие 60 обучающихся Омской академии МВД России в возрасте от 18 до 22 лет и 40 обучающихся, чей стаж службы в правоохранительных органах составляет от 5 до 20 лет. Респондентам было предложено записывать слова-ассоциаты на словосочетание «женщина-сотрудник полиции». В результате эксперимента получено 112 реакций. Далее рассмотрим результаты эксперимента (см. табл. 1).

Женщина-сотрудник полиции			
	1–2 курс	4–5 курс	Стаж работы от 5 до 20 лет
Ядро	Качества положительные: – 60 % ж.; – 37,5 % м.	Качества положительные – 43 %	Негативная оценка – 48 % (из них 27 % – в связи со службой; 13 % – нейтральные (но выводы, которые подразумеваются, отрицательные); 8 % – по отношению к семье, дому
Периферия	Принадлежность к определенному подразделению – 27 %	Принадлежность к определенному подразделению – 31 %	Внешность – 16 %
	Внешность: – 7,4 % ж.; – 20,8 % м.	Внешность – 6 %	Качества положительные – 13 %
		Негативная оценка – 2 %	

Среди ассоциаций, данных курсантами 4–5 курсов и сотрудниками, чей стаж составляет от 5 до 20 лет, наибольшее количество представляют собой парадигматические связи (например, защитница закона, следователь, служба; порядочность, коммуникабельность); большая часть ассоциаций, данных курсантами 1–2 курсов, отражает синтагматические связи (например, дисциплинированная, умная, ответственная, осторожная, храбрая). Следует отметить, что достаточно большое количество ассоциаций, данных сотрудниками, чей стаж составляет от 5 до 20 лет, представляют собой словосочетания и предложения (например, они не работают, не дежурит, не ходит в ночь).

По данным ассоциативных экспериментов, проведенных с курсантами 1–2 курсов и слушателями старших курсов, эмоционально-оценочный компонент касается как внешности, характера женщины (например, красота, ухоженность, доброта), так и ее действий (например, принятие решения о работе в полиции: безумие, глупость, цирк). С точки зрения того, является ли коннотация положительной или отрицательной, следует отметить, что среди ответов, данных девушками, положительной коннотации больше, лишь один ответ выявляет отрицательную коннотацию, которая выражает понимание девушками-сотрудницами полиции своей роли в глазах общества (иногда) – возмущение со стороны. Среди ассоциатов, выявляющих эмоционально-оценочный компонент концепта, данных мужской аудиторией, выявлено больше примеров, связанных с актуализацией внешности – при этом коннотация в этом случае положительная; общее отношение (без указания на внешность) выражено такими ассоциатами, как безумие, глупость, цирк, что может выражать как отрицательную коннотацию, так и сочувствие со стороны коллег-мужчин. К положительным коннотациям (кроме тех, что касались внешности) отнесем и нетрадиционный подход к работе.

Наибольший процент ассоциаций, данных сотрудниками, чей стаж составляет от 5 до 20 лет, составили эмоционально-оценочные реакции, что указывает на наличие стабильных компонентов в профессиональном языковом сознании, обусловленных совместной деятельностью респондентов. Следует отметить, что в ассоциациях респондентов проявились и компоненты, актуализированные и в корпусе английского языка, и в научном дискурсе, например, категория принадлежности к определенному подразделению. Если в лингвистическом корпусе приводятся примеры службы женщины в местных органах полиции или в качестве негласного агента, то в научном дискурсе и в ассоциациях отражен фактор большей эффективности (по сравнению с мужчинами) при выполнении профилактической работы и работе в отделе по делам несовершеннолетних. Возможно, в связи с более развитыми навыками общения с определенными категориями граждан или в силу традиционно «женских» качеств (мягкость, доброта).

Исследования языкового сознания сотрудников правоохранительных органов показывают, что зачастую ядром того или иного концепта (из профессиональной области) является предметно-понятийный компонент. Как показывают последние исследования, на передний план выходит эмоционально-оценочный компонент.

Ассоциативный эксперимент позволяет выявить актуальное для данной профессиональной группы психологическое значение слова. Результаты ассоциативного эксперимента, проведенного с сотрудниками полиции мужского пола, чей стаж составил от 5 до 20 лет, позволяют утверждать, что ядром концепта «женщина-сотрудник полиции» является эмоционально-оценочный компонент. При этом, вопреки предположению автора исследования относительно стереотипных реакций на стимул со стороны представителей одной профессиональной груп-

пы, сами ассоциации редко повторялись слово в слово.

Эмоционально-оценочный компонент с положительной коннотацией в ответах женщин-сотрудников полиции выявляет стратегию «оправдания» присутствия женщин в полицейских структурах (например, «это сотрудник полиции, который ничем не отличается от мужчины полицейского», «несет службу», «выполняет свою служебную деятельность в полном объеме», «это еще и красота наших ОВД» и др.). Анализ смыслов концепта «женщина-сотрудник полиции» («*policewoman*») позволяет на основе разных источников сделать следующие выводы:

1. Представленность исследуемого концепта в различных дискурсах и в ассоциативно-вербальной сети оказалась количественно различной. Так, в англоязычном медиадискурсе и в лингвистическом корпусе количество компонентов концепта составило приблизительно 7, в научном дискурсе – 5. В русскоязычном научном дискурсе отражены 3 компонента концепта.

2. По количеству компонентов богаче всего изучаемый концепт представлен в английском языковом сознании, а именно в лингвистическом корпусе, медиадискурсе и научном дискурсе.

3. Анализ англоязычного научного дискурса позволяет отметить, что обсуждаемые на этой площадке вопросы направлены как на преодоление негативного отношения к полиции в целом, так и к женщине-сотруднику полиции в частности. Поднимаются и обсуждаются проблемы и способы их решения, связанные именно с негативным отношением к женщине, служащей в правоохранительных органах.

4. Ассоциации позволяют исследовать содержание концепта как отражение профессиональной реальности в динамике. Выявленные при этом смыслы (неосознаваемые компоненты значения) доказывают развитие семантической структуры слова.

5. В ассоциативно-вербальной сети четко выражено ядро концепта и его ближайшая периферия, при этом характерным является то, что процент одинаковых реакций очень мал. Это позволяет судить о стереотипности профессионального сознания относительно общих черт концепта и об индивидуальных проявлениях в плане конкретного их выражения. Реакции все индивидуальные, но все они относятся к ядру концепта. Так, ядро концепта в языковом сознании курсантов 1–2 курсов и слушателей старших курсов составляют ассоциации, отражающие положительные качества женщины сотрудника полиции. Ядро концепта в языковом сознании сотрудников правоохранительных органов, чей стаж составляет от 5 до 20 лет, представлено ассоциациями, отражающими негативную оценку (из них 27 % касалась службы; 8 % связана с отношением к семье и дому; 13 % ассоциаций являются нейтральными, но предполагаемые при этом выводы указывают на негативную оценку).

6. Ядром концепта «женщина-сотрудник полиции» в профессиональном языковом сознании является эмоционально-оценочный компонент.

7. Ассоциации, данные сотрудниками полиции с большим стажем (от 5 до 20 лет), не отражены ни в словарях, ни в научном дискурсе, что может указывать на наличие более объективной характеристики концепта, поскольку полученная информация и отражает в действительности значение слова как «живое знание».

В целом, необходимо признать, что количество данных о представленности концепта «женщина-сотрудник полиции» в лингвистическом корпусе и медиадискурсе в русскоязычных источниках существенно отличается от «*female police officer*» в англоязычных источниках. Все поиски приводят к ссылкам на сайты МВД России, в которых цитируются законы (например, касающиеся привлечения сотрудника органов внутренних дел,

имеющего ребенка до 3-х лет, к работе в ночное время [16]). Национальный корпус русского языка не содержит словосочетания «женщина-сотрудник полиции». Одно из возможных объяснений носит чисто лингвистический характер: в английском языке слово «policewoman» зафиксировано словарями в конце XIX в., соответственно, лингвистический корпус мог наполняться в течение длительного времени, в то время как в русском языке нет отдельного слова, обозначающего данный концепт, а имеется словосочетание, и все возможные виды контекста не выявляют гендерного аспекта при первом рассмотрении, как это должно происходить при работе с лингвистическим корпусом.

Выводы, сделанные на основе анализа научного дискурса, таковы, что проблемы, которые находятся в центре внимания ученых англоязычного мира, выглядят очень резонансными (например, сексуальные домогательства, дискриминация женщин при предоставлении стимулирующих выплат или при продвижении по службе) [17; 20].

Ассоциативное поле концепта «женщина-сотрудник полиции», построенное на основе ассоциативного эксперимента, проведенного с действующими сотрудниками полиции, позволяет зафиксировать динамику индивидуального знания о концепте в связи с имеющимся у респондентов опытом работы и сроком службы в органах внутренних дел.

Представляется целесообразным провести в дальнейшем ассоциативный эксперимент с участниками, имеющими такую же разницу в возрасте, как и в данном исследовании. Интерес могут представлять следующие вопросы: «Изменится ли восприятие женщины-сотрудника полиции у респондентов-курсантов?», «Обретет ли концепт похожие смыслы, что были зафиксированы у респондентов, чей стаж составляет от 5 до 20 лет, или же ассоциативное поле концепта, которое было реконструировано при проведении данного исследования, останется практически неизменным?».

ЛИТЕРАТУРА

1. Залевская А. А., Медведева И. Л. Психолингвистические проблемы учебного двуязычия. Тверь, 2002. 194 с.
2. Горелов И. Н. Избранные труды по психолингвистике. М., 2003. 320 с.
3. Jackendoff R. Language, Consciousness, Culture. Cambridge, 2007. 403 p.
4. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст. Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
5. Тарасов Е. Ф. Диалог культур в зеркале языка // Встречи этнических культур в зеркале языка. М., 2000. С. 110–121.
6. Кубрякова Е. С. О формировании значения в рамках семиозиса // Когнитивные аспекты языковой интеграции. Рязань, 2000. С. 26–29.
7. Диз Дж. Структура ассоциаций в языке и мысли. М., 1965. 216 с.
8. Курганова Н. И. Ассоциативный эксперимент как метод исследования значения живого слова // Вопросы психолингвистики. 2019. № 3 (41). С. 24–37.
9. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 8–16.
10. Bush V. As We May Think (1945). URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1945/07/as-we-may-think/303881/> (дата обращения: 02.05.2018).
11. Policewoman. Collins Cobuild Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/weapon> (дата обращения: 15.02.2019).

12. Policewoman. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/weapon> (дата обращения: 13.02.2019).
13. British National Corpus. URL: <https://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.02.2019).
14. Corpus of Contemporary American. URL: <https://corpus.byu.edu/coca> (дата обращения: 12.03.2019).
15. Профсоюз полиции. Журнал профсоюзов сотрудников внутренних дел России. URL: <http://policemagazine.ru/forum/showthread.php?t=6587> (дата обращения: 21.08.2019).
16. Официальный сайт Министерства внутренних дел по Республике Саха (Якутия). Может ли сотрудник ОВД женского пола, имеющий ребенка в возрасте до 3-х лет, привлечен к работе в ночное время? URL: <https://14.мвд.рф/document/6447060> (дата обращения: 07.08.2019).
17. Stepler R. Female police officer's on-the-job experiences diverge from those of male officers. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/01/17/female-police-officers-on-the-job-experiences-diverge-from-those-of-male-officers/> (дата обращения: 10.01.2019).
18. Schuck Amie M., Rabe-Hemp C. Women Police // Women and Criminal Justice. 2007. Vol. 16. P. 91–117.
19. Helm T. Four in 10 female police officers have considered quitting the force. The Guardian. URL: <https://www.citethisforme.com/topic-ideas/history/DISSERTATION-36664930> (дата обращения: 10.01.2019).
20. Smeal E., Sreenivasan J. and Jackman J. Eds., Women Redesign Policing. The Feminist Majority Report. URL: <http://www.feminist.org/> (дата обращения: 25.10.2018).
21. Recruiting & Retaining Women. A Self-Assessment Guide for Law Enforcement. Los Angeles, 2003. 22 p.
22. Seklecki, J., Paynich, R. A national survey of women police officers: an overview of findings // Police Practice and Research. 2007. № 8 (1). P. 17–30.
23. Соловьев Н. Н., Филиппова И. А. Общество: социология, психология, педагогика // Психодинамические особенности женщин-полицейских. 2017. № 8. С. 89–93.

© Алферова Ю. И.

УДК 378.016:811'276.6:351.741.08(470)

Л. М. ДЕГТЯРЕВА, доцент кафедры иностранных языков Ростовского юридического института МВД России, кандидат филологических наук, доцент (г. Ростов-на-Дону)

L. M. DEGTYAREVA, Assistant Professor of the Chair of Foreign Languages of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Philology, Associate Professor (Rostov-on -Don)

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДИК ОБУЧЕНИЯ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ЯЗЫКОВОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ

ON THE USE OF INTERACTIVE METHODS OF TEACHING IN THE FORMATION OF THE LINGUISTIC PROFESSIONAL PERSONALITY

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть на примере метода «мозаика» при работе с профессиональными юридическими текстами роль интерактивных методик обучения иностранному языку по формированию языковой профессиональной личности будущего сотрудника органов внутренних дел в условиях реализации Федеральных государственных образовательных стандартов. Цель данного метода состоит в активизации процесса обучения и формировании ответственности обучающихся при работе в учебной группе. Работа над текстом с использованием интерактивной методики «мозаика» предполагает работу со смысловыми частями текста – чтение, осмысление и презентация прочитанного. Формирование читательских компетенций обучающихся при работе с профессиональными юридическими текстами с предоставлением извлеченной информации требует от преподавателя создания пакета профессиональных юридических текстов, подготовки учебного кабинета для свободного передвижения в группах, формирования ротационных мини групп из числа обучающихся, организации работы в этих группах и саморефлексии на завершающем этапе работы с текстом.

Ключевые слова и словосочетания: компетентность, языковая профессиональная личность, лингвокультура, интерактивный метод, метод «мозаика», ротационная группа.

Annotation. The article attempts to consider the role of interactive methods of teaching a foreign language to create a linguistic professional identity of a future employee of the internal affairs bodies in the context of the implementation of Federal state standards using the “mosaic” method when working with professional legal texts. The purpose of this method is to enhance the learning process and the formation of students' responsibility working in the study group. The work on the text using the interactive technique "mosaic" involves the work with the semantic parts of the text - reading, comprehension and presentation of the read material. The formation of reading competencies of students in working with professional legal texts with the provision of extracted information requires the teacher to create a package of professional legal texts, prepare a study room for free movement in groups, form rotation mini groups from among the students and organize work in these groups, organize self-reflection at the final stage of the work with the text.

Keywords and phrases: competence, linguistic professional personality, linguistic culture, interactive, method mosaic, rotational group.

В условиях реализации Федеральных государственных образовательных стандартов (далее – ФГОС) целью современного высшего образования является «формирование общекультурных, общепрофессиональных, профессиональных и профессионально-специализированных компетенций» [1]. Под компетентностью понимают интегральную характеристику личности, которая определяет её способность решать проблемы и типичные задачи, возникающие в реальных ситуациях с использованием знаний, учебного и жизненного опыта, ценностей и наклонностей [2, с. 40]. Из вышесказанного следует, что компетентность предполагает деятельность – это своеобразная квалификационная характеристика обучающегося – будущего сотрудника органов внутренних дел. Для её проявления необходима заинтересованность обучающихся в решении поставленной проблемы. Компетентность формируется в результате собственных поисков обучающегося. При компетентностном подходе в обучении внимание обучающегося акцентируется на его способности применять полученные знания [3, с. 191].

В результате освоения программы обучающийся должен овладеть как профессиональными компетенциями для решения профессиональных задач, например, обеспечение международного взаимодействия правоохранительных органов, так и общекультурными – способностью работать в коллективе, толерантно воспринимая социальные, культурные, конфессиональные и иные различия, предупреждать и конструктивно разрешать конфликтные ситуации в процессе профессиональной деятельности, обладать способностью к деловому общению, профессиональной коммуникации на одном из иностранных языков [1].

Любая профессиональная деятельность, в том числе и деятельность сотрудника органов внутренних дел невозможна без овладения специальным профессиональным языком и речью как

основным регулятором профессиональной деятельности [4, с. 155]. Выполнять профессиональную деятельность, наряду с другими профессиональными качествами и должностными обязанностями, возможно лишь при успешном овладении специальным профессиональным языком.

Дисциплина «Иностранный язык» обладает большим потенциалом в плане формирования языковой профессиональной личности. Под языковой профессиональной личностью мы понимаем совокупность способностей человека к иноязычному общению на профессиональном языковом уровне [5], т. е. речевое взаимодействие, в том числе и профессиональное с представителями различных лингвокультур на различных уровнях межкультурной коммуникации.

На занятиях по иностранному языку происходит встреча и пересечение различных культур. В процессе изучения иностранного языка обучающийся вместе с языком приобретает и навыки общения с представителями других культур. Незнание иностранных языков и многообразие иноязычной культуры влечет за собой проблемы при общении с представителями иных культур, например, при организации мероприятий по обеспечению безопасности при подготовке и проведении международных спортивных мероприятий. Поэтому каждое занятие по иностранному языку – это приобщение к иноязычной культуре, межкультурный диалог, в том числе и профессиональный – между сотрудниками органов внутренних дел и гражданами.

Образовательная концепция ФГОС требует от преподавателя и обучающегося применения новых технологий и методик в обучении. Их целью является переход от передачи и получения знаний, умений и навыков к их творческому переосмыслению и применению, умению выражать свою точку зрения, работать в команде для достижения профессиональных целей.

При отборе учебного материала преподаватель учитывает интересующие обучающегося профессиональные проблемы. Это подготовка современных полицейских кадров, государственное устройство стран изучаемого языка, деятельность полиции на современном этапе развития общества, поддержание общественного порядка и обеспечение безопасности, роста (снижения) отдельных видов преступлений в России и странах изучаемого языка. Все эти факторы оказывают влияние на отбор аутентичного профессионального текстового материала, например, о действиях сотрудников полиции по обеспечению общественной безопасности. Для достижения этих целей в современной методике преподавания иностранного языка используются новейшие технологии и методы обучения для формирования языковой профессиональной личности, среди которых интерактивные методы занимают особое место.

Понятие «интерактивный» заимствовано из английского языка от слова «interact» – находиться во взаимодействии, взаимодействовать [6, с. 383]. Следовательно, интерактивный означает умение взаимодействовать. В педагогической практике к наиболее эффективным интерактивным методам обучения иностранному языку относят метод ассоциациограмм, цепочки, мозгового штурма, проектов, дискуссий, ролевых игр [7, с. 53]. Среди разнообразных методов интерактивного обучения при работе с различными текстами выделяют метод «мозаика». Метод был разработан американским социальным психологом Эллиотом Арсоном в 1971 году для улучшения процесса обучения и формирования ответственности обучающихся при работе в коллективе. За полвека своего существования исследуемый нами метод получил широкое распространение и признание среди преподавателей многих стран. В английской методике он известен под названием «Jigsaw» («головомойка»,

или метод «ажурной пилы»). Существует даже методический термин «jigsaw reading», т. е. чтение текста по фрагментам с последующим обменом информацией и обсуждением прочитанного. В немецкой методике преподавания данный метод обозначается как «Gruppen-Puzzle», что в переводе с немецкого языка означает групповая работа, групповой пазл. Отсюда и многообразие в названии метода – метод «пазла», групповой пазл, метод «ажурной пилы», метод «джигсоу», метод «зигзаг», метод «мозаика». Название «мозаика» нам представляется наиболее приемлемым, так как само понятие «мозаика» означает скрепление, составление [8] определенных элементов.

Метод «мозаика» целесообразно использовать при работе со специальными профессиональными текстами. Цель метода – формирование у обучающихся умения работать с различными источниками для извлечения и презентации полученной информации. При чтении текстов работа ведется в группах, выделяются ключевые слова, для наглядности используются различные виды инфографики и др. Это повышает интерес обучающихся к иностранному языку, эффективность понимания, запоминания и презентации прочитанных текстов, формирует навыки высказывания собственной точки зрения по содержанию материала занятия и самостоятельность при принятии решения.

Каждый обучающийся входит в одну из основных ротационных групп (основанный на принципе чередования, смены, поочередного пребывания в какой-либо должности) [9]. После изучения фрагмента текста участники основных групп собираются в экспертные группы, где обсуждаются проблемы изучения текста. На следующем этапе эксперты возвращаются в свои основные группы, сообщают результаты обсуждения и готовятся к изложению своего фрагмента текста, а также отвечать на вопросы членов других групп. Преподаватель кон-

тролирует понимание текста, уровень усвоения материала, подводит итоги занятия. Таким образом, происходит обмен информацией между участниками учебного процесса.

Применение данного метода при работе над аутентичным профессиональным текстом для формирования умения работать с источниками с предоставлением извлеченной информации требует от преподавателя выделения в учебном процессе определенных этапов:

- подбор учебного материала – пакет специальных профессиональных текстов;
- подготовка учебного кабинета для работы – создание возможности для обучающихся свободного передвижения в группах;
- формирование ротационных мини групп;
- организация работы в группах;
- саморефлексия.

На первом этапе для более эффективной работы над текстом и представлением его целостности обучающимся предлагается ознакомиться с содержанием всего текста. Происходит погружение в проблему, поднятую в тексте. Затем обучающиеся образуют ротационные мини группы по 3–5 человек, каждая из которых получает (или выбирает) свой фрагмент текста. На этом этапе обучающиеся не только изучают свой фрагмент текста, но и включаются в совместную деятельность по изучению содержания текста в малой группе и осознают индивидуальную ответственность за результаты своей работы [10, с. 16].

При работе над текстом с применением интерактивной методики «мозаика» обучающимся целесообразно подготовить памятку – своеобразный алгоритм действий работы с текстом, например:

1 этап. Работа в исходной ротационной группе. Необходимо ознакомиться с текстом: Study the information about «The Concept of Crime and the Types of Crime» [11]. Для успешной работы над текстом Вам следует:

- прочитать текст, понять его содержание, выписать профессиональные юридические термины;
- перефразировать текст;
- написать 2–4 вопроса к тексту, которые Вы зададите членам другой группы;
- пересказать текст друг другу.

2 этап. Работа в новой ротационной группе. Вам необходимо:

- прочитать свой фрагмент текста участникам другой группы;
- объяснить новые слова и подобрать к ним дефиниции;
- ответить на возникшие у обучающихся вопросы;
- задать вопросы к тексту.

Следует работать в этом режиме, пока каждый не поделится информацией о прочитанном. Помните: Вы не должны показывать свой текст членам другой группы.

3 этап. Возвращение в исходные группы, обсуждение всех фрагментов текста, готовность отвечать на вопросы преподавателя. Продемонстрируем применение интерактивных методик на занятиях по иностранному языку на примере темы «Kinds of crimes» («Виды преступлений»). Для активизации работы на первом этапе обучающимся предлагается:

1. Ответить на вопросы с опорой на фотографию с изображением одного из видов преступлений, например, ограбление, кража, незаконный оборот наркотиков и др.:

- What is the crime being committed?
- What punishment would the man receive if he were caught?
- Are crime levels on the increase in our country?
- If so, what do you think are the reasons for this?
- What are the most commonly committed crimes?

2. Подготовить ассоциогамму со словом «crime».

3. Ознакомиться со списком ключевых профессиональных терминов.

4. Проработать фрагмент текста (ст.ст. 14, 15) из УК РФ (на английском языке кодекс представлен в редакции 2012 г.).

5. Сравнить с текстом УК РФ с внесенными изменениями и дополнениями (2019 года) и прокомментировать.

6. Ответить на вопросы.

7. Подготовить и презентовать краткую аннотацию проработанного материала. В презентации участвуют все участники ротационной группы.

Использование интерактивного метода «мозаика» позволяет обучающимся за короткий срок в рамках практического занятия усвоить большое количество материала, способствует развитию делового сотрудничества, социальной и лингвокультурной компетенции. Послетекстовый этап направлен на контроль понимания содержания текста, его интерпретацию. На этом этапе используются такие формы работы, как упражнения на перевод, творческие задания на составление мини высказываний, «mind maps» и др.

Наглядность играет особую роль – переводы, инфографика, вопросы к другим

группам могут демонстрироваться на экране, «smart board / мультимедийной доске», могут быть представлены в виде карточек, выполненных в различных цветах. Важно отметить, что при такой организации учебного процесса, контроля знаний меняется и статус самого преподавателя – из транслятора знаний он переходит в роль модератора, консультанта, партнера по образовательному процессу.

Подводя итоги рассмотрения проблемы применения интерактивных методик обучения иностранному языку, следует отметить эффективность применения интерактивной методики «мозаика»: формирование ответственности обучающихся при работе в группе, читательских компетенций на иностранном языке, навыков презентации своей индивидуальной работы и работы группы, делового профессионального общения. Все это, несомненно, будет способствовать формированию языковой профессиональной личности будущего сотрудника органов внутренних дел.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности (уровень специалитета) (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 19 декабря 2016 г. № 1614). URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71485156/> (дата обращения: 09.11.2019).
2. Акулов О. В., Писарев С. А., Пискунов Е. В., Тряпицина А. П. Современная школа: опыт модернизации. СПб.: Изд-во РГПУ имени А. И. Герцена, 2005. 290 с.
3. Васильева Ю. С., Щемелева И. Ю. Опыт проектной деятельности в реализации компетентностного подхода при обучении языку специальности // Homo Loquens: актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: сборник научных статей. СПб.: Ютас, 2010. 280 с.
4. Мыскин С. В. Языковая профессиональная личность // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 12 (30). С. 150–157.
5. Корякина А. А. О поликультурной языковой личности // Мир Науки. 2016. № 6. URL: <http://mir-nauki.com> (дата обращения: 07.12.2019).
6. Мюллер В. К. Большой англо-русский словарь. В новой редакции: 22 000 слов, словосочетаний, идиоматических выражений, пословиц и поговорок. М.: Цитадель-трейд, 2010. 832 с.
7. Мазнева Ю. А. Теоретические и прикладные аспекты интерактивного обучения иностранному языку сотрудников органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 4 (75). С. 53–59.

8. Толковый словарь Ушакова. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nс/ushakov/862206> (дата обращения: 09.11.2019).

9. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. М.: Рус. яз. 2000. 1209 с. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 10.01.2020).

10. Карпиевич Е. Ф., Краснова Т. И. Задачи и способы организации работы с текстом (на основе таксономии Б. Блума). М.: Прописи, 2003. 124 с.

11. The Criminal Code Of The Russian Federation. 1996. June 13. No. 63-Fz. URL: <http://russian-criminal-code.com/PartI/SectionII/Chapter3.html> (дата обращения: 05.09.2019).

© Дегтярева Л. М.

УДК 811.111'23:316.276

Е. А. ПЕТРОВА, заведующий кафедрой иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России, доктор филологических наук, доцент (г. Уфа)

E. A. PETROVA, Head of the Chair of Foreign and the Russian Languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Philology, associate professor (Ufa)

КОГНИТИВНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ КАРТИНЫ МИРА

COGNITIVE-ORIENTED RELATIONS AS AN ELEMENT OF A PICTURE OF THE WORLD

Аннотация. В статье рассматриваются аналитические возможности новых парадигм внутри лингвистики, в частности, когнитивной лингвистики, позволяющей изучать язык не только как инструмент коммуникации, но и как непереносимое условие осуществления абстрактного обобщенного мышления и рациональной ступени человеческого познания, поскольку с помощью языка осуществляется формирование мысли. Делается вывод о том, что результаты познания выражаются в языковых формах. Отмечается, что когнитивный подход может быть применен к анализу разных лингвистических явлений как грамматического, так и лексического плана. В этой связи исследуются когнитивно-ориентированные отношения на примере инфинитива цели, которые отражают познавательный аспект человеческой деятельности.

Ключевые слова и словосочетания: когнитивизм, картина мира, концепт, фрейм, сценарий, дискурс, коммуникация, маркер.

Annotation. The article considers the analytical possibilities of new paradigms within linguistics, in particular, cognitive linguistics, allowing to study the language not only as a communication tool, but also as an indispensable condition for the implementation of abstract generalized thinking and a rational level of human cognition, since the formation of thoughts is carried out with the help of the language. the results of cognition. It is concluded that the results of cognition are expressed in linguistic forms. It is noted that the cognitive approach can be applied to the analysis of various linguistic phenomena, both grammatical and lexical. In this regard, cognitive-oriented relationships are studied on the example of the infinitive of the goal, reflecting the cognitive aspect of human activity.

Keywords and phrases: *cognitivism, worldview, concept, frame, script, discourse, communication, marker.*

Вопросы взаимосвязи мысли, языка и мира актуальны, поскольку они всегда находились и находятся в центре внимания таких научных парадигм, как философия, логика и лингвистика. Критерии осмысленности языковых выражений, роль языка в построении определенной картины мира – вот вопросы, требующие своего разрешения в контексте соотношения языка и иных феноменов человеческой культуры. Язык является одним из средств выражения знаний о мире, т. е. проверенных общественно-исторической практикой результатов познания действительности и адекватного ее отражения. Естественный язык отражает определенный способ восприятия и концептуализации мира. Так, Ю. Д. Апресян считает, что выражаемые в нем значения, т. е. «концепты языка складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [1].

Язык сложнейшим образом переплетается со знаниями о мире, которые глубоко «врастают» в схемы памяти человека. Проблемы представления знаний в языке на современном этапе развития лингвистики являются чрезвычайно насущными и рассматриваются с опорой на когнитивность, т. е. в рамках когнитивной лингвистики, позволяющей связать все языковые процессы с познавательной деятельностью человека, актами категоризации и концептуализации мира. В данном контексте когнитивная функция способствует созданию определенного фонда знаний.

Исходя из этого положения, когнитивная лингвистика представляет собой подход к анализу естественного языка, главным фокусом которого является представление языка как инструмента, предназначенного для организации, отработки и передачи информации. С ме-

тодологической точки зрения анализ концептуальной и экспериментальной базы лингвистических категорий представляет первоочередную задачу когнитивной лингвистики, поскольку когнитивная лингвистика рассматривает язык как систему категорий. Формальные структуры языка изучаются при этом не как автономные, а как отражение более общей концептуальной организации, механизмов обработки информации, категоризирующих принципов.

Поскольку когнитивная лингвистика рассматривает язык как неотъемлемую часть когнитивных возможностей человека, то, соответственно, в круг первоочередных интересов этой науки входят следующие проблемы: структурные характеристики категоризации естественного языка, функциональные принципы лингвистической организации, концептуальное взаимодействие между синтаксисом и семантикой, экспериментальный и прагматический фон для использования языка, взаимоотношение языка и мышления, проблема языковых универсалий.

Одной из ключевых и наиболее важных проблем, стоящих перед когнитивной лингвистикой, является исследование вопроса о том, существует ли специализированный когнитивный модуль, предназначенный исключительно для переработки лингвистической информации или же следует говорить о наличии более широкого модуля, характеризующегося более широким модулем когнитивной природы и связанного, соответственно, с другими видами коммуникации. Однако эта ключевая проблема не нашла пока еще своего решения, поэтому она и находится в центре внимания многих смежных наук, таких как когнитивная лингвистика, когнитивная психология, психолингвистика, логика, философия и др. Некоторые ученые поддерживают теорию о том, что

язык независим от других когнитивных процессов. На наш взгляд, совершенно очевидно, что наличие лингвистического модуля – отдельного специального лингвистического модуля – говорит в пользу того, что язык – это отдельная форма коммуникации, отделенная от других видов коммуникации.

У языка можно определить две основные функции: внешнюю коммуникацию с другими людьми и внутреннее представление наших собственных мыслей. Когнитивная лингвистика и когнитивная психология занимаются проблемами ментальной репрезентации, т. е. тем, каким образом знание, лежащее в основе использования языка, представлено в сознании человека. И когнитивная лингвистика, и когнитивная психология исследуют ментальные процессы, которые обеспечивают конструирование и понимание отдельных высказываний, адекватных тому контексту, в котором они возникают. Существенной задачей, стоящей перед когнитивной лингвистикой, следовательно, является задача определения того, какой вид знания (лингвистического и общего) необходим для овладения конкретным языком.

Отметим, что когнитивность понимается как свойство языка представлять в обобщенном виде познанные человеком явления и свойства внешнего мира. Отсюда мы приходим к следующему умозаключению: 1) когнитивная функция лежит в основе формирования концептуальной картины мира; 2) картина мира – это целостный, глобальный образ действительности, который является результатом всей духовной активности человека, всех его контактов с миром – предметно-практической деятельности, созерцания, умопостижения мира и т. д.; 3) следовательно, когнитивность позволяет по-новому интерпретировать содержание языковых категорий, их иерархическое строение, так как предусматривает систематизацию всех типов знаний, имеющих опору на

познавательную деятельность человека. Отметим, что когнитивный подход может быть применен к анализу разных лингвистических явлений как грамматического, так и лексического плана. Одной из основных процедур когнитивной лингвистики является представление знаний человека в соответствующих когнитивных моделях, предопределяющих восприятие, память индивида и вследствие этого ориентированных на процесс познания и коммуникации. В свете когнитивности каждая языковая категория рассматривается как отражение определенных пластов человеческого опыта, зафиксированных в языке. В связи с этим при анализе языковых категорий необходимо выявлять, какую структуру знаний фиксирует каждая категория, какую роль она играет в сжатии и развертывании знаний и в различной степени их детализации, т. е. коммуникации.

Наиболее существенным во всех определениях коммуникации является тот факт, что коммуникация предполагает передачу информации невербальными средствами. Определяя коммуникацию, важно определить, во-первых, осуществляется ли коммуникация интенционально, во-вторых, насколько точно она принимается или, говоря другими словами, является ли она неинтенциональной. Подчеркнем, что не все исследователи признают, что коммуникация обязательно должна быть интенциональной, т. е. передача информации может осуществляться и без интенции. Если понятие интенции считать необходимой частью коммуникации, то тогда проблема будет заключаться в том, каким образом следует определять интенциональную коммуникацию. Относительно легко интуитивно почувствовать интенцию, но гораздо труднее четко установить, что она действительно имеет место, и что конкретно она из себя представляет.

Рассуждая над вышеизложенной проблемой, мы пришли к выводу о том, что в целом коммуникацию можно раз-

делить на интенциональную и неинтенциональную. Внутри интенциональной коммуникации выделяется, соответственно, информация (коммуникация), воспринимаемая точно, невоспринимаемая точно и совсем невоспринимаемая. Воспринимаемая точно коммуникация воспринимается, как правило, как интенциональная. Невоспринимаемая точно коммуникация может быть воспринята либо как интенциональная, либо как неинтенциональная. В подгруппе неинтенциональной коммуникации коммуникация может быть воспринята как интенциональная и невоспринятая как интенциональная. В этой связи представляется важным вопрос о том, следует ли нам включать в определение коммуникации идею интенциональности. Если понятие интенции считать необходимой частью определения коммуникации, то тогда проблема будет заключаться в том, каким образом определить интенциональную коммуникацию. Относительно легко почувствовать интенцию интуитивно, но гораздо труднее четко установить, что она имеет место, и что она из себя представляет. Верным в этом отношении представляется мнение Джерома Брунера, который полагает, что «интенциональность присутствует тогда, когда имеется упорство в достижении цели, невзирая на трудности» [2].

Наряду с трудностями в определении интенциональности, аналогичные проблемы возникают и в связи с восприятием информации, т. е. была информация воспринята или нет, если она была воспринята, то насколько адекватно. На самом примитивном уровне можно сказать, что если информация воспринята, независимо от того, интенциональная она или нет, то коммуникация состоялась. Далеко не все будут согласны с таким общим определением. В частности, разногласия часто возникают по поводу того, необходим ли точный прием информации. Получатель информации, с другой стороны, может по-разному оценивать

воспринимаемую информацию с точки зрения ее интенциональности или неинтенциональности.

Подход к коммуникации как к процессу обработки информации рассматривался Аланом Фогелем. Он считает, что не следует рассматривать коммуникацию как серию отдельных ответов-откликов на отдельные предыдущие события. Напротив, он предполагает, что имеет место процесс совместного регулирования, при котором происходит непрерывная адаптация как к поведению в настоящий момент, так и к прогнозируемому поведению другого человека. А. Фогель также подчеркивает, что «социальная коммуникация – это только частично планируемый процесс. Это открытый процесс, который подвержен модификации и адаптации в свете совместных процессов, имеющих место в процессе общения» [3]. Однако, на наш взгляд, неясно, как далеко этот процесс может быть развит, чтобы он обеспечил системное изучение коммуникаций. При изучении процесса когнитивности скорее всего потребуется применение различных методов и моделей в зависимости от типа коммуникации.

Если изучать коммуникацию как процесс обработки информации, то, мы считаем, возможны разные подходы в ее трактовании. Интерес представляет интерпретация коммуникации Жана Пиаже, который рассматривает ее в плане общей когнитивности. Согласно Ж. Пиаже, социальное и коммуникативное развитие считаются «результатом общего когнитивного модуля» [4], т. е. нет специальной социальной когнитивности, нет специальных когнитивных структур, служащих для коммуникации, а есть только результат общей когнитивности. Он полагает, что когнитивные структуры создаются «как следствие взаимодействия с миром» [4].

С другой стороны, есть и другие подходы к этой проблеме. Так, часто противопоставляются подходы Ж. Пиаже и Л. С. Выготского. Основной тезис Ж. Пи-

аже заключается в том, что когнитивный процесс обеспечивает основу для развития. Данному тезису противопоставлена гипотеза Л. С. Выготского, который считал, что «понимание должно возникать в социальном контексте до того, как оно инкорпорируется в когнитивные структуры личности» [5]. Из данного постулата следует, что социальное взаимодействие (общение) и культура лежат в основе развития личности, а социальная коммуникация является базой для развития когнитивных навыков.

Рассуждая о связи мысли, языка и мира, мы в своих исследованиях пришли к выводу о том, что она может материализоваться или вербализоваться в форме текстов. Информация, содержащаяся в тексте, описывается в современной лингвистической науке в терминах фреймов или сценариев [6]. Как правило, фрейм, как и сценарий, предполагает «определенный набор признаков, которые позволяют идентифицировать данный фрагмент среди других фрагментов текста» [7]. Тезаурус каждого человека включает целую систему фреймов и сценариев, при помощи которой и происходит извлечение информации из текста. Реципиент как бы накладывает сеть фреймов и сценариев на определенный текст, осуществляя таким образом процесс восприятия содержащейся в нем информации.

Набор фреймов и сценариев в тезаурусе личности базируется на результате прошлого опыта. Можно говорить об определенном количестве фреймов, которые могли бы претендовать на роль универсальных. К фреймам такого типа можно отнести фреймы, базирующиеся на основополагающих логических отношениях следующего типа, а именно: часть – целое, причина – следствие, род – вид, сходство – различие, а также отношения классификации, цели, оценки и т. п. Эти основополагающие отношения пронизывают смысловую структуру дискурсов различного типа как научных, так и художественных. Мы их называем ког-

нитивно-ориентированными отношениями, поскольку они отражают познавательный аспект человеческой деятельности.

Приведем примеры когнитивно-ориентированных отношений, например, отношений цели, которые являются одними из универсальных логических отношений и могут служить основой для фрейма соответствующего типа в юридических дискурсах. Итак, в современном английском языке имеется целый ряд языковых единиц, являющихся маркерами целевого отношения. Это такие союзы, как *so that, in order that, that, so as* и др.

1. The last week has seen a rapid escalation of the COVID-19 outbreak in the UK. On 16 March 2020, Boris Johnson advised people in the UK to self-isolate *so that to reduce* the very real effect of virus on everyone. – Последняя неделя показала большой рост COVID-19 в Соединенном Королевстве. 16 марта 2020 года Борис Джонсон посоветовал гражданам Британии самоизолироваться, чтобы минимизировать влияние вируса.

2. Also, a country's economy can be damaged by corruption. For example, if companies must pay bribes *in order to do business*, then they may decide to leave the country. – Кроме того, коррупция может нанести ущерб экономике страны. Например, если компании должны платить взятки, чтобы вести бизнес, то они могут решить покинуть страну.

В примерах 1 и 2 в качестве маркера отношения цели выступают союзы *so that* и *in order*. Наряду с союзами в качестве маркеров отношения цели могут быть использованы лексемы со значением цели, такие как *purpose, aim* и др.

3. The final *purpose* of the preliminary investigation is to establish the evidence of the guilt of the accused. – Главная цель предварительного расследования – это установить вину обвиняемого.

В примере 3 маркер целевого отношения эксплицирован существительным *цель*.

Итак, маркеры целевого отношения являются теми сигналами, которые ориентируют реципиента на извлечение определенной информации из текста, в данном случае на извлечение информации о наличии целевых отношений между объектами или процессами в тексте. Отталкиваясь от маркера целевого отношения, реципиент последовательно восстанавливает цельную картину данного фрейма и достигает таким образом адекватное понимание данного фрагмента текста. Разумеется, необходимым условием адекватного понимания является и тезаурус личности. Как правило, под тезаурусом понимается определенный объем информации как из области общих знаний, так и из области конкретного научного знания. Так, в приведенных примерах в качестве конкретного научного знания выступает юриспруденция.

Наряду с отмеченными выше средствами, маркером целевого отношения может быть также инфинитивная структура, употребляемая в середине предложения.

4. On January 14, 2020, an independent report was published in the UK *to show* that the police have not investigated one of the most serious crimes in the country for years. – 14 января 2020 года в Британии был опубликован неофициальный доклад, чтобы показать, что полиция в течение нескольких лет не приступает к расследованию одного из самых серьезных преступлений.

5. Instances of credit card fraud usually occur when someone uses deceptive practices *to access and use* another person's card. – Случаи мошенничества, связанные с кредитными услугами, обычно происходят, когда кто-то использует мошеннические действия, чтобы получить доступ и использовать карту другого лица.

6. There are different ways for a perpetrator *to commit credit card fraud* and not actually have the card in hand. Для мошенника существуют различные спосо-

бы, чтобы совершить мошенничество с кредитной картой и фактически не иметь карту в руке.

В примерах 4–6 в качестве маркера целевого отношения выступает конструкция с инфинитивом. В данном случае именно синтаксическая структура является сигналом для реципиента и ориентирует его на восприятие целевого отношения, содержащегося в данном фрагменте дискурса.

Инфинитивные конструкции могут иметь при себе интенсификаторы целевого отношения.

7. Police services in different countries must work together *in an effort to successfully combat* international crime. – Полицейские службы в разных странах должны работать сообща, чтобы успешно бороться с международной преступностью.

В примере 7 маркер целевого отношения, эксплицированный инфинитивом *to successfully combat*, имеет при себе интенсификатор *in an effort*, который усиливает целевое отношение приведенного предложения.

Для юридического дискурса весьма распространенной моделью экспликации целевого отношения является позиция инфинитива в начале предложения.

8. *To identify* the person suspected of burglary the investigator had to interview many witnesses. – Чтобы установить лицо, подозреваемое в краже со взломом, следователю пришлось опросить много свидетелей.

9. *To prevent* youth from becoming delinquent legal systems should also prescribe specific procedures to instill equality and justice, fight poverty and create an atmosphere of hope and peace among youth. – Чтобы молодежь не становилась на преступный путь, правовым системам необходимо выработать конкретные процедуры для установления равенства и справедливости, борьбы с бедностью и создания атмосферы надежды и спокойствия у молодежи.

Начальная локализация инфинитива, эксплицирующего целевой маркер, обеспечивает оптимальное восприятие целевого отношения реципиентом, чем и объясняется столь высокая частотность использования инфинитива именно в указанной позиции, поскольку адекватность понимания является принципиально важным условием восприятия юридических текстов.

Несомненно, статус когнитивной лингвистики, возникшей на базе двух наук – генеративной семантики и психолингвистики, еще требует дальнейшего осмысления с точки зрения ее отношения и взаимодействия со смежными науками, такими как общая теория когнитивности, когнитивная психология, прагматика и др. Что касается рассмотренного нами когнитивно-ориентированного отношения цели в юридических дискурсах, то можно сделать вывод о том, что оно яв-

ляется своего рода универсальным фреймом, который отражает определенный фрагмент всеобщей картины мира. Этот фрейм является неотъемлемым элементом всеобщих знаний о мире, так как он непосредственно связан с когнитивным аспектом человеческой деятельности. Именно в силу этого целевые отношения имеют соответствующие средства выражения в любом языке независимо от его специфических особенностей. Данное утверждение справедливо для всех когнитивно-ориентированных отношений (отношения причины и следствия, части и целого, рода и вида, сходства и различия, классификационных и оценочных отношений и т. п.), поскольку они задействованы в информационных процессах, происходящих в сознании человека, когда он строит определенную концептуальную картину окружающей его действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки славянских культур», 2016. 767 с.
2. Bruner J. S. Beyond the information given: Studies in the Psychology of knowing. London: Routledge Hardcover, 2015. 530 p.
3. Fodor J. A. The language of thought. New York: Oxford University Press, 2018. 214 p.
4. Пиаже Ж. Психогенез знаний и его эпистемологическое значение. Семиотика: антология / сост. Ю. С. Степанов. 4-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2019. 480 с.
5. Выготский Л. С. Мышление и речь. Психологические исследования. М.: Национальное, 2019. 368 с.
6. Каменская О. Л. Текст и коммуникация: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1990. 152 с.
7. Minsky M. Jokes and the Logic of the Cognitive Unconscious // Cognitive Constraints on Communication. 2014. P. 175–200.

© Петрова Е. А.

**ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ.
ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

УДК 378.01:351.745.7.08(470)

М. С. БОЛЬШАКОВ, преподаватель
кафедры криминалистики Воронежского
института МВД России (г. Воронеж)

M. S. BOLSHAKOV, Instructor of the
Chair of Criminalistics of Voronezh Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(Voronezh)

**ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ
БУДУЩИХ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
НА ОСНОВЕ МЕТОДА ЛИЧНОГО ПРИМЕРА**

**FEATURES OF PROFESSIONAL EDUCATION OF FUTURE INVESTIGATORS
OF INTERNAL AFFAIRS BODIES BASED ON THE METHOD OF PERSONAL
EXAMPLE**

***Аннотация.** В статье рассматриваются некоторые аспекты профессионального воспитания будущих следователей органов внутренних дел на основе метода личного примера. Приводятся наиболее эффективные формы профессионального воспитания, описывается процесс организации проведения занятий и используемые средства профессионального воспитания. Метод личного примера в профессиональном воспитании будущих следователей раскрывается через описание форм привлечения к воспитательному процессу действующих следователей органов внутренних дел. В статье обоснована эффективность проведения занятий в форме кинолектория, приведен пример кинолектория, основанного на использовании материалов документального фильма на тему расследования громкого преступления прошлых лет с комментарием действующего следователя. Аналогично описывается эффективность профессионального воспитания с использованием книги для самостоятельного прочтения В. Ф. Статкуса «Следователь по особо важным делам».*

***Ключевые слова и словосочетания:** профессиональное воспитание, следователи, метод личного примера, формы профессионального воспитания, организация занятий, средства профессионального воспитания.*

***Annotation.** The article describes some aspects of professional upbringing of future investigators of internal affairs bodies based on the method of personal example. The most effective forms of professional upbringing are given, the process of organizing classes and the means of professional upbringing used are described. The method of personal example in the professional education of future investigators is revealed through the description of the forms of involvement in the educational process of existing investigators of internal affairs bodies. The article substantiates the effectiveness of conducting classes in the form of a film lecture, and provides an example of a film lecture based on the use of materials from a documentary on the investigation of a high-profile crime of the past years with the comment of the active investigator. Similarly, the effectiveness of professional education using a book for self-reading by V. F. Statkus «The investigator for particularly important cases» is described.*

***Keywords and phrases:** professional upbringing, investigators, method of personal example, forms of professional upbringing, organization of classes, means of professional upbringing.*

В последнее время в России значительно участились случаи привлечения к уголовной ответственности должностных лиц органов государственной власти, в том числе из числа следователей следственных подразделений различных ведомств. В частности, 6 февраля 2020 года на официальном сайте Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве (далее – ГСУ СК РФ) размещена информация о том, что расследуется уголовное дело в отношении следователя отдела по расследованию особо важных дел следственного управления по Северо-Восточному административному округу ГСУ СК РФ, который обвиняется в совершении преступления, предусмотренного ч. 6 ст. 290 УК РФ «Получение взятки в особо крупном размере» [1].

Не исключением являются случаи привлечения к уголовной ответственности руководителей и следователей следственных подразделений органов внутренних дел (далее – ОВД). 11 сентября 2019 года на официальном сайте СК РФ размещена информация о вынесении приговора в отношении экс-заместителя начальника отдела МВД России по району Лефортово г. Москвы – начальника следственного отделения Анзора Шулая, признанного виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями», п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий», ч. 2 ст. 292 УК РФ «Служебный подлог» и ч. 5 ст. 33 п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ «Пособничество в превышении должностных полномочий» [2].

Указанная тенденция не обошла и Воронежскую область, 28 ноября 2019 года на официальном сайте СУ СК РФ по Воронежской области была размещена информация о завершении расследования уголовного дела в отношении бывшего заместителя начальника следственной части ГСУ ГУ МВД России по Воронеж-

ской области, обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 5 ст. 290 «Получение взяток в крупном размере», ч. 6 ст. 290 УК РФ «Получение взяток в особо крупном размере» [3].

Очевидно, что бывшие государственные служащие такого ранга обладали обширными знаниями, профессиональными компетенциями и особыми личными качествами, позволившими им дослужиться до высоких должностей. Вместе с тем само обретение знаний, профессиональных компетенций не оказывает существенного влияния на состояние нравственной сферы личности, так как высокий уровень профессиональной компетентности может способствовать совершению квалифицированного преступного деяния, о чем свидетельствуют многочисленные случаи совершения должностных преступлений. В итоге мы приходим к очевидному выводу о том, что образование человека определяется не столько профессиональной компетентностью, сколько другими составляющими. Выдающийся русский философ и педагог И. А. Ильин считал, что «обогащенная память и изоощренная мысль при слепом сердце создают человека ловкого, но черствого и злого, готового на все ради достижения своей цели». «Вот почему, – писал он, – образование без воспитания есть дело ложное и опасное» [4, с. 296].

Взгляд законодателя на образование удивительным образом согласуется со взглядом на образование И. А. Ильина, для которого воспитание характера человека является доминантой в образовании. Согласно п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» образование является единым целенаправленным процессом воспитания и обучения, совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенций определенного объема и сложности [5]. Профессиональное образование, являясь разновидностью образования,

полностью охватывается содержанием понятия образования. Вместе с тем в указанном законе в п. 12 ст. 2 уточняется его более узкое направление: приобретение обучающимися знаний, умений, навыков и формирование компетенций определенных уровня и объема, позволяющих вести профессиональную деятельность в определенной сфере и (или) выполнять работу по конкретным профессии или специальности [5].

Лица, желающие осуществлять профессиональную деятельность в должности следователей ОВД, поступают в образовательные организации МВД России по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности (специализация «Уголовно-правовая»). Основные требования к результатам процесса воспитания и обучения курсантов и слушателей – будущих следователей закреплены в соответствующем указанной специальности Федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования и распределены в соответствии с п. 5.1 указанного образовательного стандарта по четырем группам компетенций: общекультурным, общепрофессиональным, профессиональным и профессионально-специализированным [6]. Содержание первых трех групп компетенций, являющихся ключевыми при подготовке следователя, определено указанным стандартом.

К воспитательной стороне процесса образования согласно п. 5.2 указанного образовательного стандарта относится формирование такой наиболее значимой общекультурной компетенции, как «способность выполнять профессиональные задачи в соответствии с нормами морали, профессиональной этики и служебного этикета» (ОК-4) [6]. Очевидно, что именно данная способность не была сформирована у должностных лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение коррупционных преступлений. Поэтому в современном обществе на первое место выходят вопросы про-

фессионального воспитания курсантов и слушателей – будущих следователей, способных на протяжении всей службы выполнять возложенные на них задачи в соответствии с нормами морали. Каким же образом следует воспитывать обучающихся с такой первоочередной по значимости для органов предварительного следствия способностью?

Наиболее эффективный метод воспитания человека известен педагогической науке и обоснован ею уже давно. Выдающийся русский педагог К. Д. Ушинский отмечал, что «в воспитании все должно основываться на личности воспитателя, потому что воспитательная сила изливается от живого источника человеческой личности» [7, с. 266]. Применение метода личного примера к процессу профессионального воспитания курсантов и слушателей – будущих следователей означает, что к проведению учебных занятий для данной категории обучающихся преимущественно должны привлекаться преподаватели из числа лиц, проходивших длительную службу в органах предварительного следствия и имеющих заслуженный авторитет в своей профессиональной среде. В условиях существования современных способов получения и распространения информации курсантам и слушателям не составит большого труда узнать о нравственной и служебной стороне профессиональной деятельности сотрудника до того, как он стал преподавателем.

В 2018–2019 гг. в ходе опроса курсантов и слушателей Воронежского института МВД России, обучающихся на 3, 4 и 5 курсах юридического факультета по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности, выяснилось, что для них высокий авторитет преподавателя из числа проходивших службу в органах предварительного следствия связан прежде всего с опытом расследования сложных многоэпизодных уголовных дел; нахождения выхода из сложной, неоднозначной следствен-

ной ситуации; проведения организационно и тактически сложных следственных действий; преодоления противодействия расследованию со стороны подозреваемых и обвиняемых. При этом выяснилось, что для подавляющего большинства курсантов и слушателей наличие у преподавателя указанного практического опыта имеет авторитетное значение лишь при условии, что он основан на нормах нравственности, принципах законности и соблюдения прав участников уголовного судопроизводства. Приведенные на занятиях примеры достижения служебных целей противозаконными и безнравственными способами вызывают лишь любопытный интерес и осуждение обучающихся без какого-либо серьезного желания копировать модели такого поведения. Таким образом, в ходе проведенного исследования была выявлена осознанная потребность курсантов и слушателей – будущих следователей научиться осуществлять эффективную профессиональную деятельность в соответствии с нормами нравственности и закона, в том числе путем обучения у носителей такого опыта и таких нравственных качеств.

Вместе с тем любой образовательной организации очень сложно полностью обеспечить образовательный процесс преподавателями из числа бывших следователей с необходимыми качествами, так как опытные следователи, как правило, держатся за свою службу в следственных органах или не представляют себя в качестве преподавателей, и в основном желают перейти на преподавательскую работу в силу некоторых личных обстоятельств или по достижению предельного возраста. Имеющиеся в вузе преподаватели с указанным профессиональным опытом и нравственными качествами личности должны привлекаться для занятий по таким важным для профессионального становления следователей дисциплинам, как криминалистика, предварительное следствие в ОВД, уче-

ние, противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению, методика расследования отдельных видов преступлений и др.

Чтобы обеспечить эффективность профессионального воспитания, основанного на методе личного примера, следует рассмотреть указанный метод в широком смысле, при котором личным примером профессиональной деятельности является пример привлеченных к воспитательному процессу действующих следователей, обладающих необходимыми нравственными качествами и значительным профессиональным опытом. В Воронежском институте МВД России созданы правовые основания для учебно-воспитательной работы с привлечением действующих следователей ОВД в рамках ежегодно принимаемого Плана взаимодействия института и Главного управления МВД России по Воронежской области по совершенствованию практической направленности образовательного процесса. Вместе с тем сам факт привлечения следователей к образовательному процессу без необходимости разработки форм и организации проведения занятий является малоэффективным, а сами учебные занятия рискуют быть сведены к обсуждению второстепенных вопросов без какого-либо положительного педагогического результата.

Процесс организации проведения занятий с привлечением следователя состоит из трех последовательных этапов: подготовительного, учебно-воспитательного (основного) и заключительного. На подготовительном этапе преподаватель выбирает привлекаемого для занятия следователя, добившегося высоких результатов в служебной деятельности, на основе отзыва руководителя следственного органа по месту службы следователя и предварительно беседует с предложенной кандидатурой лично или по телефону. Следователю разъясняется тема запланированного учебного занятия и его вопросы, а также у него выясняется

наличие желания принять участие в занятии. Затем у следователя выясняются основные этапы прохождения службы, наиболее интересные уголовные дела и служебные мероприятия, в которых он принимал участие, наличие опыта преодоления противодействия расследованию со стороны подозреваемых и обвиняемых, основные факторы, способствующие становлению его в качестве профессионала. Полученная информация используется преподавателем при планировании проведения самого учебного занятия, в том числе при разработке его воспитательных и учебных целей.

Воспитательные цели таких занятий будут в чем-то уникальны и даже недостижимы для занятий без привлечения следователей. Среди них выделим следующие: на примере служебной деятельности следователя показать возможность добиться высоких результатов с соблюдением норм нравственности и закона; показать значение получения образования и работы над собой (самообразования) для достижения успеха в профессиональной деятельности; наглядно продемонстрировать возможность развития значимых для профессии личных качеств в период получения образования. Учебные цели таких занятий аналогичны целям, поставленным для занятий без привлечения следователей, но достигаются на более высоком уровне.

На основном этапе проведения занятия преподаватель осуществляет педагогическое воздействие, направленное на развитие личности каждого обучающегося, через реализацию форм привлечения следователей к образовательному процессу. Ниже нами приведены наиболее эффективные апробированные на занятиях по криминалистике формы участия следователей в образовательном процессе в Воронежском институте МВД России.

Наиболее простой из них является форма привлечения следователя в качестве лектора по узкому вопросу профес-

сиональной деятельности на учебном занятии, где в конце преподавателем задаются вопросы по проверке усвоения нового материала. В этом случае лекция дополняется элементами семинарского занятия, при котором ответы обучающихся могут быть прокомментированы или дополнены участвующим следователем.

Более сложной является форма привлечения следователя в качестве независимого судьи при оценке выполнения обучающимися практического задания, подготовленного преподавателем лично или совместно со следователем. Выявленные при выполнении задания тактические, процессуальные или иные ошибки могут комментироваться следователем с приведением примеров из практической деятельности, что способствует более качественному усвоению учебного материала.

Одной из наиболее сложных является форма привлечения следователя для проведения мастер-класса по отработке наиболее сложных практических вопросов профессиональной деятельности, например, по установлению психологического контакта с лицами, не желающими давать показания и сотрудничать со следствием или оказывающими ему противодействие. В данном случае преподаватель может выступить в роли противодействующего следствию лица, смоделировав несколько возможных конфликтных ситуаций. Кроме того, следователь в ходе занятия может раздать обучающимся копии обвинительного заключения по окончанному им уголовному делу, представляющему интерес с точки зрения сложности доказывания, большого объема доказательств, многоэпизодности и т. д. Розданные копии обвинительного заключения, содержащие краткое описание собранных по уголовному делу доказательств, целесообразно разобрать с участием следователя на предмет исследования полноты доказательственной базы и возможности проведения дополнительных следственных

действий, которые по различным причинам не были проведены в ходе исследования. Следователь, отвечая на вопросы преподавателя или обучающихся, может пояснять некоторые особенности или пути преодоления трудностей при получении тех или иных доказательств, отраженных в обвинительном заключении. Такие формы проведения занятий требуют более длительной подготовки со стороны преподавателя и следователя. Помимо предложенных существуют и другие формы участия следователей в проведении учебных занятий, прежде всего практических. Однако при любых формах участия следователь не должен заменять преподавателя на занятии, иначе вышеуказанные воспитательные цели не будут достигнуты.

На заключительном этапе преподаватель обсуждает со следователем педагогические результаты проведенного занятия, определяет целесообразность и возможность привлечения того же следователя к следующим занятиям в той же группе или в других учебных группах по той же дисциплине или другим дисциплинам. При наличии целесообразности и возможности желательно предварительно договориться со следователем о перспективах дальнейшего взаимодействия.

Другой формой профессионального воспитания, основанного на методе личного примера в его широком понимании, является проведение учебного занятия в виде кинолектория, предполагающего показ обучающимся документальных видеоматериалов о профессиональной деятельности выдающихся следователей современности и прошлого, сопряженный с их обсуждением и ответом на заранее подготовленные вопросы, исходящие из содержания видеоматериалов. В данном случае пример поведения героя кинолектория при решении профессиональных задач является проверенным способом воспитательного воздействия на курсантов и слушателей, для которых указанные

герои после их презентации на занятии будут являться безусловными авторитетами. Эффективность кинолектория обусловлена: во-первых, качеством видеоматериала, его достоверностью и убедительностью, основанной на отражении реальных обстоятельств жизни и профессионального становления героев кинолектория; во-вторых, методами работы с аудиторией с использованием видеоматериала, при просмотре которого целесообразно делать паузы, сопряженные с комментариями преподавателя по основным смысловым моментам сюжета, или паузы в местах, сложных для восприятия в силу подачи материала и требующих пояснений преподавателя.

Кроме того, в кинолекторий можно ввести элементы семинара (кинолекторий-семинар), когда паузы при просмотре могут быть заполнены ответами обучающихся на вопросы преподавателя для проверки усвоения темы, в рамках изучения которой показан видеоматериал. В конце кинолектория целесообразно задать следующие вопросы воспитательного характера: «Какие личные качества позволили герою кинолектория добиться профессионального успеха?», «Какие факторы повлияли на формирование у него указанных качеств?», «Какие обстоятельства помогают, а какие мешают обучающемуся в формировании указанных значимых качеств?», «Как самостоятельно преодолеть препятствия для личного профессионального возрастания?».

Примером подходящего видеоматериала для проведения кинолектория, предназначенного для курсантов и слушателей – будущих следователей, является вышедший в конце 2019 года документальный фильм Е. Чавчавадзе «Цареубийство. Следствие длиною в век» [8]. В фильме последовательно показаны сложные обстоятельства расследования убийства Государя Николая II и его семьи, начатого в 1918 году следователем Н. А. Соколовым, приостанавливавшегося и вновь возобновленного

несколько лет назад СК РФ. Интерес вокруг личности и деятельности выдающегося следователя Н. А. Соколова, до конца занимавшегося расследованием главного уголовного дела в своей жизни, подкреплен комментариями различных историков, экспертов и следователя по особо важным делам СК РФ полковника юстиции М. В. Молодцовой. В фильме она сообщает об удивительных обстоятельствах расследования преступления, имеющего уже более века высокий общественный резонанс, необычных собранных доказательствах, сообщает о назначении ряда экспертиз, в том числе историко-архивных, которые ранее по делу не назначались. Подробный профессиональный комментарий следователя М. В. Молодцовой позволяет провести кинолекторий с показом документального фильма даже молодому преподавателю, не имеющему опыта следственной работы.

Следующая форма профессионального воспитания, основанного на методе личного примера, предполагает использование педагогического потенциала самостоятельной работы курсантов и слушателей, потенциала самообразования. Исследователь вопросов самообразования Н. А. Рубакин отмечал, что «самообразование должно вести к прогрессивному развитию человеческой личности, её улучшению, основным средством самообразования является чтение, которое должно осуществляться регулярно и по конкретному плану, полученные знания следует углублять в беседах и обсуждениях, самообразование должно обязательно иметь связь с реальной жизнью» [9, с. 81]. Очевидно, что предлагаемая обучающимся для самостоятельного прочтения книга должна отвечать тем же требованиям, предъявляемым для видеоматериала кинолектория. После прочтения заданных на изучение основных глав книги или всей книги необходимо организовать с обучающимися обсуждение прочитанного материала по аналогии с

обсуждением просмотренного кинолектория по тем же вопросам воспитательного и учебного характера.

Ярким примером подходящей для самостоятельного прочтения является книга В. Ф. Статкуса «Следователь по особо важным делам», выпущенная под общей редакцией генерал-полковника юстиции, заслуженного юриста Российской Федерации И. Н. Кожевникова. В аннотации дана емкая характеристика книги, которая обобщает богатый опыт автора, прошедшего путь от следователя районной прокуратуры в Челябинске до начальника следственной части по особо важным делам Главного следственного управления МВД СССР, руководившего расследованием многих резонансных преступлений, внесшего значительный вклад в совершенствование методики следственных действий.

В. Ф. Статкус не только рассказывает о делах, которые вел, и преступлениях, которые сумел раскрыть, но и анализирует действия свои и своих коллег, дает советы молодым следователям [10, с. 2]. В ее приложении помещена «Настольная книга следователя» – методическая разработка по собиранию, закреплению и оценке доказательств, допросу обвиняемых и свидетелей, проведению очных ставок. Помимо учебного значения книга В. Ф. Статкуса имеет значительный воспитательный потенциал, раскрывающийся в авторской оценке своих действий и действий коллег, в том числе ошибочных. Названия первой части книги «Теория и жизнь» и отдельной главы «О психологии следователя» подкрепляют исключительное воспитательное значение этой книги для будущих следователей. Книга В. Ф. Статкуса является уникальной в своем роде, так как иные подобные книги учебно-воспитательного характера о выдающихся российских следователях – наших современниках просто отсутствуют. Значительный объем книги в 448 страниц позволяет последовательно изучать ее содержание на протяжении

всего периода самостоятельной работы по любой учебной дисциплине, важной для профессионального становления следователей.

Рассмотренные и апробированные нами формы профессионального воспитания, основанного на методе личного примера, предполагают эффективное воздействие на обучающихся силой поступков конкретной личности, имеющей авторитет для объекта воспитательного воздействия. Применяя их в совокупности, преподаватель оказывает комплексное воздействие на основные сферы восприятия человека через прямое межличностное общение со следователем, аудиовизуальное восприятие личности следователя из просмотренного фильма и образное восприятие следователя из

прочитанного материала. В ином случае, не получив должного профессионального воспитания, молодой сотрудник может совершить должностное или любое иное преступление и больше не иметь возможности реализовать полученные в ходе обучения знания, умения и навыки в области профессиональной деятельности. Таким образом, для обеспечения профессионального становления курсантов и слушателей в качестве следователей, для сохранения выпускников образовательных организаций на государственной службе приоритетным направлением деятельности современных преподавателей должно стать профессиональное нравственное воспитание своих учеников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный сайт Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве. URL: <https://moscow.sledcom.ru/news/item/1436841> (дата обращения: 01.04.2020).
2. Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1388794> (дата обращения: 01.04.2020).
3. Официальный сайт Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Воронежской области. URL: <https://voronezh.sledcom.ru/news/item/1414536> (дата обращения: 01.04.2020).
4. Ильин И. А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. 430 с.
5. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 01.03.2020) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.
6. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности (уровень специалитета): приказ Минобрнауки России от 19.12.2016 № 1614 // Официальный Интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.04.2020).
7. Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения: в 2 т. М.: Учпедгиз, 1953. Т. 1. 639 с.
8. Чавчавадзе Е. Цареубийство. Следствие длиною в век. URL: https://russia.tv/brand/show/brand_id/64461 (дата обращения: 01.04.2020).
9. Рубакин А. Н. Рубакин (Лоцман книжного моря). М.: Молодая гвардия, 1967. 175 с.
10. Статкус В. Ф. Следователь по особо важным делам. М.: ИнтерКрим-пресс, 2007. 446 с.

© **Большаков М. С.**

УДК 378.016

В. А. ЛИТВИНОВ, доцент кафедры информатики и специальной техники Барнаульского юридического института МВД России, кандидат физико-математических наук, доцент (г. Барнаул)

V. A. LITVINOV, Assistant Professor of the Chair of Informatics and Special Equipment of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor (Barnaul)

О ПОВЫШЕНИИ МОТИВАЦИИ К ОБУЧЕНИЮ ИНФОРМАТИКЕ

ABOUT INCREASING MOTIVATION TO LEARN COMPUTER SCIENCE

Аннотация. В работе рассматриваются дидактические единицы учебной дисциплины «Информатика и информационные технологии в профессиональной деятельности» и их связь с будущей практической деятельностью обучающихся. Анализируется связь между дидактическим наполнением учебной дисциплины и мотивацией её освоения обучающимися. Отмечается снижение мотива получения новых знаний у первокурсников при изучении базовых элементов информатики, а также недоступность в образовательном процессе реальных информационных систем органов внутренних дел. Для повышения мотивации к освоению дисциплины предложено использовать компьютерные тренажеры, позволяющие смоделировать работу с реальными сервисами. Приводятся примеры применения соответствующих компьютерных тренажеров и влияние их на эффективность результатов образовательного процесса. Также предложено использовать элементы исследовательских заданий при изучении стандартного программного обеспечения.

Ключевые слова и словосочетания: мотивация, компьютерные тренажеры, ИСОД, дидактика, информатика, практическое обучение.

Annotation. The paper considers the didactic units of the discipline «Informatics and information technologies in professional activity» and their relationship to the future practical activities of students. The article analyzes the relationship between the didactic content of the discipline and the motivation of its learning by students. There is a decrease in motivation for obtaining of new knowledge among first-year students when studying the basic elements of computer science, as well as the unavailability of real information systems of Internal Affairs Bodies in the educational process. To increase motivation to master the discipline, it is proposed to use computer simulators that allow you to simulate working with real services. Examples of the use of appropriate computer simulators and their impact on the effectiveness of the results of the educational process are given. It is also proposed to use elements of research tasks when studying standard software.

Keywords and phrases: motivation, computer simulators, ISOD, didactics, computer science, practical training.

Вопросы дидактического наполнения дисциплин информационно-правового цикла являются актуальными на протяжении многих лет. В научной литературе обсуждаются

как отдельные аспекты преподавания дисциплин, условно называемых «информатика» [1; 2], так и общее содержание таких дисциплин [3; 4]. Объектом исследования настоящей ра-

боты является содержание дисциплины «Информатика и информационные технологии в профессиональной деятельности», входящей в образовательные программы по специальностям 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности и 40.05.02 Правоохранительная деятельность. Предметом исследования является практическая направленность дидактических единиц учебной программы дисциплины. Целью исследования было определение факторов, способствующих повышению мотивации обучения и эффективности образовательного процесса.

Одним из факторов, влияющих на эффективность образовательного процесса, является мотивация обучающихся к овладению новыми знаниями и умениями. «Мотивация обучения – средство побуждения учащегося к продуктивной познавательной деятельности, активному освоению содержания образования» [5, с. 62]. Согласно методике Т. И. Ильиной, все мотивы обучающихся объединяются в три группы: «приобретение знаний», «овладение профессией», «получение диплома». Сам факт поступления на учебу свидетельствует о наличии мотива «получение диплома», а вот будет он определяющим или сопутствующим зависит, в значительной степени от созданных условий для приобретения новых знаний и овладения профессией.

Среди дисциплин, входящих в основную образовательную программу по перечисленным выше специальностям, информатика и информационные технологии в профессиональной деятельности выделяются тем, что значительная часть материала, предусмотренного для изучения при освоении дисциплины, большинством первокурсников изучено в школе. Наличие данной проблемы отмечалось И. С. Ивановым [3]. Такая ситуация снижает роль группы мотивов «приобретение знаний». Представляется, что повысить роль этой группы мо-

тивов можно путем непосредственной привязки освоения свойств отдельных программных продуктов, включая офисное программное обеспечение, к решению конкретных профессиональных задач.

И. В. Галыгина, Л. В. Галыгина отмечают, что на практике освоение студентами информационно-коммуникативных технологий (далее – ИКТ) является малоэффективным, если ИКТ не используются для решения реальных задач из профессиональной области того уровня сложности, который соответствует выбранной индивидуальной образовательной траектории [6, с. 147]. Весь учебный материал дисциплины информатика и информационные технологии в профессиональной деятельности условно можно разделить на две группы: программные продукты, используемые в различных сферах деятельности, и программные продукты, используемые в основном сотрудниками органов внутренних дел в своей профессиональной деятельности.

К первой группе относятся служебные программы операционной системы, офисные программы, Интернет-сервисы и некоторые утилиты по обслуживанию компьютера. Данной группой программ большинство первокурсников владеют на удовлетворительном уровне (в ряде случаев считая, что владеют отлично). Для повышения мотивации углубленного и системного изучения перечисленных программных продуктов необходимо на практических занятиях рассматривать решение модельных задач подготовки документов, поиска и анализа информации, максимально приближенных к будущей практической деятельности обучающихся.

Повысить мотивацию изучения программных продуктов первой группы можно, внося исследовательский элемент, связанный с сопоставлением различных версий однотипных программных продуктов. Это позволит

сформировать у обучающихся представление об общих принципах функционирования тех или иных программ и особенностях их отдельных реализаций. Например, сравнить процедуру нумерации страниц в текстовых редакторах Word MS Office и Writer Libre Office. Привнесение исследовательских элементов в практические занятия по информатике будет способствовать развитию у обучающихся способности самообучаться работе с различными информационными системами.

Ко второй группе программ, изучаемых в рамках дисциплины «Информатика и информационные технологии в профессиональной деятельности», можно отнести справочно-правовые системы, ведомственные сервисы интегрированной мультисервисной среды (далее – ИМТС) органов внутренних дел и некоторые специализированные информационные системы, например, программные комплексы распознавания лиц по фотографиям и т. д. Компетентностный подход, положенный в основу федеральных государственных образовательных стандартов третьего и последующих поколений, предполагает максимальное приближение содержания учебного материала к будущей практической деятельности специалиста.

Реализация данного требования при изучении второй группы программных продуктов в образовательных организациях МВД России в настоящий момент затруднена. Если справочно-правовые системы «КонсультантПлюс» и «Гарант» являются общедоступными, включая и соответствующие Интернет-ресурсы, то доступ к ведомственным информационным сервисам (далее – сервисы ИСОД) у курсантов и слушателей профессиональной подготовки отсутствует. В большинстве случаев образовательные организации не располагают и специализированными автоматизированными рабочими местами.

В настоящее время сервисы ИСОД снабжены учебными материалами в виде презентаций и интерактивных флэш-приложений, пошагово ведущих обучаемого по некоторой траектории выполнения задачи. Отметим два недостатка этих материалов. Во-первых, для того чтобы воспользоваться ими, необходимо обладать логином и паролем для доступа хотя бы к повседневным сервисам ИСОД. А как уже отмечалось ранее, курсанты и слушатели такого доступа не имеют. Во-вторых, в интерактивных флэш-приложениях рассматривается только одна траектория решения задачи с явными указаниями (подсветкой требуемых кнопок) выполняемых действий. Уже первая причина делает указанные учебные материалы фактически невостребованными в образовательных организациях.

Для приближения образовательного процесса к реальной профессиональной деятельности необходимо создавать программы, позволяющие смоделировать работу с сервисами ИСОД. В Барнаульском юридическом институте МВД России в настоящее время используются компьютерные тренажеры, позволяющие смоделировать работу со следующими сервисами ИСОД: «СЭД» – сервис электронного документооборота; «СОДЧ» – сервис обеспечения дежурных частей; «СООП» – сервис охраны общественного порядка; «СПГУ» – сервис предоставления государственных услуг; «ФИС ГИБДД-М» – сервис федеральной информационной системы ГИБДД. Хотя перечисленные тренажеры и не воспроизводят 100 % функций реальных сервисов, они позволяют решать большинство модельных задач, для решения которых предназначены реальные сервисы.

На рис. 1–3 приведены образы экрана компьютера на некоторых этапах работы с сервисами «СООП» и «СОДЧ». Во-первых, оформление, интерфейс идентичны реальным ресурсам. Это означает, что,

придя в практические органы, вчерашний выпускник института психологически будет воспринимать данные информационные ресурсы как знакомые ему программные продукты. Во-вторых,

поработав на практических занятиях с несколькими ресурсами, обучающиеся могут сформировать у себя представление об общих принципах интерфейса ресурсов.

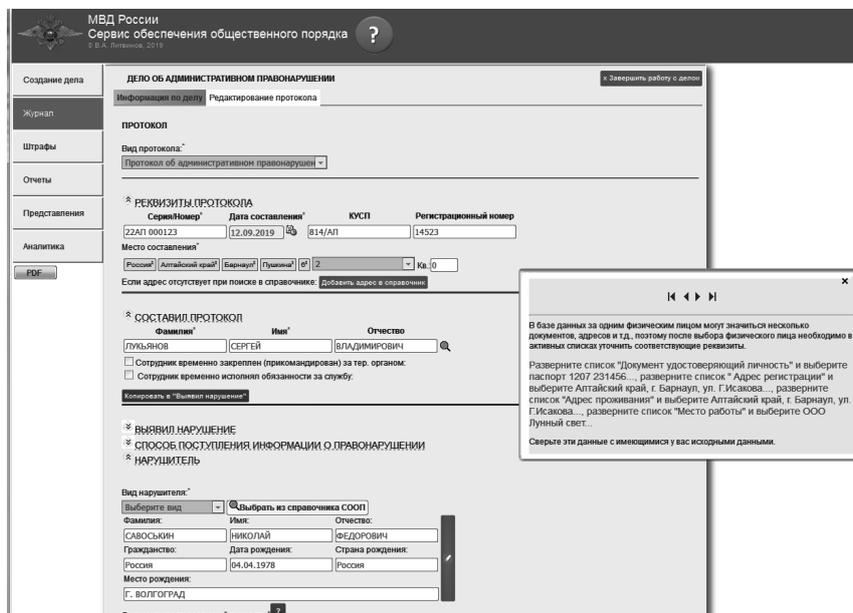

Рис. 1. Образ экрана при редактировании протокола об административном правонарушении в тренажере «СООП»

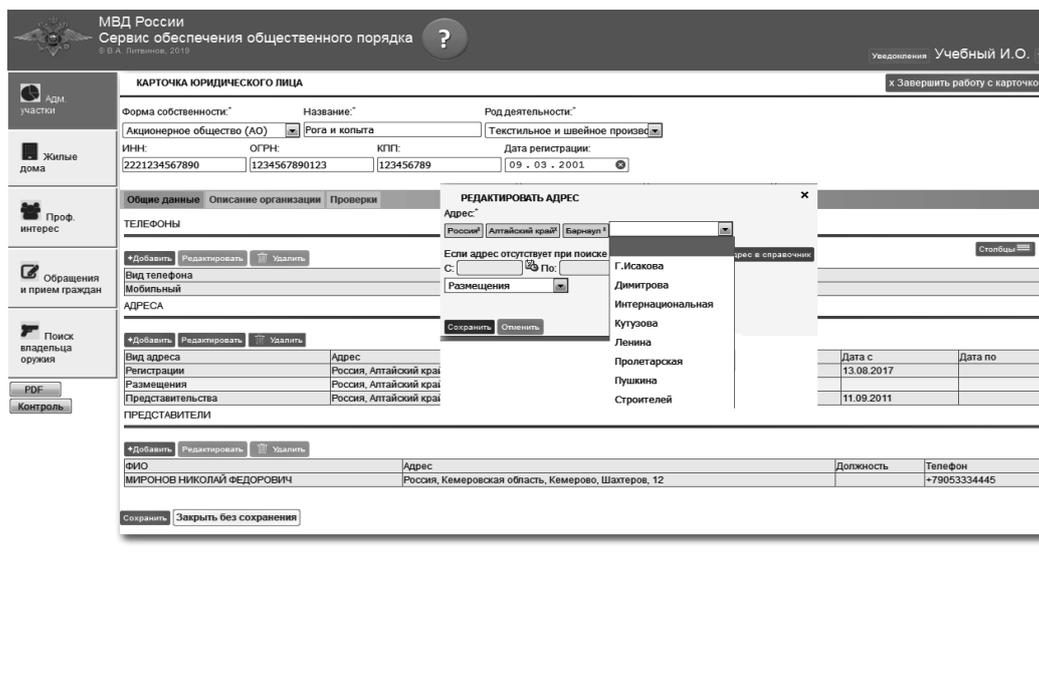

Рис. 2. Редактирование адреса организации в карточке юридического лица административного участка в тренажере «СООП»

Общеизвестно, что чем с большим количеством различных компьютерных приложений знаком пользователь, тем легче ему освоить новый программный продукт. Это объясняется достаточно ограниченным инструментарием информационных систем. Вот и в случае с сервисами ИСОД наблюдается аналогичная ситуация. Например, сравнивая рис. 1 и 2, можно заметить, что в разных сервисах используется один алгоритм выбор-

ки адресов из общего для всех ресурсов справочника. Сравнивая рис. 2 и 3, можно обнаружить наличие одного инструмента настройки отображения данных в таблицах (выборка отображаемых столбцов).

Единым для всех сервисов является инструментарий фильтрации списков данных, отображаемых в таблицах. Пример выполнения такого задания приведен на рис. 3.

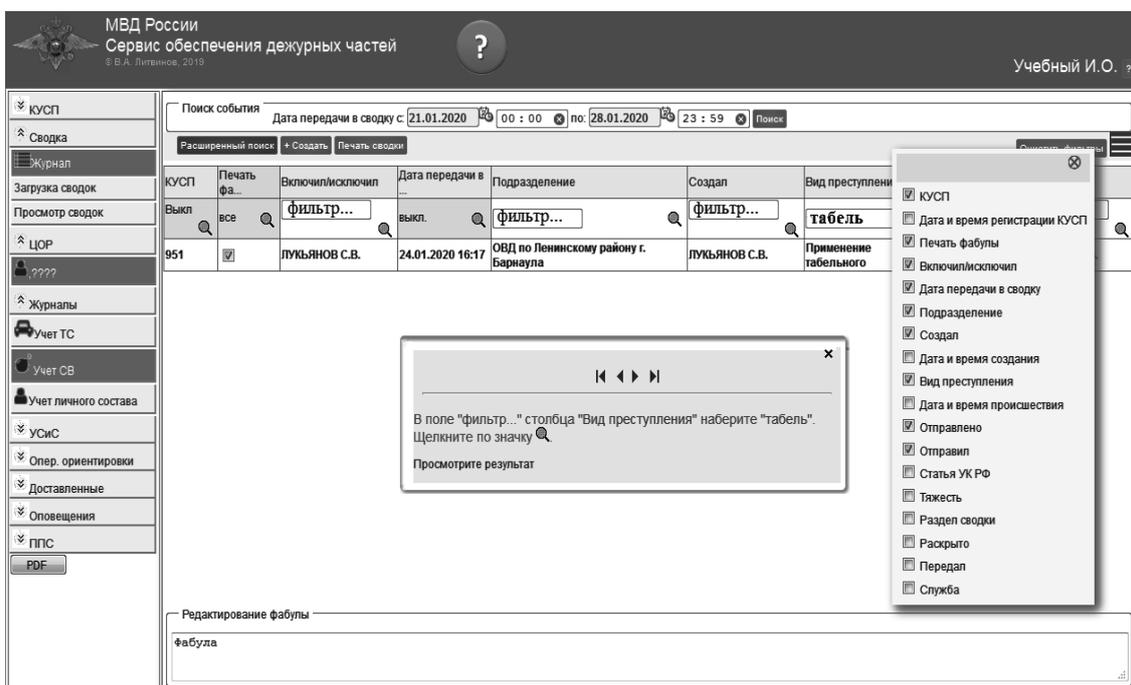

Рис. 3. Пример применения фильтра для списка сводок и настройки перечня отображаемых столбцов соответствующей таблице

Все сервисы тренажеров снабжены автономным модулем, предназначенным для отображения заданий и комментариев в отдельном плавающем окне, которое можно увидеть на рис. 1 и 3. Это дает возможность в процессе обучения оперативно вносить коррективы в практические задания и добавлять пояснения по действиям, вызывающим у обучающихся затруднения. Для подготовки кратких информационных материалов по имеющимся учебным пособиям можно использовать инструментарий, описанный в работе С. Ю. Донских и

В. А. Литвинова [7]. Об эффективности результатов применения описанных выше тренажеров для освоения темы «Ведомственные ресурсы МВД России» косвенно может служить результат анализа выполнения обучаемыми следующего задания. До применения тренажеров обучаемые знакомились с сервисами ИСОД по презентациям сервисов и инструкциям по работе с сервисами, взятым преподавателем с соответствующих ресурсов. Далее обучаемым было предложено составить по 5–10 тестовых заданий по всей совокупности сервисов.

Другая группа обучающихся выполняла соответствующее задание после работы с тренажерами без предварительного знакомства с инструктивными материалами. В результате большинство тестовых заданий первой группы относились к классификации сервисов, общему назначению отдельных ресурсов. И, естественно, отсутствовали задания, связанные с особенностями работы с тем или иным сервисом.

Вторая группа обучаемых значительную часть тестовых заданий составила по технологии выполнения конкретных операций в том или ином сервисе. Например, сколько один документ в «СЭД» может содержать разных резолюций? Где посмотреть в «СЭД» исполненный документ? Можно ли в дело об административном правонарушении добавить протокол, если в нем уже содержится постановление? То есть тестовые задания

касались тех ситуаций, с которыми обучающиеся сталкивались при решении модельных задач.

Таким образом, повысить мотивацию обучающихся при изучении дисциплины «Информатика и информационные технологии в профессиональной деятельности» в образовательных организациях МВД России можно, добавляя в практические задания исследовательские элементы. Особенно это актуально при изучении стандартного программного обеспечения. При изучении специализированного программного обеспечения применение программ-тренажеров, позволяющих смоделировать реальные ресурсы, дает возможность максимально приблизить процесс обучения к реальной практической деятельности, что способствует эффективному формированию необходимых компетенций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галыгина И. В., Галыгина Л. В. Актуальные проблемы в системе обучения информатике студентов вузов // Приоритетные направления развития науки и образования: сборник статей VII Международной научно-практической конференции. В 2-х чч. Пенза: Наука и Просвещение, 2019. Ч. 2. С. 135–138.
2. Храмова Н. Г., Майборода Т. Ю. Подходы к развитию цифровых компетенций студентов юридических вузов // Перспективы науки и образования. 2019. № 1 (37). С. 80–93.
3. Иванов И. С. О содержании дисциплины «Информационные технологии в юридической деятельности» // Вестник ТвГУ. 2018. № 3. С. 124–133.
4. Литвинов В. А., Кемпф В. А. К вопросу о преемственности среднего и высшего образования в области информационных технологий // Наука и школа. 2017. № 1. С. 66–69.
5. Мельников В. Е. Мотивация к обучению студентов в вузе как психолого-педагогическая проблема // Вестник Новгородского государственного университета. 2016. № 5 (9). С. 61–64.
6. Галыгина И. В., Галыгина Л. В. Конструирование индивидуальной образовательной траектории с учетом требований ФГОС третьего поколения // Вопросы современной науки и практики. 2011. № 2 (33). С. 146–153.
7. Донских С. Ю., Литвинов В. А. Инструментарий для создания электронных учебников // Педагогические технологии в подготовке педагога-воспитателя и социального педагога в условиях модернизации педагогического образования: материалы II Всероссийской конференции. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2003. С. 113–115.

© Литвинов В. А.

ПАМЯТКА
АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК УФИМСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ»

• Редколлегия принимает для рассмотрения и публикации научные статьи, по своему содержанию отражающие современные проблемы права и государства, их исторический аспект, актуальные вопросы юриспруденции, правоохранительной деятельности, развития и совершенствования высшего юридического образования, методики обучения и воспитания в образовательных организациях системы МВД России, о связи юридической науки и практики, а также обзоры и комментарии законодательства, очерки и материалы по следующим научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

12.00.01 – Теория и история права и государства. История учений о праве и государстве (юридические науки).

12.00.08 – Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право (юридические науки).

12.00.09 – Уголовный процесс (юридические науки).

12.00.02 – Конституционное право. Конституционный судебный процесс. Муниципальное право (юридические науки).

12.00.03 – Гражданское право. Предпринимательское право. Семейное право. Международное частное право (юридические науки).

12.00.11 – Судебная деятельность. Прокурорская деятельность. Правозащитная и правоохранительная деятельность (юридические науки).

12.00.12 – Криминалистика. Судебно-экспертная деятельность. Оперативно-разыскная деятельность (юридические науки).

12.00.14 – Административное право. Административный процесс (юридические науки).

10.02.01 – Русский язык (филологические науки).

10.02.04 – Германские языки (филологические науки).

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).

13.00.08 – Теория и методика профессионального образования (педагогические науки).

• Рукописи представляются в 2-х экземплярах с приложением электронного варианта.

• Структура статьи:

название на русском и английском языках (печатаются заглавными буквами с соблюдением симметрии, шрифт – № 14);

сведения об авторе на русском и английском языках (над заглавием справа должны быть указаны инициалы, фамилия автора (авторов) – печатаются заглавными буквами, размер шрифта – 14; занимаемая должность, полное название места работы, ученая степень и ученое звание – строчными буквами, размер шрифта – 12, курсивом; номер телефона (служебный или домашний), факс, адрес электронной почты (не для печати);

аннотация (100–150 слов) и **ключевые слова** (6–10 слов или словосочетаний, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3) на русском и английском языках – печатаются курсивом, размер шрифта – 12;

рукопись статьи должна представлять собой распечатку текста на одной стороне листа формата А 4 (210 x 297 мм) в текстовом редакторе MICROSOFT WORD с использованием шрифта Times New Roman, размером 14 пунктов через одинарный интервал. Страницы рукописи должны иметь строго выдержанные поля: по 2,5 см каждое. По объему текст не должен превышать 27 000 знаков с пробелами машинописного текста через одинарный интервал. С учетом данных об авторе, используемого библиографического списка ссылок на использованные источники, аннотации и ключевых слов объем текста должен быть в пределах от 7 до 10 страниц, т. е. от 17 000 знаков на 7 страницах до 27 000 знаков на 10 страницах с учетом пробелов, библиографических ссылок, включая таблицы, графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы, которые группируются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG, разрешение – не менее 300 dpi;

оригинальность статьи должна составлять не менее 60 %;

пристатейный затекстовый библиографический список ссылок, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», размещается конце текста, размер шрифта – 12, Times New Roman. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница;

индекс Универсальной десятичной классификации (УДК), который располагается слева перед сведениями об авторе (авторах) отдельной строкой.

- При использовании в тексте различных аббревиатур необходимо приводить их расшифровку, а в скобках – аббревиатуру с последующим использованием ее без расшифровки. Например, уголовно-исполнительная система (далее – УИС).

- Статья должна быть подписана автором (авторами) на последней странице второго экземпляра следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Сведений, составляющих государственную и служебную тайну, не имеется».

- К направляемым в редакцию научным статьям прилагаются рецензия (подписи рецензентов заверяются гербовой печатью), выписка из протокола заседания кафедры с рекомендацией статьи к опубликованию, справка о проверке текста статьи на оригинальность с использованием специализированного программного обеспечения, заверенная автором.

- Публикуемые статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Авторы несут ответственность за недостоверные сведения, содержащиеся в их материалах.

- К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях.

- Предоставляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в справочно-правовых системах, базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет).

- К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка по следующей форме:

<p>Заявка на опубликование научной статьи (рецензии/обзора) в научно-практическом журнале «Вестник Уфимского юридического института МВД России»</p> <p>Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи</p> <hr/> <p style="text-align: center;">(название статьи)</p> <hr/> <p>в рубрике _____</p> <p>Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте института в сети «Интернет».</p> <p>Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом редакции журнала. При подготовке материалов к публикации не использовались литературные источники и документы, имеющие гриф дсп, «секретно», а также служебные материалы других организаций.</p> <p>Согласен на обработку своих персональных данных в соответствии со ст. 6 Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ.</p> <p>Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией.</p> <p>О себе сообщаю следующую информацию:</p> <p>ФИО (полностью): _____</p> <p>Должность: _____</p> <p>Место работы: _____</p> <p>Ученая степень: _____</p> <p>Ученое звание: _____</p> <p>Адрес: _____</p> <p>Телефон для связи: _____</p> <p>e-mail: _____</p> <p>Электронный вариант статьи на _____ страницах прилагается.</p> <p>Дата. подпись. расшифровка подписи.</p>
--

**РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК
УФИМСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА МВД РОССИИ»**